

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

Д.А. АЛИМОВА

**ИСТОРИЯ
КАК ИСТОРИЯ,
ИСТОРИЯ
КАК НАУКА**

в 2-х томах

**ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
2008**

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

Д.А. АЛИМОВА

**ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИЧЕСКОЕ
СОЗНАНИЕ
I**

**ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
2008**

Автор выражает большую благодарность своим ученикам кандидатам исторических наук Ш.И. Асадовой, Н.Р. Махкамовой, Ф.Ш. Шамукарарамовой, Д.М. Кенжаеву, У.А. Абдурасулову, Д.А. Гуламовой, Ш.М. Рахматуллаеву, С.Б. Тиллабоеву, Д.Н. Раджабовой, О.Г. Пуговкиной, принимавшим участие в работе над составлением сборника.

Ответственный редактор:
академик АН РУз **Э.В. РТВЕЛАДЗЕ**

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор **Н.А. АБДУРАХИМОВА**,
доктор исторических наук, профессор **Г.Д. АЛЕКСЕЕВА**

Данный том охватывает широкий спектр вопросов, касающихся истории Узбекистана XX века, а также места и роли исторической науки на современном этапе, проблем методологии и новых подходов в изучении истории. В него вошли работы автора, опубликованные в 1993—2007 гг., дополненные и переработанные с учетом новых научных данных. Монография представляет материалы не только в плане научно-методологического содержания, но и как ценный источник по истории и историографии Узбекистана.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В УЗБЕКИСТАНЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Историография в системе Академии наук Республики Узбекистан (1943—1993)	13
О задачах отечественной исторической науки в Узбекистане на современном этапе	24
Историческая наука в Узбекистане в прошлом и настоящем	33
О проблемах развития исторической науки в Узбекистане	44
О некоторых «болезнях роста» в изучении истории Узбекистана	54
Каким не должен быть этнический атлас Узбекистана?	65
К вопросу о взаимодействии кочевой и оседлой культур народов Центральной Азии: историографический аспект	80
О задачах освещения совместной истории в центральноазиатских исследованиях	87
«Эмансипация» истории и ее проблемы	95

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНО ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Для чего нужно историческое сознание?	101
Единство просвещения, знания и этики поведения	109
Воспитание историей или энергия исторических знаний	117
Времена и идеи	122
Сегодняшний взгляд на вчерашнюю историю	130
История расставила все по своим местам	137

НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА

Столетие противоречий. Взгляд из XXI века	144
История Узбекистана начала XX века в контексте Евразийских процессов	165

Популярная история города Ташкента (середина XIX — начало XXI веков)	180
О некоторых личностях в истории Узбекистана (Энвер Паша. Герой или авантюрист?)	197

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Основные проблемы культуры Узбекистана в историографии 20—30-х годов	205
Вопросы образования и просвещения	208
Основные идеологические тенденции в культуре, процессы торможения ее развития	223
Изучение ислама и советская модель «воинствующего» атеизма в Узбекистане	233
К вопросу о трансформации религиозного сознания Узбекистана (На примере ислама)	241

ВЗГЛЯД ИСТОРИКА НА ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

Положение женщин в Центральной Азии в XX веке	252
Меняется ли отношение к женщине на пороге XXI века?	271

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя доктора исторических наук, профессора Д.А. Алимовой широко известно в республике и за ее пределами не только как ученого, автора целого ряда трудов по актуальным вопросам истории, но и в не меньшей степени как организатора науки, внесшего значительный вклад в развитие исторической науки независимого Узбекистана.

Начало 90-х годов XX столетия — период эпохальных изменений на всем постсоветском пространстве, в том числе и в Узбекистане. Крушение бывшего Союза, крах коммунистической идеологии, образование независимого государства и раздвигание нации о будущем вызвали острый интерес узбекского народа к своему прошлому и историческим корням.

Всевозрастающая потребность широких слоев населения в познании своих духовных и исторических истоков потребовала от исторической науки безотлагательного обновления методологических подходов, структурно-организационных перемен и развития кадрового потенциала, расширения источниковой базы, обращения к малоосвещенным, замалчиваемым, тенденциозно изложенным и прямоискаженным ранее проблемам истории.

Обновление исторической науки закономерно было начато с реорганизации Института истории АН РУз, являющегося головным учреждением исторического профиля в стране.

Этот процесс, начавшийся с первых дней независимости, был сложным и неоднозначным. Встреча Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова с группой ученых-историков и последовавшее за ней Постановление Кабинета Министров РУз «О совершенствовании деятельности Института истории АН РУз» (1998) обеспечили выход института на ведущие позиции в исследовании истории Узбекистана, подготовку молодых кадров, расширение международных связей.

Кардинальная перестройка исторических исследований в Узбекистане востребовала новые ключевые фигуры, обладающие стратегическим историографическим видением и мышлением. Как известно, это требует свободы аналитической мысли, максимального знания научной литературы и ее критического восприятия, умения сопоставлять различные взгляды, мнения, концепции и выявлять в них самое существенное, обоснованное, дающее ключ к наиболее правильному освещению изучаемой проблемы.

Обладая такими качествами ученого, Д.А. Алимова возглавила Институт истории Академии наук, на который возлагалась задача объединить усилия историков в обеспечении страны, как независимого государства научной базой на основе объективного анализа источников.

Имея университетский диплом, в котором ее специальность обозначена, как историк-археолог, пройдя профессиональный путь историографа, она смогла реализовать свои способности и в качестве руководителя.

Большинство из первоочередных проектов, предложенных профессором в ее публикациях в середине 90-х годов, сегодня уже стали неотъемлемой частью отечественной исторической науки. Благодаря вниманию руководства страны к исторической науке часть проблем уже решена и успешно решается. Давно стал популярным журнал историков «O'zbekiston tarixi» («История Узбекистана»), в редколлегию которого входят ведущие отечественные и зарубежные историки; оправданной и необходимой стала деятельность Объединенной межвузовской кафедры Института истории и ведущих вузов республики (в ее состав входят восемь ведущих вузов), Республиканского научного семинара имени академика Я. Гулямова по актуальным проблемам истории. Сегодня можно сказать и о том, что Институт истории и труды его сотрудников, которые, наряду с историей Узбекистана, затрагивают историю Центральной Азии в целом, известны далеко за пределами региона. Институт осуществляет также совместные проекты по изучению Центральной Азии со многими ведущими научными центрами Франции, Германии, Италии, Англии, США, Кореи, Японии, Индии и других стран.

Созданные за последние десять лет работы образуют единый проблемно-тематический цикл из двух томов, включающих проблемы: методологии, определения корпуса задач для выхода узбекистанских историков на международную арену, культурологии, актуальные вопросы подготовки учебников по истории для школ и вузов.

Д.А. Алимова взяла на себя смелость выступить против современной фальсификации истории, касающейся определенных событий, периодов, личностей. Особенно отчетливо это выразилось в разработке новых подходов к истории колониального и советского периодов. Следует отметить, что до середины 90-х годов XX столетия наблюдались определенные противоречия между двумя (условно) группами историков: приверженцами старой советской школы и подходов, и исследователями, занимавшими заведомо негативную позицию ко всем историческим событиям этого времени.

Ряд публикаций Д.А. Алимовой, освещающих историю этих периодов, на основе разнохарактерного источникового материала, в большинстве своем извлеченных из ранее закрытых или неиспользованных доселе фондов, позволили создать объективную картину, основанную на строго научном выявлении как негативных, так и позитивных страниц нашего недавнего исторического прошлого, которая была принята и получила поддержку большинства историков. Ее принципы основываются на научно-объективном подходе в освещении страниц истории отечества и отмежевании от всего наносного, случайного и амбициозно-конъюнктурного, порой «работающего» на сенсацию, не отвечающего историческим реалиям. Данная позиция обусловлена, конечно же, не занимаемым ею положением, она вызвана стремлением к последовательно взвешенному анализу исторических событий — вне деструктивных эмоций и заданных рамок, что является главным условием научных исследований. Это является и основной воспитательной задачей научной школы Д.А. Алимовой, что в принципе должно касаться и школ ведущих историков страны, где должны вырасти исследователи новой генерации.

Формированию этих взглядов во многом способствовала многолетняя деятельность ученого как историографа. Историо-

графический анализ является важнейшей составляющей частью ее научных трудов, по мнению ученого историография как неотъемлемая часть исторической науки решает очень многое, помогает выявить то, что необходимо восполнить и исправить, судить о состоянии и перспективах развития исторической науки. Д.А. Алимова считает, что историческая наука значительно обогатится от подключения таких родственных научных дисциплин, как философия, социология, искусствоведение, лингвистика. Использование же историками арсенала научной методологии и новейших достижений естественных наук и применение их в истории и археологии будет способствовать совершенствованию инструментария исторических исследований. Объектами исследований ученой в течение многих лет являлись также проблемы женщин и джадидское движение в Средней Азии — ее первые и постоянные научные пристрастия.

В данное издание вошли лишь те публикации, которые, по нашему мнению, наиболее полно и выразительно отображают эволюцию методологических и историографических представлений автора за последние годы.

Особо хочется отметить и деятельность Дилором Агзамовны в деле популяризации истории среди широких масс. Она — одна из тех немногих историков, которые умеют в простой, доходчивой форме рассказать о важных эпизодах истории нашего народа. В то же время в ее статьях, опубликованных в СМИ, выдвигаются первоочередные задачи исторической науки с предложением их обсуждения широкой научной общественностью. Многие из них помогают преподавательскому составу историков в оценке узловых моментов истории и в определении подходов к ним. Подобные статьи, не потерявшие своей актуальности до сих пор, также включены нами в данную монографию.

Исторические труды Д.А. Алимовой и все, что касается проблем, собственно, исторической науки и ее развития, восприятия ее исследователями и выдачи как продукта переработки их сознанием событий прошлого вошли в первый том ее трудов, названный «История и историческое сознание».

Разделы этого тома названы согласно их логическому содержанию. Так, в первый раздел «Историческая наука в Узбе-

кистане и проблемы ее развития» вошли публикации о месте и роли отечественной исторической науки на различных этапах ее развития, а также о первоочередных мерах и задачах по ее совершенствованию.

Во второй раздел «Для чего нужно историческое сознание?» включены раздумья историка относительно роли исторической науки и исторического сознания в современном обществе. Особенно интересными, на наш взгляд, представляются размышления автора о необходимости обобщения опыта предшествующих поколений, и о том, как идейные образы «совершенного общества» и «совершенного человека», представленные в трудах известных мыслителей Востока, могут быть экстраполированы на современную реальность и поставлены на службу обществу.

Публикации, представленные в третьем разделе «Недавнее прошлое глазами историка», дают возможность рассмотреть события недавнего исторического прошлого нашей страны в контексте общемировых процессов.

Следующие разделы данного тома посвящены изучению методологии и подходов к исследованию вопросов культуры в первые десятилетия советского периода и включают взгляд историка на женский вопрос, и, может быть, просто мнение современной женщины о женском мире.

Отдельный второй том, названный «Феномен джадидизма», состоящий из трех разделов, включает работы, освещающие историю национально-прогрессивного движения конца XIX — начала XX веков, именуемого «джадидизм». Здесь прослежены история джадидизма и его эволюция от просветительства до мощного политического движения. Д.А. Алимова одна из первых затронула данную тему в историческом ракурсе, и джадидизм был рассмотрен как феноменальное общественное явление в отечественной истории, возникшее в недрах среднеазиатского общества на основе гармоничного сочетания богатого духовного наследия, осознания своего места в реалиях того времени и необходимости его реформирования для успешного процветания в будущем.

Джадидов, иначе говоря, национальных прогрессистов нередко упрекали в преклонении перед Западом. Автор объясня-

ет, что некоторая их приверженность к европейским ценностям была основана на любви к родине, стремлении добиться гармоничного сочетания позитивного опыта и традиций Запада и Востока. В данном томе читатель также узнает о том, чем прославились лидеры джаидов, какие идеи проповедовали, а также в чем состояла их непрозорливая неповторимость.

Составители данного двухтомника выражают благодарность ответственным редакторам — академику Э.В. Ртвеладзе и доктору исторических наук Р.М. Абдуллаеву, а также рецензентам за ценные замечания, которые учтены самим автором. В большинство из трудов внесены изменения, несмотря на то, что многие опубликованы.

Надеемся, что, выполняя эту работу, мы сделали важное и полезное дело, и уверены, что представленные публикации имеют большое значение для исторической науки.

Ученики

Ш.И. Асадова, Н.Р. Махкамова,
Ф.Ш. Шамукарамова, Д.М. Кенжаев,
У.А. Абдурашулов, Д.А. Гуламова,
Ш.М. Рахматуллаев, С.Б. Тиллабоев,
Д.Н. Раджабова, О.Г. Пуговкина

*Ташкент,
июнь 2007 год*

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В УЗБЕКИСТАНЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ В СИСТЕМЕ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН (1943—1993)*

В полувековой деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан видное место принадлежало и принадлежит историографии. Это вполне закономерно. Вся история исторической науки в Узбекистане является наглядным подтверждением того, какую важную роль в ее развитии призвана играть историография¹.

Именно историография (понимаемая не в узком смысле, а как освещение истории исторической науки) призвана глубоко и всесторонне осмысливать и объективно, аналитически рассматривать весь ход развития исторической мысли на определенных ее этапах, ее различные течения, подводить итоги уже сделанного, намечать круг и рекомендовать основные направления дальнейших исследований историков, отображать жизнь, деятельность, заслуги авторов наиболее примечательных исторических трудов, воссоздавать общественную атмосферу на различных этапах развития исторической науки, облегчать молодому поколению историков максимально возможное знакомство с литературой по той или иной научной проблеме.

Говоря словами академика В.В. Бартольда, историограф «должен обладать серьезной общенаучной подготовкой» и «не подчиняться безусловно своим [изучаемым] источникам».

Тут же надо, однако, констатировать, что минувшие полвека были не равнозначны по той атмосфере, которая существовала

---

* 1993 год (в соавторстве с Б.В. Луниным).

¹ См.: Общий очерк развития историографических исследований в Узбекистане. *Лукин Б.В.* Историографические исследования в Узбекистане: первые итоги, состояние, задачи // Общественные науки в Узбекистане. 1975. № 8. С. 69—77.

на их протяжении в сфере исторической науки, в том числе историографии, что наложило свой отпечаток на тематику, содержание, качественный уровень исследовательской работы.

Историографические изыскания, как известно, властно требуют свободы аналитической мысли, отсутствия запретных тем и имен, глубокой эрудиции, максимального знания и критического восприятия вопросов литературы с ее достоинствами и недостатками, учета и сопоставления различных взглядов, мнений, концепций ученых-историков, умения выявлять в них самое существенное и наиболее верное, обоснованное, дающее ключ к наиболее правильному освещению изучаемой проблемы.

Не приходится и говорить о том, насколько губительным для историографии было господство административно-командной системы, предельной заидеологизированности и политизации исторических знаний в духе сталинизма, ограничительных рамок исследовательской деятельности ученых.

Именно в этой, неблагоприятной для гуманитарных наук атмосфере 40-х годов (время образования Института истории АН Узбекистана) приходилось действовать ученым, осознавшим роль и значение историографии в деле развития и совершенствования исторической науки и в пределах допустимого делавшим все возможное, чтобы историография становилась органичным компонентом всей исследовательской работы.

Уже вскоре после начала работы института в нем обозначилась группа историков, не чуждавшихся историографических интересов. Так, В.Я. Непомнин выступил с публикациями «Основные проблемы исторической науки в Узбекистане» (1947), «О некоторых вопросах истории Узбекистана в дореволюционный период» (1953) и др. Р.Н. Набиев опубликовал статью «О некоторых итогах развития исторической науки в Узбекистане» (1949). Перу И.К. Додонова принадлежала статья «Об изучении истории народов Средней Азии и Казахстана в советский период. Заметки историка» (1951).

Плодотворно работал на поприще историографии Л.М. Ланда, в круг научных интересов которого входили, наряду с общими вопросами (историография Октябрьской революции, гражданской войны, басмаческого движения и др.), также и вопросы становления и развития в Узбекистане учреждений историчес-

кого профиля. Перу данного автора принадлежит ряд публикаций по указанной тематике: «Некоторые вопросы историографической работы в Узбекистане» (1964), «Некоторые вопросы историографии профсоюзного движения в Узбекистане. Начало 1920 — середина 1940 гг.» (1964), «Советская историография национально-государственного размежевания Средней Азии» (1964), «Советская историография Хорезмской революции 1920 года» (1972) и многие другие.

Вышли в свет книги сотрудника института Б.В. Лунина, посвятившего историографии свои основные труды — «Из истории русского востоковедения и археологии (Туркестанский кружок любителей археологии). 1895—1917 гг.» (1958), «Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX вв.» (1962), «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении» (1965) и др.

Сотрудники института Я.Г. Гулямов, Р.Н. Набиев, В.Я. Непомнин были авторами разделов по Узбекистану в I—II-м томах «Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1955, 1958).

К VII тому (не вышедшему в свет) «Очерков истории исторической науки в СССР» (Москва) в институте был подготовлен и опубликован в качестве «Материалов для обсуждения» текст работы Л.М. Ланды, Б.В. Лунина и В.Я. Непомнина¹.

С рядом историографических публикаций выступил Х.Ш. Иноятов: «Изучение истории Октябрьской революции в республиках Средней Азии» (1962), «Советская историография Октябрьской революции в Средней Азии» (1966), «Изучение истории гражданской войны в Средней Азии» (1972), «Историография в Узбекистане» (1973), «Краткая историография гражданской войны в Средней Азии» (1974) и др.

Конечно же этим авторам приходилось работать, как мы уже отмечали, отнюдь не в свободных и широких рамках, и, возможно, в благоприятное время эти работы имели бы более углубленный характер. Но было бы ошибкой не оценить то полезное и ценное, что внесли они в развитие историографии Узбекистана.

---

¹ См.: Советская историография Узбекистана. — Москва, 1968. С.175.

Одобрительное отношение и внимание научной и широкой общественности к историографическим публикациям сотрудников института привело к образованию в 1968 г. по решению Президиума республиканской Академии наук и по представлению академика АН Узбекистана И.М. Муминова Сектора (затем Отдела) историографии института, что само по себе говорило о признании и у нас в республике историографии как важной и неотъемлемой части исторической науки и средства к познанию ею самой себя. С 1968 по 1988 год отдел возглавлял доктор исторических наук Б.В. Лунин, с 1988 по 1992 год — кандидат исторических наук В.А. Германов, а с 1992 г. им руководит доктор исторических наук Д.А. Алимова¹.

Создание отдела с постоянным штатом сотрудников стимулировало все большее развитие историографии как одного из основных научных направлений деятельности института.

К числу историографических работ отдела обобщенно-обзорного характера принадлежали книги М.А. Ахуновой и Б.В. Лунина «История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк» (1970); Р.Х. Аминовой, М.А. Ахуновой, Б.В. Лунина «Историческая наука в Узбекистане от XXIV к XXVII съезду КПСС. Историографический очерк» (1987). Во II-м томе издания «Наука в Узбекистане» (1974) опубликованы статьи Р.Х. Аминовой, М.А. Ахуновой, Б.В. Лунина «Исторические науки»; А.А. Аскарлова «Археология»; С. Мирхасилова «Этнография». Вышли в свет монографии Б.В. Лунина, посвященные жизни и деятельности виднейших востоковедов Н.И. Веселовского (1979) и В.В. Бартольда (1981) и составленные им же сборники «Историография общественных наук в Узбекистане» (1974), двухтомные «Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук в Узбекистане» (1976—1977), «История Узбекистана в источниках» (1984, 1988, 1990) и др.

Д.А. Алимова специализировалась на изучении и разработке историографии женского вопроса в Узбекистане с 1917 г. до наших дней. Ей принадлежит ряд статей и очерков на эту тему: «К историографии решения женского вопроса в Узбекистане»

---

¹ В марте 1989 г. Отдел был преобразован в Отдел историографии, источниковедения и археологии.

(1977), «Литература об участии женщин Узбекистана в общественном производстве» (1984), «Ўзбекистон хотин-қизлар ҳаёти адабиётларда» («Жизнь женщин Узбекистана в литературе») (1984), «Литература и печать в решении женского вопроса в Узбекистане» (1987), «Худжум в литературе 20—30-х годов и задачи обществоведов в освещении женского вопроса в Узбекистане» (1988), «Коллективизация и женский вопрос в республиках Средней Азии (по материалам публикаций 30-х годов)» (1989), «Женский вопрос в советской историографии Средней Азии 20-х годов» (1989), «Изучение женского вопроса в Узбекистане: итоги и дальнейшие задачи» (1989), «Современное состояние женского вопроса в Узбекистане и задачи обществоведов» (1990) и ряд других. Завершили ее многолетнюю работу над избранной темой две книги: «Решение женского вопроса в Узбекистане (1917—1941 гг.): краткий историографический очерк» (1987) и «Женский вопрос в Средней Азии: история изучения и современные проблемы» (1991).

В сфере научных интересов В.А. Германова — историография молодежных движений в Узбекистане, изучение процесса научно-организационного становления и развития исторической науки: «Значение исторического опыта работы комиссии Истмола на современном этапе» (1987), «О некоторых спорных моментах в историографии комсомола Узбекистана» (1989), «Послание Горького молодежи Средней Азии и изучение истории комсомола» (1986), «Забыт ли профессор Галузо?» (1990), «Дело профессора Яроцкого» (1991), «К вопросу о постановке военно-исторической работы в Туркестанской АССР» (1991), «Трагедия узбекского историка Пулата Салиева» (1993) и др.

Историографии истории аграрных преобразований в Узбекистане 20—30-х годов посвящены публикации научного сотрудника института Л.С. Ивановой — «К вопросу об историографии аграрной политики Советской власти в Туркестане. 1917—1920 гг.» (1965), «Из ранней историографии земельно-водной реформы 1925—1927 годов в Узбекистане» (1970), «Историко-аграрная литература Средней Азии 20-х годов в оценке современной историографии» (1984), «Начальный этап решения аграрного вопроса в Туркестанской АССР и его оценка в периодике 1918—1920 годов» (1985).

В 1989 г. отделом историографии Института истории были проведены первые межрегиональные «Историографические чтения»¹ с участием историографов республик Средней Азии и Казахстана, на которых были заслушаны доклады и сообщения о состоянии и задачах историографических исследований. Ряд выступлений участников чтений посвящался отдельным проблемам и вопросам историографических исследований. Среди участников форума, помимо сотрудников научных учреждений, были представители высших учебных заведений, архивов, музеев. Участники конференции наряду с положительными тенденциями в изучении истории народов Средней Азии отчетливо демонстрировали наличие многих пробелов в тематике исторических исследований, а также поверхностный, обзорный уровень некоторых из них, отсутствие координационных связей. Впервые на этой конференции прозвучали смелые критические оценки, отмечалась острая необходимость выработки и внедрения новых подходов к освещению проблем истории.

Многое сделано отделом историографии, источниковедения и археологии и в сфере исторической библиографии. Под редакцией Б.В. Лунина Государственной библиотекой Узбекистана им. А. Навои и Фундаментальной библиотекой АН РУз изданы четыре книги «История Узбекистана: указатели советской литературы. 1917—1984 гг.», а также указатель литературы по истории Ташкента. Опубликованы также книги по истории библиотеки им. А. Навои, Самаркандского университета и др. Подготовлен к печати и капитальный указатель дореволюционной и советской литературы по этногенезу и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.

Так с течением времени отдел в значительной мере стал центром историографической работы в республике. Можно утверждать, что деятельность отдела явилась одним из дополнительных стимулов к оживлению и расширению историографической работы в республике и ему было суждено ощутимо способствовать установлению связей между историографами всей Средней Азии и Казахстана, консолидации и координации

---

¹ См.: *Иванова Л.С.* Историографические чтения. 1989 // *Общественные науки в Узбекистане.* 1989. № 7. С. 58—61.

их усилий, установлению творческих контактов и обмена опытом.

В 1993 г. сотрудники завершили работу над «Очерками истории исторической науки в Узбекистане. Первая треть XX века».

Тематически «Очерки» охватывают широкий круг проблем и вопросов, таких как «Историографические процессы в Узбекистане в первой трети XX века», «Основные направления исследований социально-экономической истории Узбекистана», «Разработка проблем общественно-политической истории Узбекистана», «История изучения проблем культуры Узбекистана», «Состояние и развитие историко-востоковедческих исследований в Узбекистане», «Этнография в трудах ученых Узбекистана», «Изучение Узбекистана в археологическом отношении в первой трети XX века» и др. Монография в двух томах издана в 1994 г.

Б.В. Лунин подготовил историографию проблемы к книге «Тимур и Улугбек: личность, история, эпоха».

Особо следует подчеркнуть, что одним из ярких и убедительных примеров оживления и развития историографической работы в республике служит возрастание количества защищаемых диссертаций по историографической тематике (по данным 1993 г. — шесть докторских и свыше 20 кандидатских диссертаций), многие из которых защищены на заседаниях Специализированного совета Д 015.09.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте истории Академии наук РУз.

С чувством удовлетворения надо отметить и тот факт, что по сути дела почти все или во всяком случае очень многие из защищенных в республике или вне ее кандидатских и докторских диссертаций по историографии не остались вне поля зрения отдела историографии и не проходили без его прямого или косвенного содействия (консультации, обсуждение тем и планов диссертационных работ и самих диссертаций, их рекомендация к защите, оппонирование и т.п.). Это тоже один из показателей общепризнанного авторитета историографов института.

К историографическим исследованиям все чаще и охотнее прибращается молодое поколение ученых. Успешные защиты диссертаций являются тому подтверждением. Это фактор, без

которого невозможно дальнейшее развитие работ в сфере изучения истории и других гуманитарных наук.

Нельзя не отметить и другую сторону дела. Общеизвестно, что сам характер, содержание, суть историографических исследований в широком их понимании требуют от каждого работающего на этом поприще большой эрудиции, всеобъемлющего и добротного знания исторической литературы, умения ее глубокого и объективного рассмотрения, владения современной методологией и методикой историографических исследований. Без этих качеств неизбежно скатывание на рельсы обобщающих и систематизированных библиографических обзоров существующей литературы. Это, конечно, само по себе полезно, но недостаточно отвечает задачам историографического исследования как такового.

Эти недостатки прослеживаются в работах ученых молодого поколения. Это и понятно, так как научная зрелость приходит с годами, по мере накопления знаний и опыта. Готовыми историографами, как говорится, не рождаются.

Есть и другая проблема. Необходимо создать более благоприятные условия для профессионализации нового поколения историографов, которые сейчас нередко предоставлены самим себе или, образно говоря, «варятся в собственном соку».

Большую помощь в этом призван сыграть Институт истории, взявший на себя (в сотрудничестве с вузами республики) инициативу проведения систематических творческих встреч историографов, обсуждений за «круглым столом» по отдельным проблемам историографии, организации групповых консультаций для молодых ученых, проведение товарищеских коллегиальных обсуждений отдельных историографических публикаций, выходящих в странах СНГ.

В ознаменование 50-летия Академии наук Республики Узбекистан (1993 г.) были проведены вторые межрегиональные «Историографические чтения» на тему: «Историография Узбекистана эпохи независимости». Их основное предназначение — коллективное обсуждение важнейших проблем и задач историографических исследований наших дней и последующего времени. Организация чтений в этом направлении тем более своевременна, что провозглашение государственной независимости

Республики Узбекистан вызвало, вполне естественно, усиление интереса к ее историческому прошлому не только у народов Узбекистана, но и других республик Центральной Азии, равно как и со стороны широкой общественности стран ближнего и дальнего зарубежья.

Продолжает шириться закономерный процесс переосмысления историками многих страниц и оценок давнего и особенно исторически недавнего («послеоктябрьского») прошлого. Предстоит на основе объективного, строго научного и всестороннего изучения реальной действительности освободить историческую науку от губительного для нее наследия времени — культа личности, тоталитарной политизации гуманитарных знаний, обязательности, десятилетиями насаждавшихся сверху заидеологизированных норм и формул, сковывавших творческую мысль ученых и втискивавших их труды в жесткие и ограничительные рамки. Этот процесс сложный и нелегкий, требующий от историков глубоких знаний и широкой эрудиции и зависящий от итогов, заново предпринимаемого изучения многих жгучих проблем и вопросов по истории Узбекистана и всей Центральной Азии. Здесь особенно важно не допускать преобладания эмоций над фактами, вольного и невольного повторения печальной памяти практики конъюнктурщины, впадения в крайность и категоричность скоропалительных суждений.

В предвидении все большего нарастания научных дискуссий и притока новейшей литературы прямой долг историографов — быть активными участниками этого процесса, своими объективными, аналитическими, глубоко продуманными и тщательно взвешенными суждениями содействовать устранению так называемых «белых пятен» в истории Узбекистана, различая при этом те из них, которые образовались вследствие недостаточности накопленных знаний по тому или иному вопросу (это явление вполне естественное и закономерное) и явившиеся прямым следствием негативных явлений недавнего прошлого.

От историографов зависит многое, что призвано содействовать также преодолению одномерности и прямолинейности исторического мышления, разработке новых понятий и подходов к изучению исторического прошлого Узбекистана, включая феномен драматических событий «послеоктябрьского» времени

и суждения о них не сквозь призму эмоций, а на основе строго научных исследований.

Добавим, что пока еще не созданы фундаментальные работы по историографии археологических, антропологических, этнографических исследований в Узбекистане, истории изучения от раннего до позднего периода средневековья, хотя уже давно возникла и существует весьма обширная и разнообразная, во многом дискуссионная литература. Эта задача продолжает оставаться на повестке дня.

Предстоит также большая работа по созданию историографических и библиографических очерков об общественно-политических деятелях, ученых, краеведах Узбекистана, подвергавшихся репрессиям в годы сталинизма, погибших в концлагерях и ссылках. Возвратить и восстановить их имена и труды науке, и обществу — прямой долг историографов и историков республики.

К числу неотложных задач историографии относится аналитическое рассмотрение многочисленных и разнохарактерных публикаций по истории Узбекистана (особенно новой и новейшей), появившихся после 1917 г. и до наших дней в странах зарубежного Запада и Востока. В этих публикациях отражены самые различные точки зрения, идейные позиции и концепции авторов, по-разному оценивавших и трактовавших события. Здесь представлены и публикации мемуарного характера, например, воспоминания Саид Алимхана — эмира Бухары, видного политического деятеля Мустафы Чокаева, Мунаввара кары и др. Новой и новейшей истории Узбекистана (Туркестана) посвящены труды таких известных зарубежных историков, как Беннигсен, Вурм, Зенковский, Каро, Коларц, Лонкест, Мейснер, Ньюс, Пайпс, Парк, Ривкин, Уилер и др. Публикации отдельных зарубежных авторов из среды узбекистанской диаспоры исчисляются многими десятками¹.

Перед нами огромный пласт литературы, оставшийся без серьезного и аналитического рассмотрения отечественными историографами и все еще ждущий своей объективной оценки.

---

¹ См.: Указатель публикаций Баймирзы Хайита // Общественные науки в Узбекистане. 1992. № 1. С. 53—60 (до 240 названий).

Могут возразить, дескать, не столь уж малочисленна литература, посвященная «разоблачению зарубежных буржуазных фальсификаторов истории Туркестана». Да, в советский период количественного недостатка в такой литературе не было, вплоть до объемистых книжных публикаций. Но при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что, за немногими исключениями, это публикации, которые были полностью подчинены директивным указаниям «сверху»: громить, изобличать, «пригвождать к позорному столбу» всех и всяких «фальсификаторов истории», «наймитов и идеологов империализма, контрреволюционного, троцкистского, националистического зарубежного отребья», «беспринципных» апологетов мировой реакции, «продажных рыцарей грязного пера» и т. д.

В таких публикациях подлинно научная, глубокая, эрудированная дискуссия подменялась наклеиванием обвинительных ярлыков, в основном по весьма нехитрому и насквозь предвзятому рецепту: извлекать и цитировать из «лженаучных публикаций фальсификаторов» по несколько скупых и наиболее уязвимых строк и вслед за ними обрушивать на читателей ворох цифр, фактов, данных (не всегда, кстати сказать, точных и достоверных, нередко преувеличенных), свидетельствующих о «величайших, всемирно-исторических достижениях Советского Союза на путях коммунистического строительства». Вот, мол, подлинная цена «клеветникам и провокационным измышлениям врагов мира, демократии и социализма».

Между тем остается фактом, что зарубежная историческая литература по новой и новейшей истории Узбекистана и Средней Азии в целом при всей ее разнохарактерности (от лишенных значения поверхностно злободневных, заведомо тенденциозных и открыто враждебных публикаций до, и это главное, пусть субъективных, но серьезных и обстоятельных научных исследований) образует немалый запас дополнительных знаний к изучению недавнего прошлого народов Центральной Азии.

Отсекая и отбрасывая в сторону этот корпус знаний, мы тем самым обедняем литературу вопроса, оставляем без внимания и без извлечения уроков то несомненно нужное и полезное, что содержится в трудах ряда зарубежных авторов. В интересах исторической науки — учитывать все справедливое

(хотя бы и горькое), что содержит в себе десятилетиями накапливавшаяся зарубежная историческая литература, критически оценивать все ее положительные и негативные стороны. Здесь непочатое поле для деятельности историографов Узбекистана и других республик Центральной Азии.

Вступая во второе пятидесятилетие, историографы Института истории осознают, что все уже достигнутое не дает им права на самоуспокоенность. Немало важных тем остается пока вне поля зрения историографов и впереди еще много новых или недостаточно полно и успешно решенных задач.

О ЗАДАЧАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

После обретения Узбекистаном подлинной независимости сложились благоприятные условия для глубокого и всестороннего изучения всех этапов многовековой истории нашей родины. Историками страны начата эта сложная, ответственная и кропотливая работа, основанная на исследованиях архивного материала и других источников. В результате можно сказать, что заложены основы в изучении средневековой истории Узбекистана, в частности, эпохи Амира Темура и Темуридов, колониального периода, социально-экономического и культурного развития Узбекистана в советский период. Совершенно по-новому ставятся задачи историографической науки, призванной посредством глубокого анализа имеющейся литературы выявить переломные этапы в развитии нашей исторической науки и допущенные ошибки, пробелы, иные недостатки и вместе с тем обобщить полезный опыт для будущих исследований.

В сфере отечественной исторической и других общественных наук накопилось немало нерешенных проблем, особенно в методологической работе. Принято считать, что историк-исследователь, как правило, слишком поглощен своими специальными вопросами, чтобы всерьез заняться более общими и широ-

---

* 1996 год. (В соавторстве с Э.Э. Каримовым).

кими проблемами исторического познания, которыми, дескать, должны заниматься методологи и социологи. Но надлежащих кадров у нас еще нет и никто из историков пока не осмеливается брать на себя решение вопросов методологического характера. Между тем без выработки методологии и методов исторического исследования в новых условиях широкомасштабных реформ успешное развитие исторической науки просто невозможно. Долгие годы мы опирались, и совершенно безосновательно, только на формационный (марксистский) подход к изучению истории, тогда как мировая наука пользуется сотнями иных методов (достаточно назвать цивилизационный, ментальный, логический, исторический, дедукционный, описательный, реконструктивный и др.). Зачастую диссертанты утверждают в авторефератах, что они пользовались методом историзма и объективности. Но знают ли они, что это такое? Вряд ли: у нас утвердились закостенелые понятия этих терминов. В мировой историографии историзм имеет различные критерии.

Теперь встает вопрос и о пересмотре роли личности в истории. Игнорирование его, увлечения «обобщениями» и, наоборот, статистическая детализация лишали нас возможности использования многих эффективных методов, прежде всего ментальности, в изучении актуальных проблем при помощи таких источников, как письма, дневники, личные архивы, шажара — родословные и т. д. Сейчас у нас сколько историков, столько же тем и методов.

Надо констатировать и слабую постановку научной работы с аспирантами и докторантами, особенно в вузах. Здесь следует наладить тесное взаимодействие вузовских кафедр с крупнейшим республиканским научным центром исторических исследований — Институтом истории АН РУз.

К важнейшим проблемам методологии относятся и вопросы терминологии в широком смысле слова. Здесь наблюдается стихийное разнообразие, в зависимости от того, какой позиции придерживается историк. Некоторые старые термины «феодальный строй», «феодальное государство», «буржуазный», «мелкобуржуазный» и др. нуждаются в глубоком переосмыслении и историческом обосновании. Какой смысл мы должны вкладывать в них? Вопрос о том, как нужно подходить к обширному «пласту» терминологий колониального и советского периодов

также должен быть в центре методологической работы. Здесь необходимо избрать взвешенный подход, не допускать экзальтации и эмоций в ущерб объективности.

На исторических факультетах вузов преподается предмет «методика преподавания истории», но как можно знать методику преподавания истории, не зная методологию ее изучения? Как известно, широкие социально-экономические реформы в Узбекистане проводятся на основе изучения мирового опыта с учетом особенностей республики и менталитета нашего народа. Логично было бы поступать так и в сфере развития общественных наук, в частности, исторической. Надо внимательно изучать мировой опыт по методологии истории. В течение долгого времени мы ограничивались марксистско-ленинской методологией. Пора, наконец, увидеть, что спектр мнений и работ в этой области весьма широк. Достаточно назвать хотя бы работы исследователей из разных стран — французских ученых Марка Блока «Апология истории или ремесло историка» (М., 1986) и Люсьена Февра «Бои за историю» (М., 1991), немецкого — Карла Ясперса «Смысл и назначение истории» (М., 1991), американского — Питерима Сорокина «Человек, цивилизация, общество» (М., 1991), испанского — Хосе Артего-и-Гассета «Восстание масс» (Вопросы философии, 1989, №№ 3—4), японского — Ф. Фукуяма «Конец истории» (Вопросы философии, 1990, № 3), английских — М.А. Барта «Категории и методы исторической науки» (М., 1984), Арнольда Джозефа Тойнби «Постижение истории» (М., 1991) и др. Этот список, разумеется, следует дополнить работами многих восточных авторов, которых надо непременно глубоко изучать для познания места и вклада восточного менталитета в развитие мировой исторической науки.

Для изучения мирового опыта методологических проблем и разработки собственной национальной методологии и новой историографической доктрины нужен специальный центр. На наш взгляд, основа для такового научного подразделения есть в Институте истории АН РУз в лице отдела мировой и отечественной историографии, который мог бы организовать методологический семинар для исследователей, преподавателей исторических факультетов вузов, осуществлять разработку методологических вопросов, выяснять, как изучают историю на Западе

и Востоке, какими методами пользуются исследователи в других странах.

Требует своей разработки и методология источниковедения. Понятие «методы работы над источниками» как таковое у нас пока отсутствует. Неотложной мерой в этом направлении должно быть создание специальных, обязательных курсов для студентов и особенно аспирантов. Но прежде всего необходимо организовать группу специалистов, которая разработала бы методологию и методику источниковедения. От правильного подхода к источнику во многом зависит верность теоретических обобщений и выводов.

Историю Узбекистана как независимого государства необходимо рассматривать в контексте мировой истории. Это особенно касается доколониального, досоветского периодов. Для этого требуются планетарное мышление, знание мировой историографии, новой литературы. Учитывая недоступность многих изданий, просвещение историков в этом вопросе можно также возложить на методологический семинар.

Рассматривая историю Узбекистана в мировом контексте, нельзя ограничиваться знанием собственной истории, не познавая, не делая своего вклада и в изучение истории других стран. Историки Узбекистана должны показать себя и как исследователи других цивилизаций. Почти во всех странах на данный момент имеются центры по изучению истории Узбекистана и других республик Средней Азии. У нас же, кроме Института востоковедения АН РУз, где занимаются историей восточных стран, таковых нет. Между тем Институт истории АН РУз, не ограничиваясь историей Узбекистана, мог бы иметь в своем составе хотя бы один отдел всеобщей истории со специалистами, знающими восточные и западные языки, и, изучая историю отдельных зарубежных государств, действительно, соответствовать своему названию.

Не менее важный вопрос также и в том, что в первую очередь историкам следует писать и что издавать. На наш взгляд, ныне заслуживает внимания прежде всего история джадидского движения. Освещение его со стороны литературоведов весьма нужно и полезно, но в общем ракурсе выделение деятельности джадидов лишь как просветителей явно недостаточно. Это

уникальный феномен в истории Узбекистана и как ренессанс нашей культуры, и как политическое национально-освободительное движение. Нет системности и в изучении ислама, его истории как ценнейшего культурного наследия мусульманских народов (имеются лишь отдельные исследования некоторых его проблем). Необходимо исследовать его среднеазиатское направление; изучать биографии выдающихся мусульманских ученых, таких как ат-Термези, Имам Бухари и др.; историю атеизации народов Средней Азии при советском строе, дабы это было уроком для последующих поколений. В целом следует усилить интеграцию с зарубежными учеными, особенно с коллегами из ближнего зарубежья, в частности республик Центральной Азии.

Надо подумать, наконец, об издании совместными усилиями историков региона «Истории народов Средней Азии». Известные русские историки С.М. Соловьев, В.О. Ключевский постоянно использовали термины «русская история», «курс русской истории», хотя ясно, что это означает историю многонациональной России, не только русского, но и других славянских народов. Почему же мы, имея больше оснований ввиду историко-этнического единства народов Центральной Азии, не можем написать общую историю, иначе говоря, историю среднеазиатских цивилизаций? Эта задача имеет международное значение. Недаром ЮНЕСКО приняло решение об издании 6-томной «Истории цивилизаций Центральной Азии» и был создан Международный научный комитет для осуществления этой цели, куда входят представители многих стран, в том числе и Узбекистана.

Весьма актуален и вопрос об издании специального исторического журнала. Если мы хотим развития исторической науки и популяризации исторических знаний, как части идеологии независимого Узбекистана, то нам нужен специальный журнал исторического профиля (Россия, к примеру, во многом опережает другие республики СНГ в этом направлении, имея свыше 20 наименований исторических журналов, через которые ведется и ознакомление специалистов с достижениями мировой историографии). Этот вопрос требует своего решения в соответствующих инстанциях.

Весьма актуальна проблема создания учебников и преподавание истории в вузах. Прежде всего отметим настоятельную необходимость введения обязательного изучения национальной истории Узбекистана во всех учебных заведениях республики.

Безусловно, необходимо решение о публикации единой всеобъемлющей «Истории Отечества» — «Истории Узбекистана», с последующим введением ее в качестве обязательного курса в средних и высших учебных заведениях страны. Этот акт явится важной составляющей частью утверждения идеологии независимого государства.

Системе высшего и среднего образования страны требуется единое учебное пособие по отечественной истории. Сейчас используются различные учебники по истории Узбекистана, которые зачастую содержат оценки и анализ одних и тех же исторических событий и лиц с разных позиций, устаревшие или неверные факты, устаревшую методологию, нередко являются новыми редакциями старых академических и вузовских учебников «Истории Узбекской ССР». Все это приводит к явному разнобою, глубоким противоречиям в процессе обучения школьников и студентов, ставит в крайне затруднительное положение преподавателей школ и вузов.

Представляется, что решение указанной проблемы должно носить поэтапный характер. В первую очередь необходима публикация методических пособий для учителей школ как дополнение и разъяснение к подготовленным Институтом истории АН РУз и опубликованным учебникам истории Узбекистана для 5—7-х классов средних школ.

Сегодня вокруг этих учебников не утихают ожесточенные споры. Претензии сводятся в итоге к тому, что учителя не могут преподавать по ним, а ученики — учиться. В этой связи следует отметить, что данные учебники были созданы на основе многолетнего труда коллектива Института истории по подготовке истории Узбекистана — многотомного солидного, фундаментального академического издания. За годы исследований коллектив института обработал массу доселе неизвестных рукописных и закрытых архивных материалов, а в дискуссиях, на конференциях и симпозиумах обсуждено огромное количество идей и мыслей; была проделана колоссальная работа. В итоге

на сегодняшний день институт обладает весьма обширным и объективным материалом по отечественной истории. Школьные же учебники во многом оказались суммированным выводом, умозаключением, сделанным на основе обработки огромного материала. Такова по сути природа любого учебника — суммированный конспект того, что в течение урока должно разъясняться преподавателем. Каким же образом и что может объяснить обычный школьный учитель с традиционным образованием и специальностью «История СССР» или «История УзССР» в вузовском дипломе? Отсюда прежде всего и вытекают все проблемы и попытки взвалить вину на якобы трудные и непонятные учебники.

Таким образом, на наш взгляд, надо подготовить и опубликовать расширенное учебно-методическое пособие для учителей школ — в помощь им для разъяснения материала школьных учебников по истории Узбекистана.

В качестве примера такого удачного тандема можно привести учебник для 7-го класса «Ўзбекистон тарихи» «История Узбекистана» (Издательство «Ўқитувчи», на узб. яз. — 1994, на рус. яз. — 1995) и III том «Истории Узбекистана» (Издательство «Фан», 1993, отв. ред. Р.Г. Мукминова). В данном случае школьный учебник прекрасно дополняется новым академическим изданием истории Узбекистана. Единственная проблема заключается в том, что сразу же после его выхода III том стал библиографической редкостью.

Следующий этап — создание единого учебника по истории Узбекистана для вузов страны. Примером может быть уже упомянутый III том. К сожалению, только примером, ибо он охватывает лишь период с XVI по первую половину XIX вв. — отнюдь не самый большой в нашей истории. Пока же наши студенты вынуждены пользоваться устаревшими материалами и старыми учебниками, не получая из них полноценной информации о реальных фактах, явлениях и процессах, происходивших в нашей истории.

Саму учебную дисциплину «История Отечества» или «История Узбекистана» надо вывести в разряд обязательных для технических специальностей в качестве обязательной общественной дисциплины в первые годы обучения, а для гуманитарных — на

весь период получения высшего образования, со сдачей государственных экзаменов по этому предмету при окончании вуза. Таким образом будет решена одна из актуальнейших задач, поставленных на сегодняшний день по воспитанию подрастающего поколения в духе любви к Родине, чувства гордости за свою страну, гражданами которой мы являемся.

Что касается технической стороны вопроса, то, на наш взгляд, ее надлежит решать как можно более легким способом. На первом этапе в кратчайшие сроки, при минимальных издательско-типографских расходах, надо издать необходимый тираж и распределить его среди учебных заведений и библиотек республики. Первоначально можно ограничиться обеспечением литературой только учебных учреждений Ташкента — средств будет затрачено еще меньше, а эффект почти тот же — наша столица всегда была барометром общественного мнения в республике. Далее в течение учебного года следует провести апробацию учебно-методических материалов с итоговым учетом замечаний и внесением изменений и дополнений. Целесообразно, помимо рекомендаций узких специалистов, ученых, провести опросы и анкетирование по курсу «Истории Узбекистана» среди учащихся и преподавателей. Этим может заняться социологическая группа нашего института, накопившая за годы своей работы уникальный опыт. Таким образом, получив максимально объективную оценку учебного курса и учтя все обоснованные замечания, можно будет приступить ко второму этапу — к фундаментальной, массовой публикации единого, обязательного учебного и учебно-методического пособия (материала) по курсу «История Узбекистана» для школ и вузов страны.

И еще один важный вопрос. Если мы хотим иметь полноценных специалистов-историков, надо обеспечить знаниями выпускников исторических факультетов вузов, особенно университетов, часть которых ориентирована на работу в сфере науки, иностранных языков: восточных — для работы с рукописями, источниками и литературой, европейских — для знакомства с работами зарубежных ученых и, конечно же, староузбекского. Это — неперемное условие воспитания квалифицированного ученого и преодоления отставания в данной сфере.

Следует также приблизить академическую науку к массам. Сегодня созрели все условия для того, чтобы дать нашему народу столь необходимые ему и интересующие его знания по родной истории. В целях пропаганды исторических знаний нужно подумать и над тем, чтобы сведения по истории страны, преподносимые средствами массовой информации, носили не отрывочный характер, а систематический, под постоянно действующей рубрикой «Страницы истории Отечества».

Таковы, на наш взгляд, очередные задачи исторической науки в Узбекистане на современном этапе.

Учитывая реалии переходного периода, мы предполагаем минимальные материальные затраты на решение поставленных задач. Но, безусловно, нужна государственная поддержка и придание национального статуса намечаемому комплексу мероприятий. Ныне в республике уже имеются достаточно сильные коммерческо-экономические структуры, которые готовы вложить средства в пропаганду и развитие национальной истории как к неотъемлемой составной части идеологии независимого государства, ибо именно ему они обязаны самим фактом своего существования. Потому мы более чем уверены, что при законодательной поддержке государства предлагаемая нами акция получит и финансовую поддержку независимых экономических структур.

Существует и другой путь, по которому уже частично идут молодые историки Узбекистана, — это международная кооперация в деле изучения национальной истории. В этом плане есть реальная возможность установления долгосрочных контактов и разработки совместных проектов с центрами исследования Средней (Центральной) Азии в США, Германии, Франции, Англии, Японии. На сегодняшний день у молодых исследователей нашего института установились тесные деловые контакты с зарубежными учеными — специалистами по истории Центральной Азии. Настало время переходить от персонального сотрудничества к контактам на уровне научно-исследовательских коллективов и просветительских организаций. Есть немало признанных международных фондов, которые готовы финансировать масштабные разработки в области нацио-

нальных историй, тем более, когда речь идет о совместных проектах организаций разных государств как залог мира и взаимопонимания различных стран и народов. В конечном счете подобное сотрудничество может в какой-то степени обеспечить финансовую и материально-техническую базу перспективных академических разработок и способствовать пропаганде отечественной исторической науки за рубежом.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В УЗБЕКИСТАНЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ*

Известно, что в Узбекистане история исторической науки имеет многовековой опыт, на протяжении которого она прошла периоды и расцвета, и застоя. Национальные традиции в ее развитии заложены на протяжении столетий такими известными историками, как Абу Наср Фараби, Абу Бакр Мухаммад Наршахи, Абу Райхан Беруни, Абу Али ибн Сино, Гиясиддин Али Йезди, Шарафиддин Йезди, Абдураззак Самарканди, Хондамир, Мирхонд, Хафизиддин Абури, Захириддин Бабури, Абул Гази, Мухаммад Юсуф Мунши, Ахмад Дониш, Шарифджан Махдум, Мирзо Салимбек, Мирзо Абдулазим Самий, Убайдулло Ибрат и др.

Наличие такой богатой историографической школы способствовало формированию базисных источниковедческих основ при создании первых трудов XX столетия по истории Узбекистана. Нельзя пройти и мимо факта большого вклада российской научно-востоковедческой школы в изучении многих направлений истории Туркестана, и в формировании национальных кадров-историков.

Успехи в развитии исторического образования в советское время в целом и, в частности, исторического, во многом определялись благодаря участию в этих процессах прогрессивной национальной интеллигенции, джадидов, просвещенческая деятельность которых имела большой взлет еще в колониальный период. Создание в Узбекистане первого национального университета, Государственного ученого совета, Комитета наук связа-

---

* 2006 год.

ны с именами Мунаввар кары Абдурашидханова, А. Фитрата, П. Солиева, О. Хошимова и др., которые понимали об огромном значении изучения истории.

Это было время противоречий, не только в самой жизни, но и в науке, когда невиданные достижения сопровождались и большими трудностями.

И это было характерно не только для Узбекистана. Для большинства республик, входивших в СССР, при высоких, в принципе, научных достижениях в отдельных областях все же была характерна оторванность от мирового научно-технологического и образовательного пространства. Особенно это ярко проявлялось в гуманитарной сфере, точнее в общественных науках. В советское время общественные науки четко подразделялись на два противоположных лагеря: советский и западный. Под западным подразумевалась вся зарубежная историография по отношению к Советскому Союзу. Не было между ними согласия ни в методологии, ни в научных подходах, ни в идейной обоснованности оценок. Советская общественно-гуманитарная наука основывалась на марксистско-ленинских позициях, отрицала объективность подходов западных ученых, обвиняя их в фальсификаторстве. И по многим вопросам истории фальсификаторами оказывались сами советские историки, искажавшие ход исторических процессов под идеологическим давлением компартии.

Противостояние особенно сильно проявлялось в сфере исторической науки и преимущественно это касалось более поздних периодов. Несмотря на это, научный потенциал центрально-азиатских историков был очень высок. Это определялось традициями национальных школ, изучавших особенности развития цивилизаций с древнейших времен, наличием богатейшего научного и культурного наследия в Центральной Азии.

Но к сожалению, быстрорастущая поросль молодых историков была репрессирована в 30-е годы наряду с выдающимися деятелями культуры, науки и искусства. Труды первых узбекских профессоров-историков М. Саиджонова, П. Салиева, С. Асфандиярова, как опубликованные, так и рукописные исчезли в застенках НКВД. Особенно ценным был труд П. Салиева, учителя известного археолога-историка Я. Гулямова, «История Уз-

бекистана: XV — первая половина XIX веков», имевший, по отзывам современников, совершенно уникальный характер, был подвергнут уничтожению.

Однако их ученики, продолжившие дело исторического осознания прошлого своего народа, внесли большой вклад в дальнейшее развитие исторической науки в Узбекистане. Очень сложными для развития исторической науки и вместе с тем уникальными были 40—50-е годы. В это время историки еще могли однозначно и правдиво освещать многие события. Примером этого может служить двухтомник «История Узбекистана», в котором исторические события были освещены на основе местных источников. Такой первый обобщенный серьезный труд был создан в содружестве московских и узбекских корифеев науки таких, как С. Толстов, Я. Гулямов, А. Якубовский, К. Тревер, Р. Набиев, М. Нечкина, А. Писарчик, В. Шишкин, А. Семенов, О. Сухарева и др. Он не был лишен, конечно, недостатков, но ценен тем, что остался вне границ и надзора партийного диктата, поэтому многие вопросы, в том числе и завоевание Российской империей Туркестана, и национально-освободительная борьба получили объективную оценку. Однако уже на X пленуме КПУз, проходившем в 1952 г. эти издания были резко осуждены за «грубые идеологические ошибки» и «фальсификацию истории». С этого момента историков постоянно сопровождали процессы «разоблачения».

Несмотря на это были достигнуты большие результаты в изучении истории Узбекистана, особенно древнего и средневекового периодов. Большой вклад в формирование кадров-медиевистов внес Я. Гулямов, который был не только родоначальником археологической науки в Узбекистане, но и одним из первых историков, объективно осветивших древнюю и средневековую историю Узбекистана. Его авторитет был неизмеримо высок не только среди ученых, но и всей общественности страны.

В 1957—1959 гг. был издан выдающийся труд Я. Гулямова «История орошения Хорезма» на двух языках, который и по сей день является настольной книгой для историков. Публикации ряда монографий его учеников — Р. Мукминовой, О. Чехович, Т. Кадыровой, посвященные аграрным отношениям, ремеслу, социальным и экономическим вопросам, анализу средневековых

источников, значительно продвинули развитие медиевистики в Узбекистане.

Нельзя не отметить и развитие в этот период этнографической науки. Представители этого направления работали в тесном контакте и содружестве с московскими и ленинградскими учеными. Особый вклад в подготовку молодых кадров внесла Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, которую возглавляли с 1937 г. С.П. Толстов и Т.А. Жданко.

В целом, этнографическому изучению были подвергнуты вопросы трудовых и культурных традиций, ремесленного производства, доисламских верований и религиозных обрядов, культуры и быта семьи, семейной обрядности как городского, так и сельского населения, формирования его этнического состава и др. Но эти глубокие научные исследования не были лишены влияния идеологии своего времени и поэтому не избежали характеристики традиционных явлений как пережиточных, преувеличения достижений советской власти. Тем не менее внушительны заслуги этнографов, таких как О. Сухарева, Е. Пещерева, И. Джаббаров, Ф. Орипов, Х. Исмаилов и др. в обстоятельном изучении этнографии узбекского народа.

На определенный уровень вышло и исследование проблем этногенеза и этнической истории благодаря работам первых исследователей — Л.В. Ошанина, И.И. Умнякова, К.Ш. Шаниязова. Формированию узбекского этноса посвящен ряд монографий К. Шаниязова, ставших основополагающими для историков республики. Необходимо отметить, что центром этнографических исследований был Институт истории Академии наук и одним из главных и больших отделов таких, как и Отдел древности и средневековья, был Отдел этнографии.

Однако нельзя не сказать и о том, что в структурах исторической науки значительное место занимали подразделения, занимавшиеся историей советского периода. В Институте истории с 1965 по 1986 год из 12-ти отделов 6 были ориентированы на изучение проблем советской истории. Несмотря на заидеологизированность и пафосный характер этих исследований, они были полезны введением в научный оборот большого пласта источников. И в это внесла немалый вклад Р.Х. Аминова.

Было бы неверно думать, что историки в этот период не осознавали губительного для науки идеологического ограничения исторической мысли. Примером этому служит проведенная в 1966 г. по инициативе вице-президента АН Узбекистана И. Муминова и академика Я. Гулямова, научная конференция, посвященная Андижанскому восстанию 1898 г. и джадидизму, где была дана оценка восстанию, как национально-освободительному движению и джадидизму, в частности, деятельность Ф. Ходжаева получили положительную оценку. Это был первый и весьма смелый шаг в объективном освещении этих вопросов, учитывавший политические реалии того времени.

Другим мужественным поступком этих же деятелей общественных наук было проведение в 1968 г. научной сессии, посвященной деятельности Амира Темура, на которой И. Муминов в своем докладе попытался дать объективную оценку А. Темуру, как незаурядному полководцу и создателю централизованного государства. Большинство ученых, в том числе и представители естественных наук, выступавшие в прениях, поддержали докладчика. Вскоре была издана на узбекском и русском языках брошюра И. Муминова «Роль Амира Темура в истории Средней Азии». О последствиях не приходится говорить, сейчас уже широко известно, каким гонениям подвергался ее автор.

В конце 60-х годов в Институте истории АН РУз был образован единственный в республиках Средней Азии Отдел историографии, который возглавил профессор Б.В. Лунин. Им были созданы, ставшие в настоящее время библиографической редкостью, монографии «История Узбекистана в источниках», «Средняя Азия в отечественном востоковедении» и др. Позднее это направление было оформлено и в номенклатуре специальностей в Специализированном совете по защите докторских диссертаций при Институте истории.

Однако, следует констатировать и то, что историографические работы советского времени были близки к библиографии, так как критичность не была дозволенным обычным явлением для историков.

С конца 80-х годов, под влиянием перестроечных перемен, в институте произошло заметное омоложение кадров, открылись новые направления, такие как историческая социология и, в

целом, произошло бурное обновление самой исторической науки, обозначенное многочисленными конференциями и симпозиумами.

С этого момента пересмотру подверглись многие ее аспекты и трактовки, которые были никем не опровергаемыми догмами. Ударом для старых идеологов и открытием для многих стали пересмотр и новая оценка: «басмачества», как национально-освободительного движения; «Октябрьской революции», как экспортированного Туркестанского переворота, характеристика джадидизма (трактовавшаяся в советский период, как буржуазное движение) стало считаться как национально-прогрессивное движение, а создание Туркистон Мухторияти — как первая попытка национально-государственного строительства. В предшествующие до независимости годы все эти открытия имели вполне понятный научно-эмоциональный характер. Но именно тогда во главе с тогдашним директором института Р.Я. Раджаповой были заложены основы будущей перестройки и благодаря ее усилиям и найденным направлениям, историческая наука в Узбекистане «с рельсов фальсификации» перешла на «рельсы объективности».

С обретением независимости историки Центральной Азии, (да и не только историки), приобрели неопределимую возможность глубже, объективно и совершенно самостоятельно, без заранее заданных идейных рамок освещать историю своих народов.

Распад Союза, образование независимых государств в Центральной Азии привели к необходимости изменения подходов и формирования новых приоритетов в области исторической науки. Нельзя не согласиться с рассуждениями профессора М.Х. Абусейтовой о том, что в процессе трансформации социогуманитарных наук в период перехода к рыночным условиям произошли отказ от старой методологии, страдавшей односторонностью и отсутствием теоретических разработок и переоценка исторических ценностей и всего хода исторического процесса. Для историков открылись новые возможности для работы в архивах, особенно ранее запретных, начались плодотворные диалоги с зарубежными коллегами.

Но все же в начале 90-х годов историческая наука не стала базой и оплотом в строительстве суверенного государства.

Причиной этого являлось отсутствие в среде историков концептуального и фактического единства. Разнообразие подходов, несобранность, неумение подвести историческую черту, то есть исторически обосновать обретенную независимость, устаревший стиль работы, противостояние старых и молодых кадров — все это не только не отвечало требованиям времени, но и тормозило, в целом, развитие исторической науки.

Это было началом трудного пути, определенного поисками, ошибками и достижениями. Как известно, экономическая либерализация поставила перед учеными немало новых проблем. И от них зависело кадровое состояние исторической науки. Вышедшие из «советской шинели» историки, оказались не готовыми вести маркетинг гуманитарного рынка, изучать динамику спроса и предложения на свою интеллектуальную продукцию. Зато удивительные «маркетинговые способности» продемонстрировали далекие от историографии люди, вовремя понявшие, что интерес общества к прошлому можно эксплуатировать с выгодой для себя с помощью исторических сенсаций. Узбекистанскую печать (преимущественно периодическую) наводнили «скоропелые поделки» журналистов, не понимающих специфику исторической науки, чем компрометировали ее. Это сопровождалось недостаточностью доступа к информационно-аналитическим ресурсам и взаимодействия на институциональном и личном уровнях, недостаточностью финансирования, а также «болезнями роста», связанными односторонним и не вполне объективным рассмотрением событий и явлений. Не избежала история в этот период и «мистификации и этнизации культурно-исторического наследия, приписываемого одному народу, преувеличению самобытности и исключительности вопреки историческим фактам и объективной реальности».

Но к середине 90-х годов положение стало меняться. Историческая наука стала подниматься. И в последнее десятилетие стала одной из самых динамично развивающихся общественных наук. Этот подъем был обусловлен, прежде всего, встречей в июле 1998 г. историков и журналистов республики с Президентом Узбекистана И.А. Каримовым. Последовавшее затем постановление Кабинета Министров РУз «О совершенствовании деятельности Института истории АН РУз» (июль 1998) кар-

динально изменило положение в этой сфере. Материальная помощь государства и концептуальный подход его руководства позволили быстрому превращению Института истории АН РУз в Республиканский центр исторических исследований.

В конце 90-х годов появилась, разработанная совместными усилиями коллектива института истории и ведущих историков ВУЗов республики, концепция истории узбекского народа и его государственности, которая зафиксировала отход историков республики от формационного подхода¹. Это обеспечило альтернативность мнений историков и создало почву для приближения к позиции мировых центров по изучению Центральной Азии, использующих цивилизационный подход в ее изучении. Определяя особенности исторических процессов в Узбекистане с древнейших времен, эта концепция вместе с тем учитывала равноценное право народов Средней Азии на историческое и культурное наследие. Результатом работы в этом направлении стала первая публикация, посвященная истории государственности Узбекистана на узбекском и русском языках, ставшая результатом совместной работы историков и археологов². Первые шаги, предпринятые в этом направлении, были сопряжены с определенными трудностями, обусловленными запретностью этой темы в советский период и ее неизученностью. Впрочем многие вопросы истории Узбекистана изучались заново, уже с других объективных позиций.

Вышеупомянутое постановление состояло из 11 пунктов, заключающих в себе все вопросы, начиная от изменения структуры института и снабжения его современной техникой, до установления международных контактов. Правительство Узбекистана оказало огромную помощь и материального характера, что позволило улучшить условия труда, полностью обновить оборудование и компьютеризовать работу.

На сегодняшний день Институт истории действительно стал центром исторических исследований, координирующим историческую науку и объединяющим усилия историков по их раз-

---

¹ См.: O'zbekiston tarixi. 1999. № 1. С. 31—34.

² См.: Очерки истории государственности Узбекистана. — Ташкент. Шарк, 2000. 208 с.

витию. За годы независимости издано свыше 40 монографий, 30 брошюр, научных сборников, учебников и учебных пособий. Более 400 статей, отличающихся совершенно новыми методологическими подходами, опубликовано в отечественных журналах и около 300 — в зарубежных. Кроме того, будучи идейным генератором по постановке исторических исследований в республике, институт получил международное признание, став участником крупных международных грантов совместно с ведущими исследовательскими центрами США, Великобритании, Кореи и других стран. В институте действует система стажировки и аспирантуры, которой пользуются и молодые исследователи из зарубежья, в частности, Южной Кореи, США, Франции, Турции, Японии и других стран. За последние годы проведено около 10 крупных международных конференций.

Международные связи института проявляются и в научных поездках сотрудников зарубеж для стажировки и участия в престижных международных конференциях, проходивших в Индии, США, Германии, Франции, Австрии и в других странах.

Организаторскую деятельность института можно отметить в проведении международных конференций, а также постоянно действующего семинара имени Я. Гулямова, слушателями и участниками которого являются все историки ведущих вузов республики.

Таким образом, формированию новых парадигм в исторической науке способствовали, во-первых, политические обстоятельства, естественно приведшие и к социальным переменам, включая и изменение социального статуса историка, и его морально-психологической самооценки, и к изменению инфраструктуры науки в целом, во-вторых, развитие новых наукоразвивающих процессов, что способствовало открытию отечественной науки широкому миру, наплыв информации, в том числе методологического порядка из-за рубежа, кадровое обновление, борьба новых и старых взглядов, открытие и обогащение архивных источников и появление возможности улучшения материальной базы науки за счет неакадемических средств, в том числе зарубежных.

Значительно обновилась в этот период и методологическая база исследований, произошел благотворный взаимообмен методологическим опытом между исторической наукой и такими

родственными дисциплинами, как археология, этнология, искусствоведение, социология. Недавними исследованиями смело введен в научную практику математический метод на основе контент-анализа эпистолярных источников — представлена картина экономического, психологического состояния и политического настроения населения Узбекистана в 20—30-е годы XX века. Предметом изучения стали и персоналии, что значительно обогатило и оживило современную историю. Большое внимание уделяется и устной истории, широко используются в исторической науке и методы социологии, что сформировало такую форму исследований, как ретросоциология. Это совершенно новое явление, позволяющее изучать мнение людей, ставших в свое время участниками, очевидцами или свидетелями событий прошлого. Оно наполняет историю людьми, индивидуумами, чье мнение, отраженное в письмах, беседах, записях, значительно изменяет представление о тех или иных событиях прошлого. Как люди воспринимали события, не только их личной или групповой жизни, но и историко-кардинального характера, сильно повлиявшие на их судьбу, как они оценивали их, каким образом хранили информацию о них, так или иначе интерпретируя увиденное и пережитое — выявление всего этого и его использование в исследованиях значительно обогащает наши представления. Объективность или субъективность подобных источников может быть подтверждена или подвергнута сомнению при сопоставительном анализе с материалами другого рода.

В целом, налицо сближение гуманитарных дисциплин в области научных исследований. Особенно эффективно работает схема история плюс археология. Было время когда каждая из этих дисциплин развивалась сама по себе, хотя заключения и выводы историков должны естественным образом опираться на новые данные археологии.

Определенные новации имеются и в области этнологии. Постепенно расширяется круг ее задач, особенно, в области теории и методологии. Если в советский период эта сфера ограничивалась этнографическими рамками и в первые годы после распада СССР исследования продолжали страдать голой описательностью, то теперь все больше практика научных разработок «работает» на теорию, которая постепенно формирует на-

правления этнологии и позволяет расширить спектр изучаемых проблем за счет междисциплинарных связей.

Сформировались современные парадигмы и в изучении проблем этногенеза и истории государственности, которые основываются на идеях современного евразизма, то есть подходов, объясняющих цивилизацию Центральной Азии, как симбиоз восточной и западной культур.

Процессы глобализации и теоретизации в исторической науке идут одновременно с явлением локализации, то есть предметом исследований становятся региональные проблемы.

Одним из важных направлений исторической науки, определяющей ее теоретическую базу, является историография и источниковедение. Содержание историографии сегодня вышло за рамки методических и технических приемов изучения истории. Знание историографии вопроса определяет методологию работы историка, а знание источников, в совокупности с литературой позволяет сделать объективные выводы. К сожалению, не все историки понимают задачи историографии, и зачастую ставят аспирантов в трудное положение, давая им историографические темы. Стало популярным увлечение историографией археологами, не имеющими возможности вести раскопки. Считается, что легче взять историографию того или иного археологического объекта. В результате пишутся не отвечающие требованиям предмета диссертации.

Однако отмеченные проблемы решаются и довольно успешно. Этому способствует постоянно действующие историографические чтения, где рассматриваются проблемы исторической науки по многим направлениям. Работы республиканского Координационного совета, куда входят ведущие историки республики, позволяют своевременно предупреждать отмеченные недостатки и направлять историков, особенно «молодую поросль» по пути взвешенного и объективного освещения исторических событий. Большую пользу приносит обмен мнениями с учеными стран Европы, Азии и США, который постоянно проходит в Институте истории.

При всех имеющихся достижениях, историческая наука все еще не восполнена необходимыми кадрами, особенно в области древнего и средневекового периода.

Все меньше остается специалистов способных читать рукописи на арабском, персидском и староузбекском языках. Этот вакуум грозит забвением исторического наследия прошлого. Для ликвидации этого пробела администрация института приоритет отдает тем абитуриентам, которые поступают в аспирантуру по проблемам средневековой и древней истории. Учитывая что таких специалистов необходимо готовить с вузовской скамьи, создана, как было сказано выше, Объединенная кафедра университетов и Института истории по подготовке бакалавров и магистров.

Выходом из положения является и задействование археологии, без которой невозможно написание истории древнего периода.

Оценивая прошлое и настоящее исторической науки, можно прийти к выводу о том, что сама история и ее развитие представляет собой интереснейшее направление, объективное изучение которого требует знания взвешенного объективного подхода с учетом тех политических реалий, которые были на протяжении XIX — XX и начала XXI вв. на территории Центральной Азии.

О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ*

История исторической науки Узбекистана является одной из актуальных направлений современной науки. Чтобы говорить о ее проблемах нужно обязательно вспомнить и о пройденном ею пути.

Нет нужды долго распространяться о состоянии исторической науки в советское время, когда наряду с определенными достижениями происходило искоренение самостоятельной мысли. Несмотря на частные достижения, в целом историческая наука в этот период оставалась антинациональной.

Дурно истолкованная история может в конце концов возбудить недоверие и к истории действительной. Так оно и случилось. Необъективное многословие отвергнуло молодежь от

---

* 2005 год.

истории в советский период. Она стояла в числе обязательных, но надоедливых и ненужных предметов, особенно такая ее модель, как история КПСС. И даже тогда, когда начался процесс ее нового толкования, по инерции отношение оставалось прежним.

Однако представить себе, что «на развалинах» старой истории образовалась новая история (как предмет), новое отношение к ней, было бы ошибкой. При полном равнодушии к этому вопросу общественности в недрах научных кругов существовало понимание того, что теория (коммунистическая) не соответствует действительному прошлому. Это и породило дискуссии на исторические темы, ставшие возможными в, так называемый, «перестроечный» период. С началом же независимости историки осмелились называть многие вещи своими именами. Крушению подверглись теории советской исторической доктрины о «Присоединении Средней Азии к России» («добровольном»), о большевистской революции 1917 г., о буржуазно-националистическом и реакционном характере Туркестанской автономии и о движении джадидизма, о поголовной безграмотности узбекского народа и т.д. Это было большим продвижением, но еще не означало коренного перелома, потому что все «пересмотры» проблем совершались слишком осторожно и с оглядкой назад.

Известный исследователь русской истории А.Л. Шлецер разделил историю России всего лишь на пять периодов: от 862 г. до Светополка — рождающейся, от Ярослава до монголов — разделенной, от Батыя до Ивана III — угнетенной, от Ивана до Петра I — победоносной, от Петра I до Екатерины II — процветающей. С такой постановкой вопроса не был согласен известный российский историк Н.М. Карамзин. Но если подходить со «Шлецерской мерой» к истории среднеазиатского Двуречья, то на сколько периодов надо ее делить, если ее рождающаяся часть запечатлена в Авесте, возраст которой около 3000 лет, если ее героическая часть, повествующая о борьбе народов за свою землю, относится и ко времени завоевания Центральной Азии Ахеменидами, походов А. Македонского, арабского нашествия, завоевания Чингисхана и российского царя Александра II?

В новой концепции истории Узбекистана зафиксированы девять периодов, заключающих в себе множество этапов и победоносности, и угнетенности, и процветания. Чтобы осмыслить всю эту многовековую историю, как историю государства Узбекистана, тем более показать, нужна решительная и глобальная перестройка методологических основ науки. Эта задача была четко обозначена летом 1998 г. Встреча Президента страны И.А. Каримова с группой историков и представителей средств массовой информации и выход Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан «О совершенствовании деятельности Института истории АН РУз» стали основой для стратегической перестройки функций исторической науки. В первую очередь Институт истории Академии наук вновь обрел статус центра исторических исследований. Поставленные Президентом страны задачи возрождения исторической науки вкуче с возрождением института, конечно, выполняются не только одним его коллективом. Но институт в течение последних лет действительно стал генератором идей по постановке научных исследований.

Многие вопросы и проблемы истории уже получили свою новую объективную интерпретацию. Наиболее важные и актуальные задачи, поставленные Президентом республики, стоят в центре внимания историков страны. Это проблемы истории государственности и этногенеза узбекского народа. Прежде всего следует сказать о том, что эти проблемы выходят за рамки одной страны, являясь проблемами региональными. Известно, что обретение независимости и интеграция в международное сообщество поставило перед молодыми государствами Средней Азии проблему определения путей и форм развития государственности, выявление вклада каждого народа в мировую копилку культурных ценностей. Это, в свою очередь, требует исследования глубинных корней становления цивилизации и государственности. Неслучайно в независимых государствах региона наблюдается стремление определить само понятие национальной идеи, истоков возникновения, становления и развития национальной государственности, желание исследовать происхождение самих народов, создавших эти государства.

К истории государственности и культуры ученые обращались и ранее, но, скованные рамками формационной марксистской методологии и советской идеологии, выражали это в форме обобщающих универсальных историй, в которых терялись локальные особенности отдельных народов, богатство их национальной культуры. В области древнейшей истории такая глобальность не позволяла детально рассмотреть вопросы отдельных регионов Средней Азии, на территории которых слагались крупные античные государства. В популярных учебниках и научных исследованиях проводилась мысль о том, что государственность на всей территории СССР проходила одни и те же стадии, втиснутые в рамки тех же пяти общественно-экономических формаций. Национально-этнические особенности, принадлежность государственности того или иного народа представлялись в размытой форме без конкретизации их генетической природы и этнической принадлежности.

Государственность национальных республик зачатую характеризовалась вскользь, как констатация самого факта существования того или иного государства, без генезиса, эволюции и развития типологии государственных образований, без конкретной характеристики его институтов. Советская концепция истории государственности основывалась на принципах, оправдывавших создание единого советского государства.

Сегодня в независимых республиках возрождается интерес народов к своей истории, ее глубинным истокам, национальным особенностям. Все это ставит перед историками задачи создания объективной истории своих народов.

Отрадно отметить, что исследователи отошли от традиционного подхода сведения всей восточной истории, в основном к ираноязычному пласту. Все активнее они стали обращаться к вопросу о роли тюркских народов как одного из важнейших компонентов в формировании цивилизации и государственности Средней Азии. Во всех республиках с начала 90-х годов XX в. стали пересматриваться и переосмысливаться многие ключевые проблемы истории, получившие в советское время неверную, подчас фальсифицированную оценку. Естественно, что первые шаги в этом направлении были сопряжены с большими трудностями понимания сложнейших исторических проблем,

зачастую по-дилетантски, освещаемых без учета достижений современной науки в области археологии, истории, эпиграфики и других смежных дисциплин.

В изучение исторического прошлого и узбекской государственности ныне включилось большое количество исследователей — историков, источниковедов, археологов, востоковедов и представителей других общественно-гуманитарных наук. Задуман и осуществляется фундаментальный научный труд «История государственности Узбекистана», охватывающий период с древнейших времен — с более трех тысяч лет назад до настоящего времени. На базе нового комплексного научного подхода ученые республики приступили к написанию многотомной «Истории Узбекистана».

Разработка аналогичных изданий предпринимается и учеными Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркмении.

Огромный объем фактологических данных, источников, накопленных в течение десятилетий в результате работ археологов, источниковедов, этнографов на территории Средней Азии, свидетельствует о наличии глубинного пласта культуры, который является достоянием многих народов региона. Поэтому определение доли участия каждого народа в становлении их традиционных культур требует предельно бережного и деликатного подхода исследователей всех республик Средней Азии.

Упомянутые уже в Авесте народы и страны Центрально-азиатского простора, Согда, Бактрии, Маргианы, Хорезма, Кангхи не могут быть отнесены к какому-то одному из современных среднеазиатских народов — это общие корни всего региона. Новизна объективного исторического подхода заключается и в том, что ведется поиск динамичного соотношения автохтонного населения древних областей с волнами этнических миграций, осуществлявшихся на протяжении тысячелетий на территории Средней Азии. Для молодых независимых государств свойственно закономерное стремление найти исторические корни, опереться на героические примеры истории для выработки национальной идеи и самоутверждения в рамках мирового сообщества. Однако зачастую можно видеть, что этот процесс сопровождается определенными перегибами, своеобразной «детской болезнью роста». Не избежали этого и республики Средней

Азии, что отразилось в многочисленных работах, наполненных подчеркнуто «патриотическими» пассажами, подчас в ущерб исторической истине. Анализируя такую картину, российский ученый А.А. Куртов, выступая на конференции, посвященной теме «История: проблемы объективности и нравственности», организованной посольством РФ в Узбекистане, совершенно справедливо заметил, что «движение общества, отстаивающего свои, в том числе национальные интересы, не должно предписывать науке исключительно политизированно-этническое восприятие событий прошлого»¹. На самом деле мы зачастую сталкиваемся с попытками толковать свою историю, искусственно принижая ее определенные явления и намеренно преувеличивая и приукрашивая другие процессы. Налицо, доведенное до абсурда, стремление удревить историю государственности за счет присвоения лишь одной нацией исторических достижений всех народов Центральной Азии.

Историки Узбекистана, в том числе и те, кто занят непосредственно разработкой проблем государственности, выступают за научную объективность.

Большая проблема в исторической науке — проблема этногенеза. Она обусловлена недостатком кадров, хотя, в целом, надо признать, что за последние годы идет успешное развитие этнографии. Но детальному изучению подверглись пока только этнографические темы, относящиеся к XIX—XX вв. Однако, главный недостаток большинства этих работ — описательность. За последнее время появилось много диссертационных работ и отдельных изданий, описывающих материальную культуру и духовную жизнь узбекского народа с этнографических позиций. Конечно, это надо только приветствовать. Независимость позволила изучать забытые при советской власти традиции и явления. Но время призывает нас к тому, чтобы мы делали выводы, служащие практике. В настоящее время необходима трансформация этнографии в этнологию, важным компонентом которой является теория. Например, изучая махаллю и исто-

---

¹ Куртов А.А. Образ России в национальных историях постсоветского пространства: синтез науки, идеологии и мифотворчества // История: проблемы объективности и нравственности. Материалы научной конференции. Ташкент, 2003. С. 14.

рию ее возникновения, историки не должны ограничиваться описанием ее структуры и жизнедеятельности, должны исследовать гносеологию этого общественного института, сделать сравнительный анализ его функций на различных этапах истории, выяснить причины повышения его социального статуса, связь с общественно-политическим устройством государства и т.п.

Серьезного внимания требует и близкая нам во временном отношении история XX в., которая в сонме столетий выделяется удивительным сочетанием парадоксов и экстремальными взрывами, переменой прямо противоположных явлений, событий и ситуаций. С одной стороны, продолжение традиций, заложенных в XIX в., некоторые из которых отбрасывали общество в развитии назад, и одновременно общий невероятный скачок не только в технологии, науке и культуре, но и, что взаимосвязано, в идейном развитии общества. Можно сказать, что в XX в. спокойная эволюция и убыстряющийся ритм истории соседствовали с тенденцией к глобализации, к революционным переменам и взрывам, кардинальным изменениям как политических, так и физических границ различных стран Земного шара.

XX в. — это взлет человеческой свободы и беспрецедентное нарушение прав человека, стремительный рост рождаемости, увеличение численности населения в ранее невиданных размерах и уничтожение многих миллионов людей, особенно в годы Второй мировой войны. XX столетие войдет в анналы истории и крахом империй, в том числе под названием СССР. Можно еще долго характеризовать ушедший век. Но историки привыкли давно ушедшие века называть одним характерным словом: век каменный, век бронзовый, век ренессанса и т.д. К XX в., возможно потому, что он ближе, трудно подобрать одно слово, но можно сказать, что он был атомным веком, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами, повлиявшими на все сферы жизни человека.

Каким же этот век был непосредственно для нашей страны, большую половину которого она прожила в несвойственной ее менталитету условиях, навязанных насильно пришлой властью?

Эти вопросы уже нашли свое отражение в ряде публикаций Института истории. Однако каждый этап в развитии исторической науки ставит и новые задачи. Современная истори-

ческая наука Узбекистана стоит на пороге нового этапа, этапа зрелости, который предполагает более высокий уровень фундаментальности, взвешенности и объективности и отход от эмоционально-поверхностных оценок, характерных для конца 80-х — начала 90-х годов. Это касается вопросов национально-освободительного движения (например, Андижанское восстание под предводительством Дукчи Ишана, когда вопрос о возведении его в национальные герои без учета всех особенностей восстания не является правомерным, или басмачество, рассматривающиеся сейчас некоторыми историками без критического подхода), проблем экономического и культурного развития Узбекистана. Историки должны отойти от позиции отрицания и анализировать наряду с негативами причины позитивных сдвигов в советский период, несмотря на засилье тоталитарного режима.

Теперь коснемся истории современного периода, то есть истории независимого Узбекистана. На наш взгляд, логика исторического исследования требует показа достижений в сравнении с предыдущим периодом, чтобы читатель мог осмыслить, какие огромные перемены произошли всего лишь за одно десятилетие во всех сферах жизни нашего общества. И, конечно же, современные работы по истории должны отличаться глобалистическим подходом, то есть процессы, происходившие в истории, и в настоящее время должны рассматриваться в контексте мировой истории, потому что история нашей цивилизации — это неразрывная часть мировой цивилизации.

Все это нужно не только для самой исторической науки. История — наука фундаментальная. Однако у нее есть одна сторона, которую можно считать прикладной в самом позитивном значении этого слова. Ведь знания, полученные в ходе исторических изысканий, используются при получении среднего и высшего образований. Эта область их применения не может не интересовать любого профессионального историка, независимо от сферы его научных интересов. Достижения и выводы исследований непосредственно преломляются в школьном учебнике. А учебник — это база формирования мировоззрения молодого поколения.

Когда же «час пик» перейдет в ровную стадию жизни науки, имеющую все условия для того, чтобы называться «звездным часом»? Легко ли ответить на этот вопрос? И да, и нет. Да, если ограничиться перечислением важнейших показателей такого явления: существование большого выбора опубликованных научных исследований по основным направлениям, отвечающим требованиям современного уровня развития науки, наличие высококвалифицированных кадров, которые были бы сконцентрированы в специализированных научных центрах (отделы института, кафедры вузов), наличие архивохранилищ и библиотек, оснащенных современным техническим оборудованием, вхождение в международную научную общность и умение ориентироваться в научных результатах ведущих научных центров Запада и Востока, наличие научных неправительственных ведомств, нахождение способов и возможностей дополнительных вознаграждений в виде международных и отечественных грантов. Многие из перечисленных компонентов уже реализуются. Есть главное — поддержка и помощь руководства страны. Многого есть в элементах, но многое еще проблематично. Два вопроса нуждающиеся в скором решении и не терпящие отлагательства — это вопросы исследований и кадров. По-прежнему в основных вузах, на которые может опираться институт, нет кафедр по подготовке специалистов по этнографии и этногенезу. Вызвано это, в свою очередь, тем, что у них нет специалистов, которые готовили бы эти кадры. Получается замкнутый круг, выход из которого может быть найден только совместными усилиями. Следует отметить и то, что инертность мышления еще имеет место. В частности, это проявляется при выборе темы для молодых исследователей. У нас принято, что тему для аспиранта или молодого соискателя выбирает руководитель. И часто происходит так, что он идет по легкому, проторенному пути. В советский период, как известно, наиболее диссертационным считалось исследование вопросов истории этого же периода. В новое время искатели легких путей раздавали своим ученикам темы того же советского периода, перелицованные на современный лад. Конечно, нет сомнения в том, что надо в новом ключе освещать историю этого периода, однако, анализ многих диссертаций (и докторских, и кандидатских) с

начала 90-х годов убеждает, что здесь налицо именно перелицовывание, без глубокого анализа негативных сторон явлений и событий. Зачастую историки, берясь за темы, касающиеся современного периода, не считают с тем, что здесь ведут исследования экономисты, политологи, юристы, социологи и другие ученые. Особенно часто выбираются вопросы экономического положения отдельных регионов Узбекистана, причем совершенно не берутся во внимание исследования экономистов.

Предлагаемые проекты многотомных изданий требуют тщательно продуманного, гарантированного подхода, чтобы не повторить печального опыта по изданию семитомной истории Узбекистана, подготовка которой осуществлялась так медленно, что написанные тома сильно устарели и потеряли свою значимость. Единственный же изданный третий том не имеет ни предыдущего, ни последующего. Думается, что, наряду с выполнением масштабных работ, мы не должны забывать, что необходимо утолить интеллектуальный «голод» и народа, и молодежи, и научной общественности по проблемам государственности изданием книг, брошюр, статей, одновременно ведя источниковедческую работу.

Несмотря на имеющиеся еще недостатки, есть все основания утверждать, что дорога для полноценного развития исторической науки проложена. Невозможно сказать лучше, чем это сделал известный французский историк Марк Блок в своей знаменитой книге «Апология истории»: «Жизнь слишком коротка, знания приобретаются слишком долго, чтобы даже самый поразительный гений мог надеяться освоить тотальный опыт человечества...». Изолировавшись, каждый из специалистов сможет что-либо постичь лишь наполовину, даже в собственной области, подлинная история возможна лишь при взаимопомощи.

О НЕКОТОРЫХ «БОЛЕЗНЯХ РОСТА» В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА*

Вот уже более десяти лет как в исторической науке начались кардинальные перемены. Достоянием историков стали многие архивные материалы, на основании которых история отечества избавляется от фальсификации, искажений, продиктованных официальной идеологией, трактуется в совершенно новом объективном ракурсе. Если учесть, что при советском режиме доступ к ним был ограничен, либо вовсе закрыт, то можно понять с какой радостью и жадностью исследователи извлекали из них все новые и новые данные. Многие из того, что ранее умалчивалось, стало достоянием гласности. Известные исторические события, трактовавшиеся в жестких клише, получили иную, соответствующую исторической правде интерпретацию, сформировались новые, объективные методологические парадигмы, благодаря чему видение прошлого становится все более полным и объективным. Трудно переоценить достижения исторической науки за последние десять лет. Однако не менее важным сегодня является конструктивный и практический анализ «болезней» роста нового видения истории, некоторой предвзятости, прямолинейной односторонности и перекосов, сложившихся при объяснении сложных и неоднозначных исторических процессов, попыток выдать желаемое за действительное, соблазна искусственного удревления истории тех или иных народов, характерного для многих республик Средней Азии, односторонней оценки сложных и противоречивых личностей прошлого, приписывание истории регионов, создаваемых многими поколениями различных народов, к деяниям одного народа и т.д.

Известно, что идеал научного знания — объективность. Ее достижение в любой науке — сложный и противоречивый процесс. В истории же, где пересекаются интересы различных социальных групп, народов и государств, движение к объективному знанию носит особенно драматичный характер. Но, несмотря на все противоречия становления объективной исторической науки, ясно одно: конъюнктура в науке несет вред как самой науке, так и обществу в целом. Не может быть науки, построен-

---

* 2004 год.

ной на субъективной интерпретации фактов, а тем более их фальсификации. Мы уже имели подобный опыт и печальные результаты фальсифицированной истории.

Наука о прошлом не может быть «надисторичной» и независимой от переживаемого исторического настоящего. Каждый новый этап в развитии общества ставит и новые задачи. Нам представляется, что современная историческая наука Узбекистана стоит на пороге нового этапа, этапа зрелости, который предполагает более высокий уровень фундаментальности, взвешенности и объективности и отход от эмоционально-поверхностных оценок, характерных для конца 80-х и начала 90-х годов. К сожалению, они все еще проявляются, особенно при переосмыслении истории национально-освободительного движения, а также истории советского периода.

К таковым, в частности, относится восстание 1898 г. в городе Андижане, получившее название от имени его предводителя Дукчи Ишана — «Дўкчи эшон қўзғолони». Большинство статей, посвященных этой теме и появившихся за последние годы в отечественной печати, оценивают данное событие как национально-освободительное движение. Не опровергая такую точку зрения, лишь следует отметить, что однозначность в исторических подходах порой граничит с неправдоподобностью. Исследование этого вопроса выявило разнохарактерность целей участников восстания и ограниченность мировоззрения его предводителя. Между тем до сих пор не осуществлен детальный анализ как деятельности самого Ишана, так и его произведений, свидетельствующих о его философско-мировоззренческих позициях, не отличавшихся высокой интеллектуальностью. Более того, публикации на эту тему говорят в пользу того, что некоторые историки все еще придерживаются прежней советско-историографической позиции, оценивая восстание Дукчи Ишана только с классовой стороны, без учета религиозных мотивов его руководителя. Авторы же отдельных публикаций, идут на поводу материалов, представлявших точку зрения колониальных властей, которые искали в причинах этого движения внешнеполитическую подоплеку. В особенности это касается вопроса о связях Дукчи Ишана с турецким султаном, не имеющего под собой реальной основы.

Статья Б. Бабаджанова, опубликованная в журнале «O'zbekiston tarixi»¹ («История Узбекистана»), на наш взгляд, впервые объективно отражает события Андижанского восстания, и «вынужденную» роль его предводителя, который, как нам кажется, просто не мог отказаться от просьб (для сохранения своего авторитета) возглавить движение. Б. Бабаджанову удалось исследовать произведение Дукчи Ишана «'Ибрат ал-Ғофилин», которое многое объясняет. В частности, раскрывает суть его примитивных прожектов государственного переустройства Туркестана в виде исламского государства — халифата.

Амбиции Дукчи Ишана, реализованные посредством религии и на почве недовольства населения, уставшего от беспредела колониальной администрации, желание приобрести авторитет и власть, и сама суть восстания, цель его участников добиться улучшения экономического положения властей — вот, как нам представляется, нить несочетаемостей в общем контексте движения.

Верность позиции Б. Бабаджанова в этом вопросе подтверждает и исследование А. Эркинова², который попытался проанализировать взгляды местной интеллигенции того времени на это восстание и его предводителя. В качестве источников А. Эркинов использовал поэтические произведения, в частности, цикл стихотворений под названием «Дукчи Эшон хажви». Поэты-современники неоднозначно и довольно критически оценивали его. Думается, что авторам эмоционально возвышенных статей, идеологизирующих его фигуру, надо быть в курсе новейших достижений исторической науки, хотя бы по той проблеме, о которой они пишут.

Сказанное касается и образа Намоза Пиримкулова в исторической литературе. Нет никаких оснований возводить его в ранг борца за независимость, а архивных документов, подтверждающих это, нет. Как известно, основным постулатом советской идеологии была классовая борьба и поэтому одна из ниш

---

¹ См.: *Бабаджанов Б.* Андижанское восстание 1898 года: дервишский «газават» или антиколониальное восстание? // *O'zbekiston tarixi*. 2001. № 2. С. 25—30.

² См.: *Эркинов А.* Дукчи эшон ва 1898 йил Андижон қўзғолони — давр шоирлари баҳосида // *O'zbekiston tarixi*. 2004. № 2. Б. 3—17.

в ее истории была отдана Намозу Пиримкулову. Его разбойничьи набеги на торговые караваны трактовались как выступления в защиту бедных и социально незащищенных людей. Причем известно, что он не трогал представителей царской администрации, а грабил лишь богатых купцов, не щадя при этом караваны с продовольствием. То, что «добыча» отчасти раздавалась нуждающимся — не основание для утверждения о том, что он возглавлял национально-освободительное движение. Между тем такое мнение еще имеет место и, более того, недавно Ш. Мурадовой была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, где автор утверждает, что действия Н. Пиримкулова были направлены против крупных землевладельцев, чиновников, ростовщиков, ставших, по ее выражению, «слугами колонизаторов», и она называет это освободительным движением¹. Как видим, у диссертанта сохраняется классовая позиция и совершенно отсутствуют понятия о сущности освободительной борьбы. Напрашивается вопрос: почему же «народный освободитель» или «мститель», как называет его автор, не направлял свой гнев и выступления против колонистов? Историю нельзя искусственно выстраивать, называя черное белым, и вольно интерпретировать события.

Одной из важных проблем истории Узбекистана, находящихся в центре внимания историков, является фальсифицированная советской историографией история так называемого «басмачества». Уже в 30-х годах XX века утвердилась большевистская концепция «басмачества», сводящая сложное и многофакторное движение местного населения к простой и однозначной схеме — сопротивлению «классовых врагов социализма» — баев и буржуазии советской власти. Эта упрощенная и идеологизированная концепция стала разваливаться вместе с распадом самого советского режима. В конце 80 — начале 90-х годов на страницах узбекистанской и московской печати стали впервые появляться статьи, основанные на иных подходах, опирающиеся на ранее замалчиваемые факты, свидетельствующие об идеологической предвзятости подобной теории. Изучая этот вопрос,

¹ См.: *Мурадова Ш.* XIX аср охири — XX аср бошларида Туркистон ўлкасидаги озодлик ҳаракатлари тарихи (Самарқанд вилояти мисолида): Тарих фанлари номзоди... дисс. автореферати. — Ташкент, 2004. Б. 18.

узбекистанские исследователи смогли доказать, что движение, в целом носило политический характер и имело форму национально-освободительной борьбы. Можно понять историков, окрыленных возможностью говорить правду и разоблачать советскую концепцию «басмачества». Однако историческая наука не терпит эмоций и это порой приводит к искажению объективности и истинного положения вещей. В 1994 г. Институтом истории АН РУз совместно с редакцией «Шарқ юлдузи» была проведена конференция, посвященная «басмаческому» движению. На ней высказывались разные мнения и одной из тем дискуссии стало обсуждение самого термина «басмачество». Кто-то из историков предлагал называть его движением сопротивления советской власти и Красной армии, другие — «движением за независимость» («истикқолчилик ҳаракати»).

Общим собранием было поддержано последнее предложение. И с тех пор во всей исторической литературе и учебниках «басмачество» называется «истикқолчилик ҳаракати». Однако правомерно ли это? Ведь движение за независимость существовало на протяжении всей истории, а не на одном небольшом отрезке времени. Этот термин отражает смысл борьбы за независимость на протяжении всей трехтысячелетней истории государственности Узбекистана. Что касается «басмачества», то это — конкретно-историческое движение первой половины XX в., носившее вооруженный характер и направленное против советской власти и Красной армии. Эта история не такая уж далекая, и она должна иметь конкретное название, а не общее. Соответственно были правы те участники конференции, которые предлагали назвать его «повстанческим движением» («совет ҳокимиятига қарши ҳаракат»). На фальсифицированность проблемы советской историографией часто указывали и зарубежные историки. Давайте внимательнее рассмотрим их точки зрения, в частности англо-американских исследователей, большинство из которых называют его стихийно возникшим протестом, представлявшим серию восстаний, хотя и плохо организованных, но охвативших большую территорию Туркестана.

Узбекские ученые совершенно правы в выводе о том, что политика советской власти в Туркестане, разгром Туркистон мухторияти, насильственные реформы, особенно в сельском

хозяйстве стали причиной возникновения «басмачества». Это подчеркивают и зарубежные исследователи. По мнению Г. Фрейзер, именно жестокость большевиков в отношении к национальному самоопределению породила в Туркестане движение сопротивления. Кроме этого, среди других причин она отмечает нарушение традиционного образа жизни, ущемление религиозных убеждений, насильственную форму введения социально-политических преобразований¹. А. Парк также отмечает, что «басмачество», как антисоветское движение, началось в Фергане и быстро распространилось по всей советской Средней Азии. «Басмачество» стало реакцией на нарушение обещаний большевиков предоставить населению Туркестана права на самоопределение, репрессивную и безответственную политику советских властей, голод и экономический кризис².

Впрочем и сами представители власти тех лет в Туркестане объективно оценивали ситуацию. В частности, Т. Рыскулов писал: «В сельской местности беззаконие, насилие было обычным делом. Банды преступников, часто состоящие из Красной армии и иногда включающие членов коммунистической партии, совершали налеты на кишлаки, убивая и грабя население. Призывы о помощи оставались не только безответными. Ташкент даже приказал обезоруживать местные дружины, которые организовывались в некоторых местах для самозащиты». Конечно все это не могло не вызвать сопротивления, активно поддержанного народом.

По словам Х. Хостлера, «в движении принимали участие и поддерживали его практически все слои населения, что делало его общенародным»³.

Однако, в отличие от наших исследователей, западные историки саму сущность «басмачества» оценивают неоднозначно. Например, Дж. Уиллер не признает позитивной его идеологию, считая, что «его лидеры, достигшие самой большой известности, были не интеллектуалами или реформистами, а были консерва-

¹ См.: *Fraser G. Basmachi (An Enforced «New Deal» and Basmachism) // Central Asia Survey. 1987. Vol. 6. № 11. P. 8.*

² См.: *Park A. Bolshevism in Turkestan, 1919—1929. — New York, 1957. P. 34.*

³ *Hostler Ch. W. Turkestan and the Soviets (the Turks of the world and their political objectives). — London, 1957. P. 163.*

тивными реакционерами... Они равно противостояли джадидам, младобухарцам и русским»¹. Один из отечественных исследователей вопроса К. Раджабов считает джадидов идеологами «басмачества». Нам представляется, что подобный вывод недостаточно обоснован. Тот факт, что некоторые из организаторов Туркестанской автономии 1918 г. после его разгрома перешли на сторону «басмачей», вовсе не означает, что они были его идейными вдохновителями. «Басмачество» и его руководителей нельзя ставить ни по интеллекту, ни по мировоззрению на одну планку с национальными прогрессистами. Вспомним, какое государство хотели строить многие из предводителей «басмачества», при условии освобождения от большевиков. Целью Ибрагимбека и муллы Абдукаххора было возвращение и восстановление правления эмира, а Шермухаммадбека — построение исламской республики. Как правило, они все были традиционалистами и ратовали за возврат старых политических систем. Исключение составлял лишь Мадаминбек, человек несомненно более широкого кругозора, находившийся под влиянием современного реформистского движения, склонный к светской модели развития.

Известный американский ученый Э. Олворт прав считая, что хоть цели у джадидизма и повстанчества были одни, но пути их достижения были различны². К тому же, в отличие от джадидов, повстанцы не имели серьезных социальных программ. И мы никак не можем объединять все «басмачество» в одно целое и судить о нем, не проводя демаркационной линии.

Мы думаем, Г. Фрейзер права, разделяя его на политическое и криминальное направления. В первое она включает группировки, боровшиеся с Советской властью, которые и поддерживались большинством населения. Именно такое разграничение необходимо в освещении событий 1918—1924 гг. в Туркестане. К сожалению, в отечественной историографии это не отражено. В одной из статей К. Раджабова³, приводится большой список имен курбашей — предводителей группировок. Но где

¹ Wheller J. The modern history of Soviet Central Asia. — London, 1964. P. 107—111.

² См.: Allworth E. The Modern Uzbeks. From Fourtent century to the Present. — New York, 1990.

³ См.: Раджабов Қ. Туркистон қўрбошилари қисмати // Моҳият. 2002, 1 ноябрь.

основание считать их всех политическими борцами? С уверенностью можно сказать, что сюда попали и предводители криминальных группировок. Говоря о политическом направлении и присоединяясь к мнению англоязычных исследователей в том, что оно было самым упорным и самым отчаянным движением в истории восстаний в Азии и Африке, мы должны придерживаться принципа всесторонности: объективно изучать и описывать не только его достоинства, но и слабости. Это, в первую очередь, разрозненность, причиной чего были, как правильно отмечают М. Броксап и А. Парк, узкоместные интересы их главарей, людей честолюбивых и ревностно относящихся к успеху друг друга. Большинство из них не знало, что было за пределами их мира, и они были малосведущи в политике. Более того, между ними шла ожесточенная борьба за власть, и даже ради общей борьбы с Советами, они не шли на уступки друг другу.

Говоря же о причинах поражения движения сопротивления, мы, в отличие от тех же зарубежных исследователей, упускаем важные факты или попросту негативное отношение к нашему советскому прошлому не дает нам это видеть. Советская власть пошла на важные уступки, понимая, что движение переросло в общенародное и с ним нельзя покончить исключительно военными мерами, и она пыталась оттянуть, отвлечь народ от него. Введение нэпа и реформы власти, в частности, возвращение частной торговли, восстановление вакфов (хоть и временно), возвращение мусульманам старых школ, мечетей и т.д., успокоили население, жаждущее мира, и оно перестало поддерживать движение. Но это были лишь временные уступки со стороны властей ради ликвидации «басмачества». Сразу после решения этой задачи началась репрессивная политика по отношению к населению, апогеем которой была насильственная коллективизация сельского хозяйства.

Еще один вопрос, который получил не совсем верную трактовку — это вопрос о роли в движении Энвера Паши, прибывшего в 1921 г. из Турции в Бухару для поддержки «басмаческого» движения. Чрезмерная идеализация его личности писателем И. Бокий в эссе, опубликованном в журнале «Шарк юлдузи», под названием «Чингиз афандига мактуб»¹, не имеет под

---

¹ См.: *Бокий И.* Чингиз афандига мактуб. Шарк юлдузи // 2004. № 1.

собой объективной почвы. Известный демократ того времени Заки Валиди Тоган, вспоминая об Энвере, писал: «Я понял, что этот человек был великим идеалистом, что он не сообразовывался с событиями и жизнью, что он не знал ни географии, ни статистики Туркестана, хотя бы по Российским и европейским публикациям». Думается, что это действительно так, потому что, зная, что в это время у руководства Бухарской республики стояли джаиды, которые независимо от советского центра пытались проводить реформы и сами страдали от вмешательства большевиков, Энвер Паша возглавил борьбу с ними. Взаимоотношения руководителей повстанческого движения с Бухарским и Хивинским правительствами и ряд других вопросов, к сожалению, у нас не освещены и требуют объективного и глубокого изучения. Кроме того, сейчас, после того как движение джадизма получило свою объективную оценку, вновь пытаться очернить и осквернить его, как это сделал И. Бокий, это — не более как историческое и культурное невежество. И обвинять их в пантюркизме и панисламизме, проводить параллели между большевиками и джаидами, унижительными словами характеризовать А. Фитрата и Ф. Ходжаева — значит стоять на прежней фальсификационной «большевистской платформе». С этим никак не может примириться современная наука.

Хотелось бы обратить внимание историков на такой вопрос, как попытка создания трудов по так называемой «малой родине». Нередко на рассмотрение институтом приносят рукописи, посвященные истории регионов. В том, что люди изучают свой край, нет ничего предосудительного. Но на практике эти истории совершенно оторваны от истории самого Отечества. Это все равно, что писать историю Узбекистана в отрыве от мировой истории, истории цивилизаций. Такое перенесение акцента на изолированную микроисторию не только создает неправильное восприятие истории, но может привести к снижению ее воспитательной функции, разрушению целостного восприятия, развить тенденции местничества. Отдельные события, происходившие на различных территориях единого Узбекистана, должны изучаться в тесной связи с собственно историей страны, только тогда они могут претендовать на объективность.

Имеются у нас недостатки и в области этнографических исследований, главным из которых является описательность.

За последнее время появилось много диссертационных работ и отдельных изданий, описывающих материальную культуру и духовную жизнь узбекского народа с этнографических позиций. Конечно, это надо только приветствовать. Независимость позволила изучать забытые при советской власти традиции и явления. Но время призывает нас к тому, чтобы мы делали выводы, служащие практике. В настоящее время необходима трансформация этнографии в этнологию, важным компонентом которой является теория. Например, изучая махаллю и историю ее возникновения, историки не должны ограничиваться описанием ее структуры и жизнедеятельности, а исследовать гносеологию этого общественного института, сделать сравнительный анализ его функций на различных этапах истории, выяснить причины повышения его социального статуса, связь с общественно-политическим устройством государства и т.п.

В отличие от многих учебных предметов, призванных решать преимущественно прагматические задачи, история решает также и такие специфические задачи, как мировоззренческая и воспитательная. Без овладения комплексом исторических знаний (прежде всего по истории Отечества) школьник может стать хорошим профессионалом в любой области, но определить свою гражданскую позицию ему будет трудно.

За годы независимости многое уже сделано и в области создания учебников по истории. При всех своих недостатках учебники первого поколения сыграли свою положительную роль: за короткий срок произошла оперативная замена старых коммунистических учебников на новые, и, в целом, они отвечают концепции «Истории узбекского народа и его государственности». Но вместе с тем им свойственны определенные недостатки, общий из которых — перегруженность фактическим материалом и нехватка образности и яркости языка, а это особенно трудно усваивается учениками младших классов. Например, в учебнике для 5 класса (автор Б. Ахмедов) часто нарушается историческая хронология: после темы «Туркистон мухторияти» следует рассказ о коллективизации. Таким образом, ученику не понятно какая связь между ними и почему. Не дается материала и об октябрьском перевороте 1917 г. и насильственном установлении большевистской власти, которая и изоб-

рела эту «коллективизацию». А в повествовании о Чингизхане, который обращается к богу с просьбой дать силы для борьбы с врагами, материал подан так, что может вызвать у ребенка позитивное отношение к завоевателю, если не будет объективного пояснения учителя. Кроме того, для ребенка десяти лет запомнить такие большие тексты очень трудно без поясняющих иллюстраций и соответствующих карт. Во Франции в учебниках для 5-х классов лицеев на один небольшой текст приходится несколько ярких, красочных карт и иллюстраций. При таком подходе ребенок легко усваивает основной материал. У нас же карты, если и даются, то в черно-белой окраске, и они совершенно не связаны с текстом. По нашему мнению, для школьника, впервые начавшего изучать историю, она должна быть экскурсионной и однозначной. В этом возрасте он еще не в состоянии самостоятельно делать выводы и определять позитивность или негативность исторического образа или действия. Учебники по истории Узбекистана для 6—8 классов также перегружены текстовыми материалами и здесь по-прежнему недостаточно освещается история культуры, повседневная жизнь людей, изменения в их взглядах на жизнь, идеалы, нравственные ориентиры.

Мы понимаем, что трудно совместить в учебнике легкость, доступность изложения с небольшим объемом. Однако в этом и должно проявиться мастерство историков, пишущих учебники.

Несмотря на отмеченные недостатки, приобретенный опыт дает возможность сегодня ставить вопрос о новом поколении учебников как о вполне разрешимой задаче. Однако на новую ступень развития учебная литература поднимется тогда, когда будет учтен мировой опыт ее создания, и она будет отражать единство общегосударственной программы исторического образования, основанной на твердой почве науки и объективности.

Здесь было сказано лишь о нескольких направлениях исторической науки, в том числе и прикладной, в свете перехода ее в более высокую фазу развития, такую фазу, на которой маленькие успехи — это не успехи, а большие — должны быть подвергнуты тщательному анализу и обсуждению. Проводя дискуссии в конструктивном русле и выявляя ошибки, мы найдем правильный путь развития исторической науки, что в свою оче-

редь будет положительно влиять и на развитие исторического образования.

КАКИМ НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЭТНИЧЕСКИЙ АТЛАС УЗБЕКИСТАНА?*

Узбекистан — страна с уникальным историческим прошлым, государственность которой восходит к временам создания Авесты. На протяжении трех тысячелетий здесь, на оживленном перекрестке мировых цивилизаций, древних миграционных потоков и духовных взаимовлияний, формировалась богатейшая культура. На ее автохтонной основе образовался необычный симбиоз этнических культур, остающийся одной из наиболее ярких черт современного Узбекистана.

В Республике Узбекистан, наряду с титульной нацией — узбеками, проживают представители более 100 национальностей, составляющих свыше 20 процентов населения страны. За последнее десятилетие все эти народы пережили подлинное национальное возрождение. Полиэтнический характер государства и сохранившаяся с древнейших времен традиция толерантности в полной мере способствуют демократическому развитию страны и ее интеграции в мировое сообщество.

Изучение чрезвычайно сложных процессов и фундаментальных реалий этногенеза и этнической истории народов Центральной Азии, многокрасочной этнической структуры Узбекистана — одна из важнейших задач отечественной этнологической науки. В то же время те или иные, не опирающиеся на достаточно доказательный и скрупулезно выверенный материал, интерпретации вокруг этой деликатной темы могут быть использованы в конъюнктурных целях.

Особенно большое значение, как с академической точки зрения, так и в плане образования и воспитания молодежи, имеют популярные издания историко-этнографического характера в виде энциклопедических словарей, атласов, справочников. Именно к ним, а не к специальным научным изданиям и монографиям чаще обращаются читатели. Поэтому они должны тщательно

---

* 2006 год. (В соавторстве с З. Арифхановой, Ш. Камолидином).

продумываться и создаваться опытными специалистами, признанными знатоками своего дела, отличаться объективностью, основанной на точных научных данных.

Такие требования выдвигаются и к этническим атласам, которые обычно разрабатываются долгие годы специалистами узкого профиля, занимающимися проблемами этнической истории народов мира. Приступают к их созданию после тщательного изучения всего корпуса научных данных, являющихся итогом многолетних трудов отечественных и зарубежных этнологов.

Издание такого этнического атласа в Узбекистане — давно назревшая проблема. К ее решению шли историки и этнологи республики, внесшие за последнее десятилетие немалый вклад в изучение этнической истории Узбекистана, в переосмысление многих ее моментов, оставшихся запретными для науки в советское время. Огромная заслуга в этом принадлежит академику К.Ш. Шаниязову, который до последней минуты своей жизни работал над новой книгой «Процессы формирования узбекского народа» и успел поставить в ней точку¹.

Учитывая этот опыт, мы должны были бы с большим воодушевлением и благодарностью воспринять скомпонованный за короткий срок и красиво изданный объемный «Этнический атлас Узбекистана»². Внезапность его появления вызвала большой интерес и одновременно удивление в научных кругах, поскольку ни один из общепризнанных этнологов Узбекистана не имел представления о подготовке этого издания.

Атлас состоит из трех разделов. Первый из них посвящен характеристике почти 70 этнических групп, проживающих в Узбекистане. Во втором («Узбеки») — даны этногенез и этническая история узбеков, анализ их этнической идентичности, характеристика некоторых этнографических групп, узбекского языка, а также одного из народных обычаев. В третьем разделе содержатся обзорные статьи о национально-культурных центрах республики, описываются этнические кладбища в Узбекистане.

---

¹ См.: Шаниязов Ш. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. — Тошкент, 2001. 462-бет.

² См.: Этнический атлас Узбекистана. — Стамбул, 2002. С. 452.

Нельзя не отметить, что авторы атласа проделали большую работу, собрав значительный по объему и разнохарактерный статистический материал об этнических группах, длительное время проживающих в Узбекистане в отрыве от своей основной этнической общности.

Однако, не стоит забывать, что атлас — это энциклопедическое издание с определенной спецификой подачи материала, особой структурой и жесткими требованиями к содержащимся в нем статьям. Материал его должен быть тщательно отобран и унифицирован. Имея справочный характер, он должен давать четкие ответы на интересующие читателя вопросы, а не отражать научную полемику, в которой неспециалисту крайне трудно разобраться.

Отсутствие концептуального подхода, неразработанность общей методики подачи материала и определили слабые стороны нового атласа. Его авторам следовало бы сгруппировать данные о народах по территории их исконной общности, то есть по историко-этническим корням (народы Средней Азии, Кавказа, Поволжья, славянские народы и т.д.) или по мере повышения их удельного веса в составе основного населения страны. Между тем, они избрали алфавитный порядок подачи материала, лишаящий атлас необходимого структурного единства.

К сожалению, не отработаны и унифицированы смысловые значения этнических терминов. В частности, наряду с термином «национальные или этнические группы» употребляется давно устаревший термин «этнические меньшинства». Неоправданно с научной точки зрения и употребление таких терминов, как «чистые узбеки» и «полуузбекские этносы»¹.

В этнологии существует отработанная система описания народа или этнической группы — этнодемографическая характеристика, то есть выявление исторических корней того или иного этноса, специфики его культурно-хозяйственных традиций, общественного и семейного быта, материальной и духовной культуры, обычаев, обрядов. К сожалению, многие статьи атласа не отвечают этим требованиям, в том числе и материал о представителях русской национальности в Узбекистане. Раскрывая их

---

¹ См.: Этнический атлас Узбекистана. С. 201.

роль в научной и культурной жизни страны, авторы атласа все же не дают полного представления о полуторамиллионной русской диаспоре и обходят молчанием ее вклад в развитие промышленности и других отраслей народного хозяйства Узбекистана, не раскрывают особенности быта, духовной культуры, языка и самосознания русских, длительное время проживающих в иноэтнической среде. Между тем, эти аспекты жизни русской и других славянских диаспор в Центральной Азии хорошо освещены в научной литературе¹. Однако ни эти источники, ни большинство других опубликованных этнографических данных, собранных специалистами в полевых условиях, не использованы авторами «Атласа». Это привело к тому, что во многих статьях этническая картина диаспор и конкретная характеристика этнических групп подменены отрывочными фактами и разрозненными материалами биографий и мемуаров, которые не дают читателю общего представления о данных этносах, что недопустимо в таких изданиях, как этнический атлас.

Более того, авторы подчас вольно обращаются с национальной принадлежностью видных представителей тех или иных народов. Например, в статье «Русские» академик К.Е. Житов причисляется к русскому народу², в другой («Мордва», автор Л. Жукова) — к мордовскому³. Ахмад Заки Валиди Тоган в одной статье представлен, как «татарский джадид»⁴, в другой — как «башкирский историк»⁵. И совсем непонятно, почему Л. Жукова, давая характеристику малочисленной французской диаспоре в Узбекистане, приводит цитату: «Как известно, французский еврей более француз, чем сами французы»⁶.

В статье о таджиках приводится динамика их численности в Узбекистане, свидетельствующая, что они составляют второе

---

¹ См.: Бурсина О.И. Славяне в Средней Азии. — Москва, 2001. Такого же рода сведения имеются и о представителях других этнических групп в регионе. Ниязов Д. Среднеазиатские евреи в прошлом и настоящем. — Ташкент, 1992 и др.

² См.: Этнический атлас Узбекистана. С. 193.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же С. 46.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же. С. 237.

крупное этническое объединение среди древнего населения региона. Вместе с тем, в исторической справке авторы «Атласа» бездоказательно, не ссылаясь ни на одну из конкретных работ, критикуют всю историческую литературу о таджиках. Эта критика, возможно, была бы хоть чем-то аргументирована, если бы авторам книги удалось дать собственное этническое описание таджиков. Однако они заменили его цитатой из известной статьи В.В. Бартольда, написанной им для «Энциклопедии ислама».

Далее, в той же статье, излагается их видение идентичности таджиков Узбекистана. И здесь также допущены грубые ошибки, в частности, в определении ареала расселения таджикского населения. Неверно, что основная часть таджиков Ферганской долины проживает в селах. Напротив, они составляют значительную часть населения городов Чуст, Кувасай, Риштан, Касансай. Неверно и утверждение о том, что велико присутствие таджиков в кишлаках Самарканда, а в самом городе их влияние менее заметно, чем в Бухаре. Это опровергается приведенными тут же данными о том, что в Самаркандской области в 2000 г. проживало 19,9 процентов всех таджиков Узбекистана, а в Бухарской — 4,4 процента¹.

Кроме того, авторы отождествляют таджикский язык с персидским, они пишут: «фарси, называемый в настоящее время таджикским»², хотя давно известно, что в результате дифференциации иранских языков фарси и таджикский разделились на два самостоятельных языка.

Идентичность таджиков представляет «специфический случай в этнической истории Узбекистана», как справедливо указывают авторы «Атласа». Однако, можно ли объяснить эти специфические черты слабым этнокультурным самосознанием таджиков и ассимиляционной политикой государства? Идентичность таджикского населения Узбекистана складывалась под влиянием ряда глубинных объективных факторов, в процессе многовекового совместного проживания таджиков и узбеков. В результате этого взаимовлияния (не только тюркизации, на

---

¹ См.: Этнический атлас Узбекистана. С. 191.

² Там же. С. 195.

что делают акцент авторы, но и иранизации тюрков) в культуре и образе жизни двух народов сформировалось много общих черт; сложилась этноареальная культура ряда регионов. «Узбекизация», о которой говорят авторы атласа, является продолжением этого объективного процесса, а не итогом ассимиляционной национальной политики в XX в. Авторы статьи делают вывод о том, что «под влиянием образования независимого Узбекистана, придания узбекскому языку статуса государственного, перехода на латинскую графику» ситуация двуязычия таджиков «меняется в сторону узбекизации местного таджикского и двуязычного населения», «возникает угроза языкового отчуждения таджиков и узбеков»¹.

Известно, что предки узбеков и таджиков в течение многих столетий совместно проживали в ряде государственных и политических объединений региона, в которых господствовали различные языки и графика — согдийская, арабская, тюркская, фарси. В советское время графика менялась дважды. Но это не отразилось на взаимоотношениях народов, не повлекло их взаимного отчуждения.

Годы независимого развития Узбекистана стали качественно новым этапом в этническом развитии всех населяющих его народов, открыв широкие возможности для их этнокультурного расцвета на основе своих многовековых традиций. Вопросы реализации коренных интересов народа Узбекистана, объединяющего в себе все проживающие в стране нации и этнические группы, решаются сегодня на государственном уровне. Это выражается в повышенном внимании к сохранению и развитию языков и традиций различных этнических групп. За последние годы, например, значительно расширилась сфера активности таджикского языка: возросло количество таджикских школ (в 2000 г. в 312 школах обучалось 128 тыс. детей); издаются одна республиканская и две областные таджикские газеты в Бухарской и Сурхандарьинской областях; на республиканском радио и телевидении увеличилось время вещания и число каналов на таджикском языке².

---

¹ Этнический атлас Узбекистана. С. 201.

² См.: Данные Республиканского интернационального культурного центра.

Эти и другие аспекты процессов возрождения и развития национально-культурных ценностей этнических групп Узбекистана не нашли своего отражения в «Атласе», очевидно, из-за отсутствия у его авторов профессионализма и достаточных знаний в области этнической истории страны.

Неполная характеристика отдельных этнических групп, а также искажения и неточности — результат того, что атлас создавался в короткие сроки и не обсуждался специалистами. Это серьезный пробел в работе авторского коллектива, так как он состоял, в основном, не из профессионалов-этнологов, а представителей смежных дисциплин.

Нехватка эмпирических материалов, на которую ссылаются авторы во введении к «Атласу», не может быть оправданием неточной характеристики этносов. В частности, по основному материалу атласа — разделу по этнографии узбеков — существует большая научная литература с подробными эмпирическими данными. Тем не менее, она не была использована, в результате в статье об узбеках нет исчерпывающей и всесторонней этнической характеристики (хозяйственные традиции, семейный и общественный быт, материальная и духовная культура и т.д.), а древние обычаи и традиции узбекского народа представлены лишь состязанием купкари (улок), что дает неверное представление о духовности узбеков и об этнических процессах в их среде.

Создается впечатление, что раздел «Археология узбекской идентичности» по существу предназначался для дискуссии по вопросам этногенеза и идентичности узбеков. Автор (А. Ильхамов) бездоказательно утверждает, что история и этногенез узбеков подверглись мифологизации в советской и постсоветской обществоведческой литературе. Более того, во введении он обещает дать новую, «демифологизированную» трактовку этногенеза всех народов Центральной Азии¹, что звучит достаточно амбициозно, и с учетом широты данной темы представляется практически не реальным.

В то же время, автор представляет читателю старую, уже отвергнутую этнологами версию формирования узбекской народ-

---

¹ См.: Этнический атлас Узбекистана. С. 9.

ности, обвиняя крупных ученых А.Ю. Якубовского и С.П. Толстова в создании концепции удревнения истории происхождения узбекского народа. Однако всем историкам известно, что А.Ю. Якубовский, выступая против теории связывания этногенеза узбеков со временем появления в Средней Азии Шайбанихана в XVI в., основывался на огромном количестве источников, признанным знатоком которых он являлся¹.

Концепция, выдвигаемая А. Ильхамовым, основана на широко известной в западной антропологии теории конструктивизма, которая признается рациональной далеко не всем этнологическим сообществом, так как конструктивизм отрицает существование этнических сообществ как объективной реальности, а признает этнические свойства, конструируемые людьми, в зависимости от обстоятельств. В связи с этим, формирование узбекской нации предстает не как естественно-исторический процесс, а как результат политической конструкции. В современной науке признано влияние политических факторов (государств, чужеземных вторжений и т.д.) на формирование этнических объединений. Однако неверно сводить все многообразие этнообразующих факторов лишь к политическим. Важную роль в этногенетических процессах наряду с ними играют этноконсолидирующие факторы, существующие в качестве естественных предпосылок (единство языка, культуры, обрядов, религиозных верований и т.д.) к интеграции веками сосуществующих общностей на определенной территории.

Документальная основа рассматриваемого раздела ограничивается литературой, которая давно устарела и не соответствует результатам исследований, проведенных этнологами во второй половине XX века. Вне поля зрения автора осталось, например, все, что было сделано для изучения этого вопроса узбекскими учеными за последние полвека, особенно труды К.Ш. Шаниязова, в том числе его фундаментальная работа «Процессы формирования узбекского народа», а также Б.А. Ахмедова, А. Ходжаева, Т. Ходжайова, и многих других специалистов. В них, на основе обширных источников, раскрыт сложный многоаспектный

---

¹ См.: Якубовский А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. — Ташкент, 1941.

процесс формирования узбекской народности, проходивший не одно тысячелетие, в течение которых в ее состав вошли различные этнические компоненты. Завершился этот процесс в XI в., в государстве Караханидов.

Позиция А. Ильхамова, по сути, не новая и сводится к тому, что узбекская народность формировалась в эпоху Шайбанидов. По его данным следует, что этногенез узбеков связан, главным образом, с историей дашти-кипчакских кочевников, а также примкнувших к ним местных тюркских племен и родов (чагатаи, огузы и др.) и так называемых сартов. В целом, создается впечатление, что этногенез узбекской народности начинается с первой половины XVI в., когда кочевые узбеки мигрировали из степей Дашти-кипчака в Среднюю Азию¹. При этом автор совершенно игнорирует этногенетические процессы, протекавшие на территории региона в течение многих веков и завершившиеся становлением узбекского этноса.

Нам представляется, что при исследовании этих вопросов следует, прежде всего, исходить из того, что основой этногенеза узбекской народности являлся местный тюркоязычный субстрат Средней Азии, который впоследствии неоднократно включал в свой состав как соседние, так и пришлые ираноязычные и тюркоязычные этнические компоненты. В их ряду дашти-кипчакский компонент оказался наиболее поздним и не внес существенных изменений в процесс сложения узбекского этноса. Кочевые племена влились в состав древнего оседлого тюркского населения Средней Азии и, приняв его язык, приобщились к его развитой культуре. Дашти-кипчакский племенной союз лишь дал, сформировавшейся ранее этнической общности, этноним «узбеки», который сохранился в память об их былом политическом господстве и после национального размежевания 1924 г. стал применяться по отношению ко всему оседло-земледельческому тюркоязычному населению региона.

Внимание автора сконцентрировано, в основном, на средневековом периоде этнической истории узбеков, поэтому было бы целесообразнее назвать данный раздел книги не как «этногенез узбекского народа», а как «завершающий этап» его этнической истории.

¹ См.: Этнический атлас Узбекистана. С. 270.

Для более полного и достоверного определения этногенеза узбеков, на наш взгляд, следует обращаться не к истории дашти-кипчакских узбеков, а к более древним тюркоязычным плас-там центральноазиатского населения, обстоятельно изученным в научной литературе, которая предоставляет возможность объективно оценить роль тюрков в истории региона.

Автор явно не знаком с обширными разнохарактерными археологическими, историческими, этнографическими, эпиграфическими, антропологическими и другими источниками, поэтому выдвигаемая им концепция является не только научно необоснованной, но и просто дилетантской. Нередко он допускает элементарные ошибки в характеристике этнических компонентов узбекского этноса. Так, утверждается, что сарты состояли «из оседлого тюркоязычного, преимущественно городского населения, происходящего из турок»¹ (*может быть, тюрков? — Д.А.*). Далее отмечается, что «большинство потомков сартов и других племен сегодня уже не помнят об этнической и родоплеменной принадлежности своих дедов и прадедов»². Однако известно, что сарты не были племенами и не имели родоплеменного деления, — это древнее, оседлое, ремесленно-земледельческое население региона.

Следует признать, что выдвигаемая А. Ильхамовым точка зрения действительно распространена среди отдельной категории исследователей. Руководствуясь предвзятыми и антинаучными взглядами, они пытаются изобразить узбеков и других тюркоязычных народов Центральной Азии как «безкультурных кочевников, скотоводов, пришельцев и завоевателей, не имевших своих культурных традиций в регионе»³.

В научной литературе не раз отличалась ошибочность представления о том, что тюркоязычные народы вели исключительно кочевой образ жизни и начали переходить к оседлости не ранее IX—X вв. н.э. К.Ш. Шаниязов, Б.А. Ахмедов, А. Ходжаев и другие исследователи на основе обширной источниковой базы показали, что ранние тюрки проживали в Центральной Азии

---

¹ Этнический атлас Узбекистана. С. 270.

² Там же. С. 301.

³ Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII веков. Ч. 1. — Берлин—Рига, 1996. С. 11—14.

еще в I тысячелетии до н.э. Более того, они были первоначальными обитателями региона и составляли часть его коренного автохтонного населения; часть древних тюрков изначально вела оседлый образ жизни и непосредственно участвовала в создании древнейших городских цивилизаций Центральной Азии. От них, с нашей точки зрения, ведет свое происхождение современный узбекский народ.

Приведем пример, касающийся терминов, извлеченных из источников. О том, что в древности тюркоязычные племена и народы Центральной Азии занимались не только скотоводством, но и земледелием свидетельствуют многие китайские, арабские и персидские источники. Содержащиеся в них сведения подтверждают археологические данные, а также наличие богатой тюркской терминологии, употреблявшейся для обозначения продуктов сельского хозяйства и земледелия. Названия отдельных сельскохозяйственных культур и растений, таких как *пахта* (хлопок), *ғўза* (хлопчатник), *чигит* (хлопковое семя), *чаноқ* (коробочка хлопка), *памук* (хлопок), *бурдой* (пшеница), *арпа* (ячмень), *тариқ* (просо), *бошоқ* (колос), *бурчоқ* (горох), *қовоқ* (тыква), *қовун* (дыня), *узум* (виноград) и др., употребляющиеся в современных тюркских языках, образованы на основе исконно тюркских слов. Это указывает на то, что тюрки сами выращивали эти культуры, давая им названия, исходя из словарного запаса своих родных языков. Исконно тюркскими являются и такие названия, как *дала* (поле), *экин* (культурное растение), *кўчат* (саженец) и терминология, связанная с орудиями земледельческого труда — *омоч* (плуг), *кетмон* (кетмень), *ўроқ* (серп) и т.д., а также с ирригацией — *ариқ* (канавы), *тўғон* (плотина), *дамба* (водозабор), *эгат* (грядка), или употребление таких глаголов как — *суғормоқ* (орошать), *экин экмоқ* (сажать), *ер чопмоқ* (пахать землю), *тоқ қилмоқ* (полоть) и др.

Один из ранних этапов истории тюрков Средней Азии в VI в. был связан с горнорудным промыслом, когда они добывали в горах Алтая железную руду для жужаньских хаканов. В эпоху раннего средневековья с тюрками связано функционирование многочисленных железных, медных, серебряных и золотых рудников в верховьях Амударьи. В тюркских языках названия многих металлов образованы на основе исконно тюркских слов, например, *темир* (железо), *олтин* (золото), *кумуш*

(серебро), *калай* (олово), *бакир* (медь), *чўян* (чугун), *қўрғошин* (свинец), *тунж* (бронза) и др. Следовательно, тюрки имели свои традиции в горнорудном деле и в металлургическом производстве и в этой области сформировалась своя терминология.

Археологические данные свидетельствуют о том, что у древних тюрков были также развиты другие ремесла, характерные для оседлых жителей, например, специализированное гончарное производство с использованием круга.

Все это служит доказательством того, что тюркоязычные племена и народы Средней Азии занимались не только кочевым и полукочевым скотоводством, часть их с древнейших времен вела оседлый образ жизни, и занималась земледелием, горнорудным делом и различными видами ремесленного производства, характерными для оседлых жителей. В этой связи вполне закономерен вопрос об участии древних тюрков в создании древнейших протгородских цивилизаций Средней Азии. Многочисленные сведения источников и данные топонимо-лингвистических и историко-филологических исследований подтверждают это заключение.

В средневековых письменных источниках встречаются многочисленные указания на существование у тюрков своих городов. Так, арабский географ X в. Кудама ибн Джафар приводит предание, согласно которому тюрки эпохи Александра Македонского делились на «степных» и «городских», и определенная часть их еще в то время, то есть в IV в. до н.э., проживала в городах Центральной Азии¹. Заслуживает внимания также сообщение Наршахи о том, что впервые Бухарский оазис был заселен тюрками, а город Бухара основан сыном тюркского хакана Кара Чурина Тюрка по имени Шири Кишвар². В других источниках приводятся предания, согласно которым такие города Средней Азии, как Самарканд, Ромитан, Байкенд и Мерв, также были основаны тюрками³. Особый интерес представляет

¹ См.: *Kodama ibn Djafar / Accedent excerptae Kitab al-Kharadj*, ed. M.J. de Goeje. BGA, pars 6. Lugduni-Batavorum: E.J. Brill, 1967. P. 263.

² См.: *Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар ан-Наршахий*. Бухоро тарихи / Форс тилидан А. Расулев таржимаси. — Тошкент: Мерос, 1993. Б. 91.

³ См.: *Zeki Velidi Togan A. Umumi Turk Tarihine giris, cilt 1. En eski devirlerden 16. asra kadar. 3-baski.* — Istanbul, 1981. S. 25.

сообщение Махмуда Кашгари о том, что «все города Мавараннахра были основаны тюрками и принадлежали им»¹.

О городах тюрков упоминает китайский паломник Сюань Цзань, лично посетивший некоторые из них во время своего визита в Среднюю Азию в первой половине VII века². По данным Махмуда Кашгари, гузов, которые жили в городах, не переезжая в другие места и не принимали участия в военных действиях, называли *йатук* — от тюркского слова *йат* (лежать)³. В сочинениях арабоязычных и персоязычных географов IX—XII вв. приводятся более подробные сведения о городах тюрков, которые были «многочисленны и тянулись один за другим на север и на восток»⁴.

Изучение названий городов тюрков показывает, что некоторые из них имели согдийское происхождение (например, Баласагун, Чинанчкат, Джамликат, Навикат, Суайб и др.), следовательно, были основаны согдийскими переселенцами. Однако большинство тюркских городов имели чисто тюркские названия (Кучкарбаши, Атбаши, Ахлах, Биглилиг, Барсхан, Атлалиг, Тузун-Булаг, Намудлыг, Орду-Балык, Биш-Балык, Кулан, Мирки, Каркархан, Йагсун-Йасу, Ардуканд, Йарканд, Ахма и др.) и были основаны самими тюрками.

В этих источниках речь идет о городах с оседлым тюркским населением, состоявшим из торговцев, ремесленников, земледельцев, духовенства, военного гарнизона, а также о городах, бывших резиденциями правителей кочевников, приезжавших сюда в зимнее время. Бурное развитие градостроительной культуры Средней Азии в эпоху Тюркского каганата (VI—VII вв.) связано с массовым оседанием кочевников и переселением значительного количества оседлых тюрков на новые земли.

¹ *Махмуд Кошгарий*. Девону луғоти-т-турк. Туркий сўзлар девони / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М. Муталлибов. 3 жилдлик. — Тошкент: Фан, 1963. 3-жилд. Б. 164.

² См.: *Бернштам А.Н.* Туркий и Средняя Азия в описании Хой Чао // Вестник древней истории. 1952. № 1. С. 194.

³ См.: *Махмуд Кошгарий*. Девону луғоти-т-турк. Туркий сўзлар девони. Б. 122.

⁴ Извлечения из «Нузхат ал-Муштак хи ихтирак ал-Афак» Ал-Идриси // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том. I. VII—XV вв. Арабские и персидские источники. — Москва—Ленинград, 1939. С. 220—222.

Еще большим развитием и ростом благосостояния городов характеризуются VIII—X вв., когда на территории Средней Азии, Восточного Туркестана, Семиречья и Монголии строились большие города с монументальными каменными сооружениями. В эпоху X—XII вв. бурный расцвет городов и оседло-земледельческой культуры сопровождался небывалым ростом градостроительства и развитием городской цивилизации. Этот период известен в истории как «эпоха мусульманского ренессанса в архитектуре».

Таким образом, сведения отдельных письменных источников в совокупности с данными истории архитектуры, искусства и археологии свидетельствуют о том, что древние и средневековые турки имели свою богатую, уходящую корнями в глубокую древность градостроительную культуру, не уступавшую по своему уровню культурам других народов Центральной Азии. Более того, она оказывала на них свое влияние, что привело к возникновению симбиоза различных культурных традиций.

Современный узбекский язык является одним из самых близких к языку словаря Махмуда Кашгари и памятников древнетюркской письменности. Это дает основание говорить о том, что узбекский язык, наряду с уйгурским, является продолжателем научных и литературных традиций древних тюрков. Наличие богатой исконно тюркской терминологии, охватывающей почти все аспекты жизни оседло-земледельческого и городского общества, в свою очередь, свидетельствует о том, что формирование узбеков в качестве народности закончилось к XI в. при наличии своего литературного языка, высокой культуры и государственности. На этой основе происходило все последующее развитие этой народности, к которой стали примыкать другие этнические компоненты, как тюркоязычные, так и ираноязычные. Карлукское наречие тюркского языка легло в основу так называемого чагатайско-тюркского языка, на котором писали Навои, Бабур и другие классики узбекской литературы.

Таким образом, узбекский народ, являясь историческим и этническим преемником древнейшего автохтонного оседло-земледельческого и городского тюркоязычного пласта населения Средней Азии, а также носителем одной из древнейших литера-

турных форм тюркского языка, в этнокультурном отношении представляет собой одну из неотъемлемых и основополагающих частей тюркского мира.

Для изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа и построения объективной картины его истинного вклада в сокровищницу мировой цивилизации необходимо продолжить глубокие и комплексные исследования с привлечением более широкого круга источников. Важное условие для этого — отказ от некоторых укоренившихся в исторической науке ложных стереотипов и ошибочных представлений о роли тюркских народов в истории.

К сожалению, создатели «Атласа» не достигли этой цели. Корпоративность в подборе авторского состава и рецензентов привела к тому, что большой коллектив исследователей не смог избежать крупных недостатков и просчетов. Тем более неприятно, что содержание многих статей «Атласа», который должен был стать достоверным источником по этнической истории Узбекистана, может сформировать у читателей, особенно у студентов и школьников, неверные взгляды на многие вопросы этнологии и этногенеза, в частности, узбекского народа.

Искреннее сожаление вызывает то, что при обилии новых опубликованных материалов по этой теме, такое серьезное издание, как «Этнический атлас Узбекистана», содержит старые, изжившие себя концепции и подходы. Впрочем, так случается довольно часто, когда конкретную научную проблему освещают неспециалисты. Не могут такие важные вопросы, как этногенез и этническая история рассматриваться без учета комплекса накопленных в этой области данных. Для этого необходимо знать и привлекать к работе широкий круг источников и научных исследований. Именно из-за отсутствия у авторов «Атласа» таких знаний, содержащаяся в нем информация не может считаться достоверной.

Хотелось бы подчеркнуть, что наша оценка основывается прежде всего на объективном анализе содержания «Атласа». Независимо от того, кто осуществляет подобные издания, научный этикет и разумный подход предполагает ознакомление авторов с мнением широкого круга ученых об их работе. Это делается не из меркантильных интересов или политических

соображений, а для соблюдения элементарного и необходимого в науке критерия истинности. Как говорят, в спорах рождается истина. Если мы действительно заинтересованы в развитии научной мысли, укреплении атмосферы конструктивности и доброжелательности в научном сообществе, то мы должны признать главное право ученых — дискутировать.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КОЧЕВОЙ И ОСЕДЛОЙ КУЛЬТУР НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Средняя Азия и Казахстан — древнейшая историко-культурная область Центральной Азии, со своеобразной системой традиционного хозяйства и культуры. Особенностью этого региона является непрерывное сосуществование, органическая взаимосвязь и взаимодействие оседлого и кочевого компонентов населения, открытое для широких этнокультурных инвазий. Этому способствовало во многом и расположение его на перекрестке торгово-экономических путей, обеспечивавших связи народов на обширных просторах Евразии. Через них проникали, трансформировались дальше и обогащались мировые религии и философские учения, происходил синтез культур. Зороастризм, иудаизм, христианство, буддизм, манихейство и ислам укоренились здесь наряду с разнообразными культурами кочевых народов.

Культура кочевников и земледельцев Центральной Азии развивалась на протяжении веков в тесной органической связи, имевшей разнообразные формы, сочетавшие мирное взаимодействие и торговые контакты и военные конфликты. Древние и средневековые цивилизации этого региона были порождением этой связи.

Анализ вклада каждого компонента в экономику и культуру, государственность и цивилизацию этого громадного ареала является одним из ведущих направлений исследований. Однако

---

* 2006 год. (В соавторстве с Ю.Ф. Буряковым и М.И. Филанович).

исследования комплексного характера взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого компонентов на данный момент представляет актуальную проблему. Истории изучения данного вопроса посвящена объемная историография с разными позициями и подходами. При этом в исследовании этого процесса имелась определенная, в некоторых случаях четко выраженная разобщенность и тенденциозность. В разработке истории оседлых и кочевых составных частей этого громадного и единого в географическом и историческом отношении ареала наблюдалось противопоставление оседлоземледельческой культуры кочевнической. На этой базе часто искаженно выстраивалась и схема государственности и цивилизации.

Характерным был доклад М.А. Итиной на II-м Советско-американском симпозиуме в Самарканде, называвшийся «Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их «варварской» периферией в эпоху бронзы»¹.

Такое противопоставление особенно было свойственно публикациям советского периода, основывавшемся на формационном подходе. В советской историографии рабовладельческая форма экономики и социальных отношений Греции и Рима догматично переносилась на всемирную историю, хотя она явно не вписывалась в рамки развития, в первую очередь, кочевых и многих земледельческих народов, у которых рабство существовало лишь как уклад. Даже такие крупные исследователи Средней Азии как С.П. Толстов и М.Е. Массон, имея дело с конкретным археологическим материалом и древними письменными источниками, были вынуждены согласно этому тезису историю Древнего Хорезма, Парфянского и Кушанского государств рассматривать в рамках рабовладельческой формации. В 30-е и в 60-е годы XX в. постоянно проходили дискуссии и конференции на тему: «Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства», но формационное направление в методике исторического исследования осталось догмой, сковывающей творческую мысль исследователей.

В настоящее время возможность объективного анализа исторического процесса обусловила утверждение историко-циви-

¹ См.: Древние цивилизации Востока. — Ташкент, 1986. С. 129—137.

лизационного подхода, который издавна применяли многие западные исследователи. Однако и здесь появилась «детская болезнь левизны», которая ведет подчас к искажениям. Это в полной мере относится и к истории центральноазиатского региона. Суть происходящего удачно охарактеризовала М.Х. Абусеитова, отметив, что «суверенизация независимых государств Центральной Азии усугубила разрыв культурно-исторического пространства, что привело к мистификации и этнизации культурно-исторического наследия, к преувеличению самобытности и исключительности вопреки историческим фактам и объективной реальности...»¹. А это, в свою очередь, еще более углубило раздельный подход к истории двух культур и превознесении одной в ущерб другой.

Использование цивилизационного подхода в «советском» понимании не может решить все проблемы объективно. Если он будет положен в основу теоретической разработки истории государственности и цивилизации общества в целом, то эталонами цивилизации должны стать состояние развития городов, ремесел, монументальной архитектуры и письменности. Тогда в какие рамки развития следует включать кочевые народы? Решая эту проблему многие современные исследователи считают необходимым использование многих методов, не отбрасывая элементов формационного подхода².

Учитывая, что культура кочевников и земледельцев Центральной Азии развивалась в тесной органической взаимосвязи, нельзя считать древние и средневековые цивилизации Центральной Азии результатом деятельности только оседлой земледельческой части населения. Известно, что значение нomaдизма выражается в хозяйственном и культурном освоении больших территорий, в использовании конницы как важнейшего вида воинского соединения, что активизировало политическую жизнь, участия в развитии товарно-денежных отношений, этногенезе и его особенностях в этом регионе и т.д.

Археологические и источниковедческие исследования показывают, что уже раннеземледельческие общества и первые цивили-

---

¹ Абусеитова М.Х. История Центральной Азии: концепции и реальность // SHYGYS. — Алматы, 2005. № 1. С. 3.

² См.: Массон В.М. Первые цивилизации. — Ленинград. 1989. С. 33—53.

лизации образовывали многополосный культурный мир с собственными устойчивыми традициями достаточно четкими и в условиях торгового и культурного взаимодействия в рамках существующих очагов цивилизации¹.

Археологические исследования среднеазиатско-казахстанского региона раскрыли роль традиционных путей передвижения скотоводческих племен в сложении торговых путей древности, то есть показали важную роль кочевников в формировании здесь цивилизации².

Архитектурные штудии также помогают решить проблему взаимовлияния кочевого и оседло-земледельческого мира в средневековый период³.

В цивилизационном подходе особое значение отведено роли государства, выступающего по мнению одних исследователей главной причиной возникновения цивилизации, тогда как у других оно ассоциируется с фазой подъема цивилизации⁴.

Весь комплекс вопросов наталкивает на то, что с методологической точки зрения необходимо отказаться от прежнего определения того, что входит в понятие «цивилизация».

В последние десятилетия в науке на постсоветском пространстве этот вопрос муллируется и как связь цивилизации с государственностью. Исследователи приходят к мнению, что понятие «цивилизация», введенное французскими просветителями в XVIII в. для обозначения гражданского общества, основанного на свободе разума и справедливости, уже в начале XIX в.

---

¹ См.: *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до IV в. до н.э. — Москва—Ленинград, 1956; *Массон В.М.* Традиционализм в культурном наследии цивилизации Востока // Изучение культурного наследия Востока. — СПб., 1999. С. 5.

² См.: *Горбунова Н.Г.* Роль традиционных путей передвижения скотоводческих племен и сезонных перекочевок в сложении торговых путей древности // Формирование трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. — Ташкент. 1990. С. 33.

³ См.: *Иманкулов Д.* Вопросы взаимовлияния кочевого и оседло-земледельческой цивилизации средневековья на примере архитектуры Центральной Азии // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. — Самарканд—Бишкек. 2005. С. 196.

⁴ См.: *Оразбаева А.И.* Теоретические вопросы цивилизационных основ казахской государственности // *SHYGYS*. — Алматы. 2005. Том 1. С. 9.

приобретает некий «этнографический» оттенок как совокупность материальных и духовных ценностей того или иного народа. Утверждается представление о цивилизации как стадии в развитии общества вообще, характеризующейся определенным уровнем потребностей, знаний, способом производства, политическим строем и уровнем духовного развития. Различаются мировые и локальные цивилизации, последовательная смена которых выражает поступательное движение исторического прогресса. Такой взгляд на цивилизацию примирил стороны в разразившейся в 80-х годах XX в. дискуссии, в которой одни рассматривали цивилизацию как категорию, присущую обществу с оседло-земледельческой культурой и городами, а другие считали правомочным применять ее также к обществу скотоводов-кочевников¹.

Приняв постулат А. Дж. Тойнби о том, что локальные цивилизации — это культурно-исторические системы в эволюционном ряду², многие исследователи и археологи и историки без оговорок стали оперировать понятием «цивилизация» как в изучении оседло-земледельческих обществ, так и мира скотоводов степей³.

Общий вывод, сводящийся к тому, что государственность при разнообразии ее форм — есть логический итог развития общества этих двух систем неотъемлемый признак цивилизации, воспринимается как наиболее верный и корректный.

С конца 80-х годов в науке восстанавливается понимание сбалансированного участия локального и привнесенного компонентов в формировании цивилизаций. Ранее в среднеазиатской археологии, например, имело место представление о пресловутой «автохтонности» формирования местных культур, сла-

---

¹ См.: В частности, взрыв этой дискуссии имело место на международном симпозиуме по археологии в Алматы. Само название содержит оценку понимания цивилизации: «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций» (Октябрь, 1987 г.). См. статью *Мартынова А.И.* О степной цивилизации I тыс. до н.э. В сборнике тезисов докладов симпозиума.

² См.: *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. — Москва, 1991. С. 86—87.

³ См.: Сб. «Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии» // Доклады международной конференции «Цивилизации Центральной Азии. Земледельцы и скотоводы: традиции и современность». Самарканд—Бишкек, 2005.

гавшихся якобы только на собственной базе без вмешательства извне. О миграции и ее роли в историческом процессе умалчивалось или она даже отрицалась.

Объективное отношение к истории, однако, диктовало признание роли обоих факторов в сложении как археологических культур, так и цивилизации в целом. В.М. Массон¹ теоретически обосновал сочетание традиций и инноваций в формировании культур древних обществ. А такие исследователи, как К. Акишев, А. Мартынов, подошли к изучению кочевнической культуры как важнейшего компонента цивилизации Центральной Азии².

Исследования археологов Центральной Азии последних лет дают возможность раскрыть непрерывно нарастающий процесс симбиоза (сближения) и даже вrastания в единые блоки оседло-земледельческого и кочевого компонентов в политическом и культурном аспектах на протяжении веков. В политическом аспекте этот процесс начинается с глубокой древности в деятельности пастушеско-земледельческих племен, отраженной в Авесте, где представлены первые протогосударственные и протогородские образования, хозяйственная жизнь скотоводов и земледельцев так же, как и их первичная социальная структура.

В античную эпоху в результате этнокультурных перемещений из Великой степи и политической активности кочевого компонента были созданы такие крупнейшие государства на территории Центральной Азии, как Парфянское и Кушанское, Кангюй, Хорезмское царство. Если в развитии их государственности и цивилизации ведущую роль сыграл оседло-земледельческий компонент, то в самых ярких образцах городского искусства и культуры четко высвечивается симбиоз культурного наследия оседлых и кочевых народов. Аналогичные процессы происходили в Эфталитском государстве и Тюркском каганате.

---

¹ См.: Массон В.М. Диалектика традиций и инноваций и культурный процесс в древней Бактрии // Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи. — Душанбе, 1982. С. 9—14.

² См.: Акишев К.А. Древние кочевники и мировые цивилизации: генезис, проблемы, перспективы // Вестник АН Казахстана. 1991. № 10; Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1989. С. 284—292.

Еще более ярко это проявляется в раннесредневековый период, в многокомпонентном формировании согдийской цивилизации. Долгие годы согдийская культура рассматривалась в науке, в основном, через призму ее взаимосвязей с сасанидской, причем именно последняя выступала в качестве эталонного образца. Исследования последних десятилетий на большом фактическом материале археологии выявили ее параллельное с сасанидским Ираном развитие, причем в Средней Азии в предисламское время именно согдийская цивилизация была самой высокоразвитой.

Однако и сейчас многие исследователи традиционно ищут культурные аналогии в иранских, индийских, эллинистических регионах, характеризуя их как культурные эталоны, на базе которых пытаются раскрыть характер древних цивилизаций Средней Азии. Степным же народам при этом подчас отводится место враждебного антипода, подчеркиваются разрушительные вторжения кочевников в мирные оазисы земледельцев.

В противовес этому другие учения утверждают, что «оседлое население не желало инкорпорировать кочевое общество при сохранении его самобытности, и оседлые цивилизации стремились насильственно ассимилировать кочевников, растворить их культуру под предлогом превосходства земледельческой цивилизации над кочевой»¹. И те и другие подходы одинаково упрощают и искажают историю взаимоотношений двух миров Центральной Азии, которые имели более сложную и многообразную картину развития.

Время показало, что методически корректно рассматривать согдийскую цивилизацию поры раннего средневековья, как многокомпонентное соединение традиций древнего Согда и стандартов засырдарьинской культуры Каунчи, обогащенное устойчивыми традициями кушанского культурного наследия, органически включавшими индийские компоненты и для элитарной субкультуры — традициями Сасанидского Ирана.

Все это подтверждает лишний раз необходимость сбалансированного подхода и в проведении многообразных конферен-

---

¹ Джуманалиев Т.Д. Проблема политогенеза номадов Притяньшаня во II в. до н.э. — I в. н.э. // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. — Самарканд—Бишкек, 2005. С. 72.

ций, посвященных истории номадизма и истории оседло-земледельческих цивилизаций. В связи с этим актуализируется вопрос о проведении международного форума по проблеме взаимодействия двух культур, происходившего с эпохи бронзы вплоть до XIX в. В конечном итоге это не только историческая, но и политическая проблема. Как верно отмечает профессор М. Абу-сеитова: «Необходим новый комплексный подход, который объединил бы народы Центральной Азии. Это, прежде всего, проведение центральноазиатскими государствами согласованной и взаимопреимлемой всеми сторонами стратегии решений наиболее сложных, конфликтных проблем, чреватых нарушением мира, региональной стабильности и безопасности. Актуальность диалога в регионе Центральной Азии и его необходимость обусловлены сложившейся геополитической ситуацией, условиями переходного периода, экономическими, этническими и культурно-цивилизационными факторами»¹.

Считаем абсолютно правильным ее предложение о необходимости координированных усилий в выработке концепции.

О ЗАДАЧАХ ОСВЕЩЕНИЯ СОВМЕСТНОЙ ИСТОРИИ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

Известно, что в современном мировом развитии приоритетная роль принадлежит науке, технологиям и образованию. От их развития во многом зависит прогресс народов. Известно также, что большинству стран СНГ при высоких в принципе научных достижениях в отдельных областях все же в наследство от советского режима досталась оторванность от мирового научно-технологического и образовательного пространства. Особенно это ярко проявлялось в гуманитарной сфере, точнее в общественных науках. В советское время общественные науки четко подразделялись на два противоположных лагеря: советский и западный. Под западным подразумевалась вся зарубежная по отношению к Советскому Союзу историография. Не

---

¹ Абусеитова М.Х. История Центральной Азии: концепции и реальность. С. 7.

* 2006 год.

было между ними согласия ни в методологии, ни в научных подходах, ни в идейной обоснованности оценок. Советская общественно-гуманитарная наука основывалась на марксистско-ленинских позициях, отрицала объективность подходов западных ученых, обвиняя их в фальсификаторстве. Хотя по многим вопросам истории фальсификаторами оказывались советские историки, искажавшие ход исторических процессов под идеологическим давлением компартии.

Такое противостояние особенно сильно проявлялось в сфере исторической науки и преимущественно касалось более поздних периодов. Несмотря на это научный потенциал центрально-азиатских историков был очень высок. Это определялось традициями национальных школ, изучавших особенности развития цивилизаций с древнейших времен, наличием богатейшего научного и культурного наследия в Центральной Азии.

С обретением независимости историки Центральной Азии, да и не только историки, приобрели неоценимую возможность глубже и объективно, совершенно самостоятельно, без заранее заданных идейных рамок освещать историю своих народов.

Распад Советского Союза, образование независимых государств в Центральной Азии привели к необходимости изменения подходов, формирования новых приоритетов в области исторической науки. Нельзя не согласиться с рассуждениями профессора М.Х. Абусеитовой о том, что в процессе трансформации социогуманитарных наук в период перехода к рыночным условиям произошел отказ от старой методологии, страдавшей односторонностью и отсутствием теоретических разработок, а также и переоценка исторических ценностей и всего хода исторического процесса. «Это сопровождалось недостаточностью доступа к информационно-аналитическим ресурсам и взаимодействия на институциональном и личном уровнях, недостаточностью финансирования, а также болезнями роста, связанными с односторонним и не вполне объективным рассмотрением событий и явлений». Не избежала история в этот период и «мистификации и этнизации культурно-исторического наследия, приписываемого одному народу, преувеличению самобытности и исключительности вопреки историческим фактам и объектив-

ной реальности»¹. Разрыв единого культурно-исторического пространства, приведший к этим явлениям и появлению псевдонаучных трудов, основанных на этнической исключительности того или иного народа Центральной Азии, встревожил истинные научные силы этого региона и, как это ни парадоксально, способствовал их объединению для создания серьезных научных трудов, которые нацелены на показ того, что Центральная Азия на всем протяжении истории была целостным историко-территориальным регионом, объединяющим народы общими природно-географическими условиями, идентичностью духовно-религиозных, культурных, языковых и бытовых традиций. Важную роль играли здесь и общие генетические процессы, которые в сложном переплетении объединяли тюрко-ираноязычное население.

На протяжении длительного времени при многообразии учебников, научных трудов по истории каждой отдельно взятой республики, отсутствовали публикации по истории данного культурного региона во всем ее многообразии. Поэтому неопределима и по своему уникальна предпринятая ЮНЕСКО попытка издания шеститомной истории цивилизаций народов Центральной Азии. Своей деятельностью в этом направлении, основанной на идее общности исторических судеб народов региона на протяжении трех-четырёх тысячелетий, однозначно прослеживаемой в исторических источниках и уникальности его историко-культурного наследия, ЮНЕСКО выполнило две задачи: первая — создание первой капитальной обобщенной работы по истории цивилизаций Центральной Азии и определение их места в мировой цивилизации², вторая — интеграция и консолидация ведущих обществоведов мировой науки.

¹ *Абусеитова М.Х.* История Центральной Азии: концепции и реальность. С. 3, 7.

² См.: History of civilizations of Central Asia. Volume I. The dawn of civilization: earliest times to 700 B.C. UNESCO Publishing, 1992. 535 p.; Volume II. The development of sedentary and nomadic civilizations. 700 B.C. to A.D. 250. 1994. 573 p.; Volume III. The crossroads of civilizations. A.D. 250 to 750. 1996. 569 p.; Volume IV. The age of achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Part one: The historical, social and economic setting. 1998. 485 p., Part two: The achievements. 200, 700 p.; Volume V. Development in contrast: from the sixteenth to the nineteenth century. 2003. 936 p.; Volume VI. Towards contemporary civilization: from the nineteenth century to the present time. 2005. 1033 p.

Первая задача очень важна в современный период, учитывая состояние развития этнической идентичности и национальной идеи и тот факт, что наука нуждается в глубоком, разностороннем и свободном от спекулятивных, абстрактных и упрощенных подходов изучении истории и динамики развития государственности.

На самом деле издание шеститомника позволило объединить методологические усилия и выявить общность взглядов на исторические процессы исследователей Запада и Востока, европейцев, азиатов и самих центральноазиатов. Эта работа началась в самое трудное для контактов время, в конце 80-х годов, а первый том вышел в свет в 1992 г. Независимость среднеазиатских республик обеспечила участие ведущих специалистов региона в подготовке этого издания. Продуманная политика ЮНЕСКО и создание Комитета по подготовке публикации облегчили как внутреннее взаимодействие центральноазиатских ученых, так и их интеграцию в мировое историко-научное сообщество. В те трудные годы, когда связи были нарушены и делались первые шаги в новом сближении центральноазиатских государств, наряду с политиками большую роль была призвана сыграть научная интеллектуальная общественность. На встречах членов Комитета 1995 г. в Пекине, 2001 г. в Бишкеке и в ряде других стран проходил бурный обмен мнениями о концептуальном характере томов и выборе авторов глав.

Результатом этой работы стала уникальная серия из шести книг, в которых во всех деталях описывается разнообразие и конгломерат цивилизаций Центральной Азии, подчеркиваются общие закономерности развития и особенности каждого из народов, населяющих этот регион. Географический подход, разделение Центральной Азии на северную, южную, западную и восточную части беспрецедентны и не встречаются ни в каких изданиях. Это разделение позволило показать как общие, так и локальные своеобразия культуры.

Однако такой широкий охват проблем, исторических периодов и территориальных рамок, в которые входила не только собственно Центральная Азия, то есть в нашем понимании Средняя Азия и Казахстан, но и огромные части других азиатских территорий, не позволяла детализировать и выделить особен-

ности внутреннего процесса центральноазиатского региона. Авторы, привлеченные из республик Средней Азии и Казахстана, были весьма ограничены объемом своих глав и разделов. Более того, они не имели возможности обсудить свои разделы после редакционной правки.

Поэтому создание монографии по истории народов Центральной Азии — это актуальнейшая проблема, которая должна быть решена самими центральноазиатскими учеными при поддержке ЮНЕСКО. Объединение усилий ведущих историков-профессионалов региона с привлечением специалистов из России, Франции и других стран — это давно назревший шаг в консолидации ученых, который расценивается не только как научная, но и политическая победа. Подобная работа поставит заслон политически ангажированным, противоречащим научной объективности публикациям околонучных людей, работающих на дестабилизацию взаимоотношений народов Центральной Азии. Таким образом, эта научная работа, основанная на объективном изучении общего культурно-исторического наследия Средней Азии и Казахстана, будет одним из способов обеспечения нашей национальной безопасности.

В процессе работы, и это естественно, возникнет немало вопросов, многие из которых мы можем решить заранее. Одним из главных столпов нашей концепции по созданию монографии является терминология. И прежде всего это касается названия нашего региона. Как уже отмечалось, в понятие «Центральная Азия» после бурных и длительных споров в период создания вышеотмеченного шеститомника было решено включить территории не только Средней Азии и Казахстана, но и части Индии, Афганистана, Пакистана, Ирана, Китая, Монголии, России, в частности Алтайский край и др. Можем ли мы пользоваться этим термином, имея в виду только Среднюю Азию и Казахстан? Думаем, можем, если иметь в виду, что наш регион — это центральная часть Центральной Азии, но необходимо обязательно оговорить это во введении и даже ввести уточнения в виде Средняя Азия и Казахстан в скобках. Следует также, на наш взгляд, называть книгу «История народов Центральной Азии», а не просто «История Центральной Азии», поскольку выражение

Центральная Азия — не историческое и является изобретением нового времени.

При характеристике определенных этапов истории в последнее время употребляются выражения домонгольский, послемонгольский периоды, постсоветский период и т.д. Нам кажется, что мы в состоянии дать каждому периоду свое четкое название. Не может монгольский период подразделяться на три этапа: «до», «в» и «после». Тем более, что послемонгольский период — это создание мощного централизованного государства Амира Темура, которое было известно всему миру и это время консолидации тюркских и ираноязычных народов на территории Центральной Азии¹.

Монография должна опираться на четко отработанную систему, отражающую принципы формирования государственно-территориальных и историко-культурных образований. Одним из стержневых аспектов исследования должен быть вопрос о государственности, поскольку бурное развитие цивилизации на территории региона тесно взаимосвязано с ее развитием. История государственности народов Центральной Азии на протяжении всей своей эволюции знала периоды расцвета и подъема: древний Большой Хорезм, государство Кангуй, Древнеферганское государство Давань, Тюркский Каганат, империя Амира Темура и др. Знала она и периоды упадка и регресса, господства иноземной государственности, при котором все же оставалась и субстрактная основа и корневой стержень, которые и были базой для дальнейшего развития цивилизации².

На наш взгляд, один из важнейших аспектов истории — это взаимоотношение кочевых и оседлых народов и симбиоз этих культур. Возможно на определенных отрезках истории происходило столкновение этих двух форм цивилизаций, но больше приходится говорить о взаимовлиянии, даже слиянии и сочетании двух культур на территории Центральной Азии. Их противопоставление или поиск приоритета — это безуспешная попытка определить уровень развития среднеазиатских народов

---

¹ См.: Ахмедов Б.А., Мукминова Р.Г., Пугаченкова Г.А. Амир Темура. — Ташкент, 2000; Темура ва Улуғбек даври тарихи. — Тошкент, 1996.

² См.: Очерки по истории государственности Узбекистана. — Ташкент: Шарк, 2001. С. 5.

относительно друг друга. Нет такой грани, потому что древняя история, культура, территория общие для всех.

Мы все знаем, что в определенных регионах Центральной Азии где-то отдают предпочтение изучению номадизма, оставляя вне зоны внимания очаги исторически оседлой культуры, где-то, наоборот, стараются отстраниться от истории кочевых народов. Это совершенно необоснованный подход, поскольку вся история Центральной Азии — это симбиоз культур. Отсюда же вытекает и проблема урбанизации. Мы должны рассматривать урбанистическую культуру как феномен истории.

Ведь город на всех этапах истории — это база развития более высокой степени цивилизации и именно здесь аккумулируется энергия взаимодействия кочевых и оседлых культур.

Известно, что город — это сложная система многофункциональных как политических, так и социально-экономических связей, ярко выраженных — для оседлого и своеобразных — для подвижного скотоводческого населения. Но общие закономерности могут быть выявлены лишь в системе целостного изучения всего хронологического хода развития урбанизации. И именно через нее мы можем определить ход взаимодействия кочевых и оседлых народов.

Нельзя не согласиться с тем, что «процесс урбанизации в сущности есть процесс становления материальных структур, которые являются основой существования некой функциональной системы — социума. Следовательно, в общем облике региона проявляется структурная дифференциация социума и по типам преимущественного занятия определенных групп его населения, и по уровню иерархизации социума как единой системы»¹.

Для подготовки общей истории народов Центральной Азии необходимо исследовать закономерности развития местной цивилизации, и самый правильный путь — это как можно больше внимания уделить проблеме культуры, потому что культура — это атрибут истории, ее проявление. Именно через нее выявляется взаимодействие народов. Вновь возвращаясь к примеру

---

¹ Аскарлов А.А., Буряков Ю.Ф., Квирквелия О.Р., Радиловский В.В. Теоретические и методологические проблемы исследования в археологии. — Ташкент: Фан, 1988. С. 7.

шеститомника «История цивилизаций Центральной Азии», отмечу одну примечательную особенность этого издания: 60 процентов книги составляет история культуры народов региона. С этим вопросом связано и взаимодействие Запада и Востока. От этого невозможно дистанцироваться, потому что вся наша история — это взаимовлияние западной и восточной культур. Причем мы не можем расценивать это однозначно и односторонне. На определенных этапах истории Восток также влиял на Запад, как и Запад на Восток.

Одна из важных сторон нашего исследования — это история религии. Центральная Азия — уникальный регион межрелигиозного согласия, где традиционно мирно сосуществовали мировые религии на протяжении многих веков. Возможно именно религиозная толерантность определила у населения Центральной Азии своеобразный менталитет добра, гостеприимства, терпимости и уважения к другим народам.

Немаловажно осветить и вопросы национально-освободительной борьбы, которая также имеет многовековую историю, свидетельствующую об исторических корнях, связанных со стремлением народов Средней Азии и Казахстана к независимости.

Нельзя не сказать и о проблемах освещения нашего не столь далекого прошлого — истории советского периода. За последние 15 лет стал привычным нигилистический подход к ней, хотя продолжают жить и старые подходы, основанные на ее идеологизации. Как и в изучении любого другого вопроса здесь необходим объективный анализ как негативных явлений, противоречий в развитии, репрессий, засилья моноидеологии, так и достижений, главной причиной которых был сам народ, его терпение и трудолюбие. Эти вопросы должны рассматриваться в комплексе, без чрезмерно эмоционального вклада исследователем своего «я». Больше внимания необходимо уделить тем архивным документам, которые выражали мнение людей. В этом отношении есть новые разработки. Вкупе с официальными документами они создают уникальную источниковую базу для написания истории этого периода.

Написание совместной истории центральноазиатского региона — это большая ответственность для ученых. Эту задачу способен выполнить имеющийся потенциал исследователей.

«ЭМАНСИПАЦИЯ» ИСТОРИИ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

За последние 15 лет историческая наука в Узбекистане кардинально трансформировалась. Современный историк — не тот, что десять лет назад. Он располагает огромной базой исторических данных, большим объемом литературы, в которой узловые вопросы истории Узбекистана трактуются на основе цивилизационного подхода. Многие ранее умалчиваемые и неосвещенные вопросы получили взвешенную оценку. Однако наша цель не перечислять достижения, а попытаться сделать конструктивный и практический анализ современных «болезней» роста в исторической науке, которые определены некоторой предвзятостью и прямолинейной односторонностью в оценках событий истории и перекосами, сложившимися при объяснении сложных и неоднозначных исторических процессов, продолжающимися попытками выдать желаемое за действительное, искусственного удревления истории тех или иных народов, характерного для многих республик Средней Азии, односторонней оценкой сложных и противоречивых фигур прошлого, сведением истории регионов, создаваемых многими поколениями различных народов, к деяниям одного народа и т.д.

По существу создается новая концепция, названная академиком Э.В. Ртвеладзе, концепцией этнической исключительности¹. Основными признаками являются неоправданное возвеличивание своего народа и принижение значимости других народов, населяющих Центральную Азию. Благодаря статусу глав государств (некоторые из них написаны ими), эти книги становятся своего рода «Библиями» для народа, навязывая ему далекие от подлинной истории положения. Опасная тенденция развития псевдоистории характерна не только для Центральной Азии, но и для большинства республик бывшего Союза.

Мы твердо убеждены, что история народов Средней Азии, в частности, древняя и средневековая, имеет общий характер и историческое наследие, относится к каждому из народов, проживающих здесь. Это не требует доказательств. Конечно, наука

---

¹ См.: *Ртвеладзе Э.В.* Историческая наука и псевдоистория Средней Азии // Учитель Узбекистана. 2003. 25 июля.

о прошлом не может быть «надисторичной» и независимой от переживаемого исторического настоящего. Но настоящее не должно нас разъединять. Каждый новый этап в развитии общества ставит и новые задачи.

Особый вопрос в нашей истории — вопрос о колонизации края Российской империей в середине XIX в. Как известно, на протяжении ста пятидесяти лет этот вопрос трактовался по-разному. Российские исследователи-гуманитарии, пришедшие сюда вместе с военными, сделали очень многое в изучении края, но находились на позиции, объясняющей вторжение цивилизаторской миссией России. Советские историки толковали этот вопрос в зависимости от политических требований: в 20—30-х годах XX в. гневно клеймили колонизаторство; в годы «Великой Отечественной войны» — актуальной стала история национально-освободительных движений в Средней Азии; после XX съезда КПСС на арену вышел из тени давно зревший тезис о «добровольном присоединении народов Средней Азии к России». В первые годы независимости политическая либерализация принесла историкам долгожданную свободу. Многие проблемы приобрели другую оценку: октябрьская революция 1917 г. названная вслед за российскими историками переворотом; национально-прогрессивное (джадидское) и национально-освободительные движения, и конечно, вопрос о завоевании Российской империей среднеазиатских ханств. За долгие годы у ученых появилась возможность не только работать с ранее недоступными архивными материалами, но и показать сущность колониальной политики Российской империи в Туркестане.

Одна из важных проблем истории Узбекистана, находящихся в центре внимания историков, фальсифицированная советской историографией, история самого советского периода.

Как правильно писал М. Рейман, тесная связь между политикой и исследованиями по новейшей истории, заинтересованность политики в результатах этих исследований не подлежит сомнению, она существует в той или иной сфере в любой стране и в любом обществе¹.

---

¹ Рейман М. Перестройка и изучение советской истории // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 146.

Однако именно в советский период история в наибольшей степени стала инструментом политики. Особенно это развивалось в период Сталина, использовавшего историю для обоснования своего политического курса и репрессий. Это продолжалось в течении нескольких десятилетий вплоть до 90-х годов и не могло не влиять на умы людей. Фактически произошло стирание граней между исторической наукой и политической пропагандой. В результате, сформировалось ложное историческое сознание общества, усвоенное под влиянием пропаганды и использования ее в учебном процессе, особенно в школе. Ведь все, что усвоено в детском и юношеском возрасте очень трудно изменить.

В первые годы независимости в публикациях довлел советский традиционализм, когда все оценивалось исключительно позитивно и лишь в заключении подводились итоги негативных явлений, что никак не согласовывалось с основным текстом. В этом проявлялось упорное нежелание некоторых историков отходить от позиций советской историографии. Интересно высказывание известного британского историка Джона Тоша о том, что обращение к существующим с незапамятных времен традициям не имеет никакого отношения к исторической науке и противоречит историческому анализу¹. Конечно, это звучит категорично, но если иметь в виду неизменный и застоявшийся опыт, то это верно. Однако не следует отвергать отработанные и испытанные методологические традиции.

Более тонкий характер искажения, как считает Дж. Тош, носит ностальгия. Она не отрицает факта исторических перемен, но толкует их лишь в одном направлении — перемен к худшему. Особенно этим страдают люди, утратившие высокое материальное и руководящее положение в обществе, в том числе историки, которые, как правило, изображают прошлое в более привлекательном свете. Данное явление, уже практически исчезло со страниц исторических публикаций, однако, сохраняется в устной форме.

---

¹ См.: *Tosh J. The Pursuit of History: aims, methods and new Directions in the study of modern History. 3th ed. London—New York, 2000.* Русский перевод Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. — Москва, 2000. С. 11—32.

Несмотря на это, кризис исторической памяти, вызванный политическими и социальными переменами, еще имеет место в развитии исторической науки. Нельзя не согласиться с исследователем Й. Рюзенем в том, что кризис наступает при столкновении исторического сознания с опытом, не укладывающимся в рамки привычных исторических представлений, что ставит под угрозу сложившиеся основания и принципы идентичности¹.

Для объективного освещения истории на данном отрезке времени большое значение имеет и психологический фактор, который заключается в умении историка как бы «оторваться от себя», исключая любого рода эмоции. К сожалению, не все это могут. И это один из недостатков, наблюдаемых даже в публикациях фундаментального характера.

В целом, в оценке советского периода в узбекистанской современной историографии существует и традиционализм другого рода. Заложенный наиболее авангардной частью историков критический подход к этому периоду истории перерос в традиционализм, который исключает все положительное в развитии того периода.

Как в изучение любого другого вопроса здесь необходим объективный анализ, как негативных явлений, противоречий в развитии, репрессий, засилья моноидеологии, так и достижений, главной причиной которых был сам народ, его терпение и трудолюбие. Эти вопросы должны рассматриваться в комплексе, без чрезмерно эмоционального вклада своего «я» исследователя. В данном случае следует сказать о методике Дж. Хоскинга, известного британского историка, который в своей книге, посвященной истории советского периода, уделил больше внимания при изучении истории Советского Союза мнениям людей, порою простых граждан, живших здесь².

Часть исторических исследований связаны с политологией. Историки пытаются осмыслить ход событий конца 80-х и нача-

---

¹ См.: Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории. (Некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссия о памяти) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. — Москва, 2001. С. 8—26.

² См.: Хоскинг Д. История Советского Союза (1917—1991). — Смоленск: Русич, 2004. С. 490.

ла 90-х годов, историю обретения республикой независимости и связанных с ней дальнейших процессов конца XX в. На наш взгляд, логика исторического исследования требует показа не только достижений, но и проблем. А если мы уже говорим о достижениях, то должны показать, что изменилось в сравнении с предыдущим периодом, чтобы читатель мог осмыслить суть и необратимость произошедших перемен во многих сферах жизни общества. И конечно же, современные работы по истории должны отличаться глобализмом, то есть процессы, происходившие в истории и в настоящее время должны рассматриваться в контексте мировой истории, потому что история нашей цивилизации — неразрывная часть мировой цивилизации.

Мы думаем, что самым важным явлением, оказывающим сильное воздействие и на авторов и на читателя является обострившееся сейчас историческое сознание. Всегда в период кардинальных перемен, катаклизм, революций оно занимало одну из главных идеологических ниш. Главным признаком исторического сознания, как понимает его западная историография, является признание различий между современной эпохой и предыдущей. И это важно, прежде всего, для историка, который должен понимать, что предмет исследования нельзя вырывать из окружавшей его исторической обстановки. Оно существовало всегда, но как отмечает российский историк Л.М. Репина: «Историография не обладает достаточно стойким иммунитетом от прагматических соображений; историкам не просто абстрагироваться от идеологии или групповых интересов. В итоге научные, по видимости, произведения оперируют образами прошлого, почерпнутыми из массового сознания или созданными на его потребу. Во многих отношениях история и память постоянно подпитывают друг друга: история разрывается между логикой памяти и императивами научного знания»¹.

Искусство историка заключается в умении сделать так, чтобы память и наработанные исторические знания дополняли друг друга. Эмансипация исторической науки создала для этого хорошие условия, она открыла много шлюзов, через которые хлы-

---

¹ Репина Л.М. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 51.

нули потоки, значительно обогатившие ее новым положительным опытом. Но были и такие, которые создали историкам новые вызовы в форме дилетантизма, удобренного лжепатриотизмом. Эти основные пороки невозможно излечить увещеваниями с трибун ученых советов и со страниц широко известных среди ученых академических изданий. Значит на повестку дня встает вопрос о популяризации наших исследований, строящихся на объективности. Мы думаем, что современным историкам, чтобы защитить науку от непрофессионализма и невежества необходимо овладеть и искусством маркетинга и навыками наступательного PR.

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНО ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНО ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ?

(Размышления историка о задачах
исторической науки на современном этапе)*

*«Мозий истиқболимизнинг тарозидур» —
«Прошлое — весы нашего будущего»*

Махмудходжа БЕХБУДИ

До обретения Узбекистаном независимости в течение многих десятилетий гуманитарные науки, в частности историческая, находились на втором, а может быть и на третьем плане. Идеологические установки компартии лишали ее возможности быть до конца объективной. Вот характерный документ того времени: в резолюции ЦК компартии Узбекистана (сентябрь 1952 г.) указывалось: «Вместо глубокого изучения и освещения актуальных вопросов современности многие научные работники увлекаются изучением преимущественно истории и культуры древних эпох и допускают в своих трудах идеализацию феодального прошлого и националистические ошибки»¹.

Конечно же под актуальными вопросами современности подразумевалась история Узбекистана советского периода. С этого момента и подготовка кадров ориентировалась сугубо на советскую историю. И это предпочтение продолжалось несколько десятилетий. В Институте истории Академии наук многовековая история, содержащая в себе огромное количество исторических событий, включая становление таких всемирно известных государств, как Кушанское, империю Амира Темура и др., была втиснута всего лишь в один отдел и колониальный период, называемый тогда временем «добровольного присоеди-

---

* 1998 год. (В соавторстве с Э.Э. Каримовым).

¹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. — Ташкент, 1988. Том 1. С. 532.

нения Средней Азии к России», в то время как советская история детально изучалась в пяти отделах. Сейчас кажется смешным, что существовал отдел «История рабочего класса», «Колхозно-совхозное строительство» и др. К тому же, этот единственный «древний» отдел был расформирован вскоре после смерти его основателя — известного ученого академика Я. Гулямова. А ведь сколько усилий стоило ему комплектование отдела хорошими кадрами со знанием восточных языков и умением читать средневековые рукописи. Последствия таких волюнтаристских решений сказываются и поныне: средневековая историческая наука у нас «больна» дефицитом кадров и есть острая недостаточность необходимых исследований по этому периоду. Очевидным становится тот огромный ущерб и те невозполнимые правды истории, ее извращений и вульгаризации.

Обретение Узбекистаном подлинной независимости открыло широкие двери для полноценного и объективного изучения всех этапов многовековой истории нашей Родины. За истекшие годы пересмотрены многие исторические проблемы, в частности, история завоевания Российской империей среднеазиатских ханств, колониальная политика царской и советской властей, наконец-то подлинную оценку получило движение джадидов конца XIX — начала XX вв., открылась правда, на основе засекреченных ранее архивных материалов в отношении национальной политики большевиков и Центра, проводимой в Узбекистане. Свое достойное место в современной историографии заняла история эпохи Амира Темура и Темуридов.

Совершенно по-новому ставятся задачи историографии, призванной посредством глубокого анализа имеющейся литературы выявлять переломные этапы в развитии нашей исторической науки, достижения и допущенные ошибки, проблемы, иные недостатки и, вместе с тем, обобщать полезный опыт для будущих исследований. Все это подтверждает необходимость коренной перестройки исторической науки. Возникли новые условия, Узбекистан стал самостоятельным независимым государством, естественно, у такого государства должна быть полноценная правдивая история. Исходя из этого, Президент страны И.А. Каримов на встрече с группой ведущих историков и журналистов 26 июня 1998 г. говорил о необходимости исследова-

ний по истории узбекской государственности, этногенезе узбекского народа и, в целом, о создании новой концепции истории Узбекистана. У историков до сих пор не было четкой позиции в определении роли исторической науки в общих процессах государственного строительства. Фактически отсутствовала теория исторической науки, единая методология и философия. А потребность в этом огромна! В выступлении на сессии Олий Мажлиса первого созыва (30 апреля — 1 мая 1998 г.), в интервью, данном главному редактору журнала «Тафаккур», в речи на встрече с историками и журналистами и в ряде других выступлений Президента нашей страны выражена его четкая позиция в отношении духовности, религии, истории, как науки и их роли в жизни общества. В них красной нитью проходит мысль о том, что история, идеология и духовность — неразъединимые сферы. Потому что человек без идеи, без веры не может называться человеком. Человек, если он не манкурт, должен задавать себе вопрос: «Кто я? Откуда! Зачем?» Человек живет в мире и его деятельность не может быть свободной от идеологии¹. Есть много примеров, свидетельствующих о том, как знание или незнание истории влияет на формирование идеологии.

В годы агонии коммунистического режима и преддверии нашей независимости, когда старая идеология рушилась, некоторые публицисты, активно выступавшие в средствах массовой информации, пропагандировали религиозный образ жизни, сами не разбираясь в исламском учении и многочисленные дешевые, анонимные, религиозного рода брошюры в изобилии появлялись на базарных и уличных лотках, а сомнительные люди у мечетей призывали под «свою» веру. В итоге у простых людей путалась и стиралась грань между идеологией светского государства и историческим духовно-религиозным наследием. В конечном счете это могло привести к тяжелым для нашей государственности последствиям — смещению понятий свободы

---

¹ См.: Каримов И.А. Выступление на одиннадцатой сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан первого созыва // Каримов И. Свое будущее мы строим своими руками. — Ташкент: Ўзбекистон, 1999. Т. 7. С. 34—55; *Его же*. Идеология — это объединяющий флаг нации, общества и государства. Ответы на вопросы главного редактора журнала «Тафаккур» // Там же. С. 82—100; *Его же*. Без исторической памяти нет будущего // Там же. С. 128—151 и др.

и законности, когда под понятием свободы пытались выдать беззаконие или ныне модное и всеми понимаемое слово «беспредел».

Историки медлили в переоценке прошлого, и историческое сознание питалось художественными произведениями и религиозно-бытовой литературой, не отвечающими исторической объективности. Как последствия этого — недавние события, связанные с тем, что некоторые люди по тем или иным причинам оказались подверженными влиянию различных «новомодных» духовно-религиозных учений, в частности вахабизма. В основе любого такого учения — от внешне безобидного кришнаизма до агрессивного вахабизма — лежат жесткие идеологические установки. Если бы все знали свои исторические корни, традиции своей Родины, культуру своих предков, отдельные члены нашего общества могли бы пойти на поводу у тех, кто проповедует чуждую нам идеологию?

Приведем лишь один пример, связанный с нашей духовно-религиозной традицией и историей. Известный ученый-теолог, представитель нашего региона Хаким ат-Термизи в IX в. обосновал законность института святых (аулийа) в исламе. Хаким ат-Термизи фактически уравнивал «аулийа» в правах с посланниками «расул» и пророками «анбийа». Он разработал понятие совершенного человека — «инсон-и комил». И если кто-то у нас заговорил об учении Абд ал-Ваххаба, то он, наверное, должен знать, что главной составной частью его учения была борьба с институтом аулийа. Это значит, что в угоду учения, которое родилось в XVIII в. на Аравийском полуострове, мы должны отказаться от всей своей истории, от всей своей многовековой культуры. Ведь примеров «инсон-и комил» — совершенных людей, которые своей жизнью и деятельностью явили пример подражания и веры со стороны других людей в истории нашей родины, достаточно много. Ахмад Яссави, Наджмиддин Кубро, Абу ал-Халик Гидждувани, Бахоуддин Накшбанд, Ходжа Ахрор и другие — все они вошли в историю нашего народа как вали (человек совершенных знаний в области исламской религии, близкий к рангу святого), заслужив это звание своею жизнью и деятельностью во благо людей и общества. Они не просто история прошлого — это составная часть нашей культуры, на-

шей национальной идеологии, на которой воспитываются новые поколения, живущие в условиях независимого государства, а следовательно это — наше будущее.

Есть люди, утверждающие, что они свободны от идеологии, но они и не подозревают, что это и есть их идеология. Так кто же, как не историк, поможет формироваться духовности людей? Кто же как не он, объяснит, кем мы были, откуда произошли и чем богаты были? Знание всего этого, умение в любом месте и на любых уровнях представить себя, свой народ, страну — это и есть историческое сознание.

Многим ли известно, что для того, чтобы получить гражданство в Соединенных Штатах Америки, необходимо сдать государственный экзамен на знание государственного языка, конституции страны, права и истории. Как видим из международной правовой практики, гражданином страны должен считаться человек, знающий историю своей страны. Но для того, чтобы требовать знание истории от своих граждан, историки должны, в первую очередь иметь четкие позиции и привести в порядок дисциплинарную систему науки.

Дисциплину в этой области мы понимаем не как простое выполнение трудовых обязанностей и соблюдение режима работы, а как совершенствование управленческой структуры в сфере исторической науки, объединение усилий и взаимодействие исторических факультетов вузов республики и Института истории Академии наук, организацию совещательного органа, призванного обеспечивать науку молодыми кадрами, координирование выбора разрабатываемых тем. Максимальная производственная отдача научных сотрудников во многом зависит от совершенной структурной организации труда. Она же должна ставить заслон проникновению в печать не только слабых работ но и тех, которые основаны на плагиате. Ни для кого не секрет, что в период дефицита новых исторических исследований появились книги, учебники с тенденциозными оценками, причем, на основании архивных данных, собранных ранее другими учеными. В качестве примера приведем учебное пособие «Ватан тарихи» (Иккинчи китоб) по истории Узбекистана советского периода, где допущены не только методологические ошибки, но совершенно неправильно, субъективно оценена деятельность

видного государственного деятеля республики Ф. Ходжаева, допущены оскорбительные высказывания относительно известного ученого академика Т.Н. Кары-Ниязова. К тому же пользование чужими материалами привело к искажению имен и фамилий джаидов и других представителей национально-освободительного движения.

Известно, что существующий вот уже на протяжении 55 лет Институт истории Академии наук имеет большой опыт научной деятельности. Но этот опыт не достаточно работает для общества. Между тем современность требует активизации его общественной функции. Кончилось время замкнутой работы, то есть историк не может быть сам по себе, писать для себя и делать свою научную карьеру вне общества. Огромное количество теле- и радиопередач на исторические темы никак не базируются на последних открытиях в этой области, ни одна из них не имеет консультанта. Если учесть, что телевидение — мощная агитационная сила, то неверно трактованные фрагменты истории, не подтвержденные фактами, врезающиеся в массовое сознание при помощи несведущих в истории журналистов, могут создать и превратить в толкование. В вину историкам можно справедливо поставить то, что они до недавнего времени, в отличие от журналистов и публицистов, не так быстро реагировали на нужды нашего общества и позволили укрепиться в массовом сознании читателей, зрителей и слушателей средств массовой информации порой совершенно неправильным мнениям по различным вопросам отечественной истории. Вероятно, это следствие специфики нашей работы — историческая информация проверяется и перепроверяется на основе различных материалов, баз данных и источников. Суждения и выводы ученых-исследователей часто осторожны и взвешены.

Но обратной стороной академической науки является то, что язык ее тяжел, трудно воспринимаются громоздкие умозаключения, а осторожность суждений в итоге не убеждает, как правило, неподготовленного массового читателя, зрителя и слушателя. Поэтому очень важно, чтобы исследования отечественных ученых-историков имели и более популярную форму.

Исторические центры должны в обязательной мере участвовать в процессе воспитания у молодежи исторического

сознания. Это есть общественная дисциплина. Она важна, потому что историк не может быть равнодушен к утверждению в народе правильного понимания исторических процессов и событий. Правильным описанием героической жизни своего народа, основанном только на исторической правде, историк может заслужить звание историка. Великий просветитель, руководитель туркестанского джадидизма Махмудходжа Бехбудид считал: «Номаълум бир ривоят ила улуғ бир масала тарихин хал этмоқликни тарих ҳақида жиноят санайдурлар» — «На основании легенд писать историю — преступление»¹.

Из сказанного выше следует, что историк несет политическую ответственность перед своим народом за написанное. Поэтому духовный облик историка должен соответствовать задачам, стоящим перед страной и государством.

Ни в одном обществе наука не может быть самостоятельной, оторванной от общества. Она, как и другие институты, зависит от процессов, происходящих в нем. Самим изменением статуса нашего государства, вниманием властей, жадной, испытываемой народом к знанию исторического прошлого, определяется необходимость перестройки исторической науки. Историческое знание не самоцель и не предмет роскоши. Знание истории сегодня становится важным средством в борьбе за ускорение социально-экономических процессов. Политические, социально-экономические реформы, идущие в стране, требуют решения теоретических проблем, в том числе, и в области истории. В этой связи задача историков не просто констатировать отдельные факты и события, а осмыслить диалектику, целостность исторического процесса.

Кроме того, реальное возрождение нашей национальной истории возможно лишь на основе реальных исторических источников. Для нас, историков, это письменные памятники прошлого, архивные материалы и прочие. В Узбекистане в различных рукописных фондах (в качестве одного из примеров упомянем всемирно известный рукописный фонд Института востоковедения Академии наук РУз) мы имеем самую обширную в мире коллекцию рукописных источников на староуз-

---

¹ Бехбудид М. Ойна. 1914. № 39, 19 июль.

бекском, персидском, арабском языках. В них — наше прошлое, мудрость наших предков, наша гордость и слава.

Возрождение нашего исторического прошлого — огромная задача. Ведь нам предстоит делать это не на основе существующих версий отечественной истории, часто написанных в угоду старой идеологии. Пора рассматривать историю Узбекистана, как независимого государства, в контексте мировой истории, а не как это было раньше — в рамках истории российского или советского государства.

Объективное исследование письменных источников позволит нам воссоздать реальную историю нашей страны, даст нам возможность правдиво показать и тяжелые времена поражений, и славные времена побед. Все то, что в конечном итоге привело нас к независимости, стало неотъемлемыми составляющими частями ее идеологии.

Задача эта сложная. Мало знать лишь восточные языки для того, чтобы читать рукописи. Язык прошлого отличается от современного узбекского или персидского языка. Множество различных стилей, почерков, а порой самый несовершенный почерк переписчиков рукописей доставляет современным исследователям множество проблем. Можно годами изучать одну рукопись — многие исследователи-востоковеды вошли в историю науки как авторы публикации критического текста лишь одного письменного источника. Для решения ответственных задач, стоящих перед отечественной исторической наукой, требуется воспитать новое поколение историков с широким кругозором, знанием восточных и европейских языков, прекрасно разбирающихся в мировой истории, в контексте которой должна рассматриваться наша национальная история.

История — это нравственный, эстетический ориентир для новых поколений людей и наш высокий моральный долг — донести до потомков наследие прошлого.

ЕДИНСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ, ЗНАНИЯ И ЭТИКИ ПОВЕДЕНИЯ*

Каждая эпоха имеет свое вещное слово, которым характеризуется главное событие, кардинально преобразующее как жизнь общества, так и само общество. Историки XXII, а возможно, и XXIII столетий, по всей вероятности, назовут два самых важных для нашего народа слова: «мустақиллик» — независимость и «маърифат» — знание. Первое невозможно без второго, а второе неполноценно без первого.

В переводе с арабского «маърифат» означает знание, осведомленность, сведение, наука, просвещение, искусство, то есть все направления знаний от первичных ступеней (осведомленность) к высшим (наука). Слово «маъруф» олицетворяет предназначение просвещения — благодеяние, добро, так как и приобретение знаний является благодеянием, добром, а распространение знаний среди других людей — великим благом. Просвещение имеет свою историю во всех регионах и во всех периодах. Бесспорно, ученые разных времен включали в его понимание свой набор категорий. Например, греко-римская философия относилась к этому, как к мышлению и чистому знанию (*phronein, theoria*). Гераклит считал, что величайшей из добродетелей является мышление, а Аристотель — «сладчайшим и лучшим человеческим деянием — знанием». Но как на Востоке, так и на Западе крылатым стало выражение Платона: «Единственный вид совершенного знания, которым я обладаю, это мое знание того, что я не знаю», которое подтверждало безграничность знаний.

В средневековой исламской науке концепция знаний приобрела особую значимость. Конечно, в это время понятие «маърифат» означало большую просвещенность в теологических науках. Тем не менее нельзя недооценивать роль теологии в просвещении и формировании духовности людей. Наши выдающиеся предки Хаким ат-Термизи, Имам Бухари, Ахмад Яссави, Бахоуддин Накшбанд и многие другие внесли огромный вклад в развитие общечеловеческой культуры. Возможно, Хаким ат-Термизи одним из первых в своем трактате о значении знания «Китаб байан ал-илм» дал сравнение знания со светом. В бого-

---

* 1999 год.

словской науке, как среднеазиатской, так и арабской, понятия «маърифат-ал-илм-адаб» или «илм-амал-адаб» (знание, действие, образование, поведение) были единственными и взаимосвязанными. Из этой концепции можно почерпнуть много полезного и для современного понимания предназначения знаний. Например, позиция средневековых ученых мусульманского мира такова, что «адаб» — поведение человека тесно связано с его просвещенностью, и чем больше человек просвещен, тем совершеннее его этическое поведение, то есть этика и знания тесно связанные между собой явления. Подтверждением этого служит и изречение Аз-Замахшари: «Сильное знание бесполезно там, где действие слабо. Знания без действия, что лук без тетивы»¹, означающее, что наука, просвещение должны служить практике, обеспечению экономического благоденствия.

Другой ученый средневековья Ар-Рахиб ал-Исфгани считал, что «илм», или «адаб» равноценны высокому чину, благородному происхождению и богатству. Как известно, на Востоке этим трем элементам всегда придавалось большее значение, чем на Западе, хотя Запад за последние столетия значительно преуспел в оценке третьего элемента. Тем не менее, сравнение просвещения с главными ценностями в жизни людей еще раз подтверждает то, как высоко оценивались знания.

Американский ученый-исламовед Франц Роузентал твердо убежден в том, что концепция исламской богословской науки о просвещении основывается на греко-римской античной философии о науке, в частности, на воззрениях Платона, Аристотеля, Сократа и др. «Корни знаний Запада и Востока общие, это ветви одного дерева и все заметные различия просто отражают более яркие или бледные тона одного и того же цвета»², — считает он. С этим нельзя не согласиться. На примере одного лишь ученого нашей страны Абу Райхана Беруни можно видеть, насколько широк географический диапазон источников, на которые он опирался при написании своих трудов, в том числе, гуманитарного профиля, касающегося и просвещения: от источников на санскрите Аристотеля до современных ему европейских ученых.

---

¹ *Аз-Замахшари*. Макамат / Перевод Решера О. от 1913 г. — Каир, 1335.

² *Роузентал Ф.* Торжество Знания. — Москва, 1978. С. 327.

Между тем и Восток оказал мощное влияние на развитие концепции просвещения Запада. Здесь просветительство стало «модным» течением в XVIII столетии, и сам термин «просвещение» окончательно утвердился после статьи известного философа Иммануила Канта «Что такое просвещение» (1784). С тех пор в исторической и философской науке Запада под понятием «просвещение» стала подразумеваться эпоха безграничной веры в силу человеческого разума и торжества знаний.

Начавшийся бум просветительства в XVIII в. во Франции объясняется появлением таких гениев человечества, как Вольтер, Монтескье, Руссо, Дидро. Он был настолько сильным и действенным для народа, что подготовил великую Французскую революцию и стал одной из причин выдвижения Франции в ряд ведущих мировых держав. Как известно, французское просветительство оказало огромное влияние на другие страны — Россию, Англию, Германию. Русские поэты В.А. Жуковский, А.С. Пушкин и др. в своих творениях неоднократно обращались к названным французским авторам. Позднее, в XIX в. просветительство в России стало развиваться под названием «народничество». В свою очередь, на Востоке, в частности, в Средней Азии, просветительство предопределило период, который, на наш взгляд, можно назвать периодом «духовного ренессанса», когда на арену общественно-политической жизни вышло движение под названием «джадидизм». Просветительство джадидов не просто базировалось на понимании необходимости реформ — оно основывалось на всей предыдущей истории просветительства. И Махмудходжа Бехбуди, и Абдурауф Фитрат, и Абдулла Авлони опирались на наследие как восточных, так и западных философов, труды которых имели общечивилизационную направленность. М. Бехбуди, например, очень любил обращаться к работам И. Канта, А. Фитрат — к Ш. Сеньбосу, А. Авлони — к Платону, Сократу и Аристотелю.

Просветительство — это то, с чего начинали свою деятельность джадида: с реформ в области образования, культуры. Но эта же деятельность привела их к пониманию необходимости политических изменений, потому что без обретения независимости, без образования самостоятельного государства невозможно полноценное развитие просвещения. Цели, преследуемые джадидами, — развитие просвещения, основанного на

национальных традициях с использованием общемировых достижений, никак не вписывались в колониальную политику ни царского правительства, ни Временного правительства Керенского. Начинали джаиды с малого — написания и издания новых учебников, создания новометодных школ. Но это была «почва» для последующих ступеней развития. Во имя этой цели они жертвовали очень многим, в том числе и материальным положением. Так, Махмудходжа Бехбуди свое немалое состояние потратил на просвещение. Это был не просто теоретик просветительства и его устный пропагандист, а деловой человек, создавший по всей Средней Азии целую систему практического распространения знаний. Он создал газету «Самарканд», журнал «Ойна», издательство, названное в честь его отца «Бехбудия», сеть книжных магазинов в Бухаре, Коканде, Намангане, Ташкенте, Андижане, Самарканде, куда поступали книги со всего Востока и из некоторых стран Запада. По свидетельству его современников, открытая им в Самарканде библиотека стала самой большой в Туркестане по фонду ценных книг и библиографическому богатству. Бехбуди занимался также и отправкой за свой счет молодых туркестанцев на учебу в зарубежные университеты.

Большинство единомышленников М. Бехбуди поступали так же. Но более всего они воздействовали на национальное самосознание народа через свои труды, статьи в газетах. Организовав свою трибуну для пропаганды прогресса через средства массовой информации, то есть газеты и журналы, они боролись с косностью, отсталостью, невежеством, считая, что «без национальной печати нет самой нации»¹. М. Бехбуди, М. Дарсаодат, А. Авлони, А. Фитрат и многие другие² поднимали от простейших вопросов — физического здоровья людей, ненужности излишних обрядов, поведения в быту до самых сложнейших — экономического и общественно-политического устройства края. В их

---

¹ Садои Туркистон. 1915. № 64.

² См.: *Бехбудий М. Бизни кемиргувчи иллатлар // Ойна. 1914. № 23; Бехбудий М. Бизга ислохот керак // Нажот. 1917. № 18; Дарсаодат М. Жаҳолат меваси // Садои Туркистон. 1914. № 30 // Фитрат А. Танланган асарлар. 1 жилд. Тошкент: Маънавият, 2000. Б. 98—169; Авлоний А. Туркий гулистон ёхуд ахлоқ // Авлоний А. Танланган асарлар. 2 жилд. Тошкент: Маънавият, 1998. Б. 33—92; Фитрат А. Ҳинд сайёҳи баёноти // Фитрат А. Оила ёки оила бошқариш тартиблари. Тошкент: Маънавият, 1998. 112-б.*

обращении к молодежи приоритетное место занимала проблема образования. Основываясь на Коране и хадисах, они объясняли ненужность пышных празднеств и обрядов, постройки излишнего количества мечетей. «Эти средства необходимо использовать на образование, обучение детей за границей и мусульмане должны перестроить свое мышление» — зывали они.

Следует подчеркнуть, какое важное значение имела в решении судеб народов и стран просвещенность или непросвещенность государей. Известно высказывание Ануширвана: «Когда господь хочет добра какому-либо народу, он дает знание его царям». Как известно из «Уложения Темура», Амир Темура, в правление которого бурно процветали наука, искусство, градостроительство, делил своих подданных на 12 классов. В первый класс, наряду с потомками Пророка и главами общин, были включены ученые и законоведы. «Они составляли украшение и славу моего двора, часто я советовался с ними в вопросах, касавшихся религиозного порядка, управления и наук... Я оказывал почтение ученым, богословам, философам и историкам. Я уважал их и почитал»¹, — писал Темура. Уложение свидетельствует об аналитическом уме правителя, обогащенном знаниями как правового, так и исторического характера.

Благодаря просвещенности и стараниям великого поэта и государственного деятеля Алишера Навои процветало и государство Хусейна Байкары: строились библиотеки, больницы, медресе, мечети, бани, каналы, мосты и др. В библиотеке великого «Амира-Кабира» (этот титул Алишер Навои получил в 1472 г. — Д.А.) работало свыше 70 «хаттот» и «мусаввиров». По свидетельству источников, Алишер Навои, получая 18 тысяч динаров (шохрухий динар) жалованья, значительную часть расходовал на просветительские дела².

В противоположность просвещенным правителям, невежественные приводили свою страну в полный упадок. По свидетельству выдающегося ученого Ахмада Дониша³ — известного просветителя, а также отечественных и зарубежных ученых,

¹ Уложение Темура. — Ташкент, 1992. С. 15.

² См.: *Имомназаров М.* Буюк сиймолар, алломалар. — Тошкент, 1996. Б. 73.

³ См.: *Ахмад Дониш.* Рисолаи тарих амирони мангит. Рқп. ИВ АН РУз. Инв. № 1987.

именно непросвещенность некоторых правителей Бухарского ханства привела страну к окончательному упадку, развив косность во всех властных структурах, что, в свою очередь, пагубно сказалось и на положении народа.

Ахмад Дониш и его последователь бухарский историк Абдуазим Соми утверждали, что упадок государства и обнищание народа, начавшиеся еще при амире Насруллахе (1826—1860), стали усиливаться при Музаффаре (1860—1885) и разрушительная сила пороков самой системы довела Бухару до крайнего состояния при амире Абдулахаде (1885—1910). Вину за поражение в войне с Российской империей они полностью отнесли на амира Музаффара и причину видели в экономическом спаде и военной неподготовленности Бухарского ханства. Как писал Соми, при этих невежественных правителях «не осталось и следа от предков темуридского узбекского ханства»¹.

Бесспорно, именно отсталость во всех сферах развития от общемирового уровня и послужила главной причиной неумения противостоять российской колонизации региона.

В современном Узбекистане с первых дней установления независимости, первостепенное значение придается духовности и просвещению. Государство не просто создает условия и программирует развитие национального образования — оно создает специальные общественно-просветительские центры и структуры для участия компетентных специалистов в развитии духовной сферы, выделяя для этих целей средства из государственного бюджета. Как подчеркивает Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов, «пропаганда духовности, просветительства — дело совести каждого интеллигента»². Согласно традиции, наш народ сохраняет огромное уважение к образованным людям, к ученым, к тем, кто стремится к знаниям. Недаром в народе труд ученого сравнивают с выкапыванием колодца с помощью иглы — простые люди знают, что знания обретать нелегко и быть просвещенным непросто. Это результаты на-

---

¹ Мирзо Абдуазим Соми. Тарих-и салотин-и мангитийа. — Москва, 1962. С. 58—59.

² Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего // Каримов И.А. Свое будущее мы строим своими руками. — Ташкент: Ўзбекистон, 1999. Т. 7. С. 134.

пряженного тяжелого труда. Бади аз-Замон ал-Хамадани (умер в 1008 г.) писал о трудностях и вознаграждениях на пути человека в поисках знания: «Находясь на чужбине, я однажды слышал, как один человек спросил другого, как тот приобрел знания. Вот какой ответ он получил: "Я искал его и нашел далеко-далеко, там, куда не долетают стрелы охотника; его нельзя ни заполучить ворожкой, ни увидеть во сне, ни поймать уздечкой, ни унаследовать от праотцов, ни одолжить у щедрых людей. Я приобрел его, скитаясь по пыльным тропам, спотыкаясь о камни, избегая раздражения и идя на риск, проводя долгие бессонные ночи, благодаря любви к путешествиям, путем долгих раздумий и приложения мысли. Я нашел, что оно хорошо лишь для взращения — и только для взращения в душе, оно подобно зверю, на которого охотятся, но редко кому удается его поймать — поймать его можно лишь в груди; оно подобно птице, которую можно заманить лишь в силки и запутать в сети памяти. Я поместил его в душу и привязал к глазу. Я тратил (на него свое) пропитание и хранил (его) в сердце. Я проверял (его точность) путем исследований и шел от размышлений к писательству, полагаясь на поддержку (божественного успеха)". Так я услышал слова, поражавшие слух, доходившие до сердца и проникавшие в грудь». Эти мудрые слова Хамадани наводят на мысль о том, что в науке и в приобретении знаний высокая сознательность должна сопровождаться некоторым самоотречением.

Облик ученого или любого интеллигента — уже сам по себе образец поведения. В этом смысле ярчайшим примером для молодежи может быть великий Алишер Навои, который считал, что поведение, ум являются культурными факторами и основой для оздоровления общества. Именно эти его воззрения зачастую подвергались критике советским литературоведением. Однако его творчество, просветительская деятельность, человеческие качества — терпимость, крайняя скромность, любовь к людям и вся его жизнь — это пример беззаветной преданности Родине, любимому делу, пример понимания значения просвещения народа. Нести просвещение в массы — это обязанность ученого и любого интеллигентного человека. В советское время просветительство отошло на задний план и, как из-

вестно, заидеологизированная гуманитарная наука, действовавшая за «железным занавесом», имела ограниченный характер и была совершенно оторвана от народа.

Молодое независимое государство должно заботиться о безопасности своей независимости и укреплении ее. Поэтому здесь духовность и вера в будущее имеют огромное значение. Историческое знание — это часть духовности, и воспитание духовности начинается с истории Родины. Национальное самосознание воспитывается и оформляется при познании истории Отечества. Но человек должен иметь познания и в истории других стран. Человек не может считаться просвещенным, если не знает и не уважает историю и культуру других народов.

Вторая не менее важная часть просвещения — это просвещение в области религии. В своем исследовании мы целенаправленно обращались преимущественно к исламским богословам и их трудам, так как считаем, что важной частью просвещения должно быть просвещение в религии. Человек верующий, но не знающий основной концепции самого ислама в отношении просвещения, не имеющий правильного представления о содержании исламского вероучения, не является достаточно просвещенным и может попасть под влияние «новомодных», внешне исламских, но внутренне чуждых политических течений типа вахабизма. Современный образованный человек должен обладать таким целостным знанием, компонентами которого являются история, национальные традиции узбекского народа, его наследие, вошедшее в сокровищницу мировой истории, духовность, семья. Наряду с этим он должен иметь верное представление о внешнем мире, быть знакомым с технологическими и культурными достижениями стран Европы, Америки, Азии. Первичные знания об этом дает ребенку семья. В силу этого проблема просвещения начинается с семьи, а воспитание просвещенного человека — в семье.

Главным остается просвещение в сети народного образования, сети общественных дополнительных структур (Республиканский, областные и районные центры «Маърифат ва маънавият»), которые при содействии Академии наук страны и других центров должны разработать программу действенного просвещения. Эти вопросы требуют ускоренного введения ее в жизнь,

ибо сама жизнь властно требует от нас очень быстро, за считанные годы, пройти путь, который другие государства проходили за десятилетия и даже столетия.

ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИЕЙ ИЛИ ЭНЕРГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ*

Понятия «воспитание историей», «воспитательный потенциал истории» основательно вошли в рамки нашей культуры, науки и общественной жизни. Особенно в последнее время, когда с обретением независимости перед молодым государством встала задача формирования нового поколения людей, свободного от стереотипов прежних лет, с уверенностью смотрящего в будущее, знающего и уважающего прошлое своего народа. Более глубокое познание своих исторических корней и огромного исторического духовного и интеллектуального наследия, невозможно без знания истории.

История обладает огромной силой притяжения. Она, в отличие от математики, физики и других сложнотехнических для человека наук, может быть понятна всем: от простого обывателя до большого интеллектуала. Гравитационная сила истории делает ее наукой земной, жизненно необходимой. Ни для кого не секрет, что она и инструмент, орудие в руках хорошего историка, который является одним из тех, кто формирует духовность и нравственность.

Не будет ошибкой, если сказать, что незнание истории своего Отечества увеличивает угрозу безопасности, потому что отсутствие знаний образует вакуум, который могут заполнить чуждыми идеями заинтересованные в этом люди. В принципе так и произошло с теми молодыми людьми, которые в силу своего низкого интеллектуального уровня оказались втянутыми в события 16 февраля. Эти события показали, как указал И.А. Каримов, отвечая на вопросы корреспондента Национального информационного агентства Узбекистана (25 июня 1999 г.), что «сегодня наша важнейшая, актуальная задача — совершенствова-

---

* 1999 год.

ние членов общества, прежде всего подрастающего молодого поколения, возрождение в их душах национальной идеи, национальной идеологии, чувства любви и преданности к своей Родине, воспитание в духе национальных и общечеловеческих ценностей»¹. Подтверждая эту мысль, известный российский ученый-физик С.П. Капица в интервью информационной программе «Ахборот» после просмотра фильма «События 16 февраля» подчеркнул, что самое важное на данном этапе — не дать молодежи попасть в идейный вакуум. «Прошедшие события, — сказал он, — это результат такого примера, вследствие которого группа молодых людей стала жертвой и орудием политической авантюры и преступления посредством использования их религиозного невежества».

Потому, думаю, что историю надо преподносить молодежи объективно, чтобы перед ней предстала вся картина торжества и драмы народа, сословий, личностей и культур. История должна быть личностной, будь то правители, представители высшей касты или рядовые воины, ремесленники или торговцы. То есть содержать историю личностей, мышление которых переходило далеко за пределы собственного «я» и служило интересам Отечества. И все это должно соответствовать исторической правде, потому что «идеологическая пища должна быть правдой, и только правдой. Народу необходимо говорить всю правду, убедить его в искренности, заслужить его доверие, и на этой основе призвать его к новым свершениям»². Эти слова Президента в полной мере относятся к историкам. Наша главная задача — дать научной общественности новые исследования, отвечающие мировым стандартам исторической науки, но не менее важно — зарядить людей, особенно молодежь, энергией исторических знаний.

Почему бы молодежь не учить на примерах гениев? Вопрос кажется несколько странным и напыщенным. Но в науке сложилось целое направление, посвященное философии гениально-

---

¹ Каримов И.А. Призыв к бдительности. Ответы на вопросы корреспондента национального информационного агентства Узбекистана // Каримов И.А. Наша цель — независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. — Ташкент: Ўзбекистон, 2000. Т. 8. С. 23.

² Там же. С. 28.

сти. Возьмем литературу о гениях только за последние 10 лет. В списке библиотеки Американского конгресса в Вашингтоне 59 монографий на главных европейских языках, и это не считая научных статей. Больше всего пишут о гениях в США. Много написано и у нас. Однако исследования наших ученых носят узкопрофессиональный характер. Может ли историк рассказать о гение так, что его образ жизни, мышление, борьба за осуществление своих идей, целеустремленность, забота о том, что выходит за рамки интересов одного человека, города, страны — забота обо всем человечестве станут примером для подражания современного молодого человека, его мечтой стать таким же. Ведь жизнь и творчество гения — это определенные этапы в развитии не только региональной, но и мировой культуры и науки. Это точка отсчета развития того народа, который породил этого гения, свидетельство величия и степени интеллекта этого народа. По их идеям, трудам и действиям мы судим, к чему стремились люди той или иной эпохи, каким было их мировоззрение, нравственные устои, какой в целом была историческая эпоха, каким было государство, гражданином которого был гений.

Учеными подсчитано, что только 0,5 процента населения планеты составляют люди исключительных способностей, то есть гениальных. Думаю, что немалая часть их принадлежит и нашему региону. Известный немецкий философ Гегель «период гениев» в Германии связывает с появлением Гете и Шиллера. Если говорить вообще о лучших этапах развития мировой цивилизации, то следует сказать и о «периоде гениев» в Средней Азии в X—XV вв., о культурном расцвете государства в период правления Амира Темура.

Гении были на протяжении всей истории нашей страны. Но именно в это время, на протяжении пяти веков, наша земля порождала их одного за другим. Достаточно вспомнить великого Ибн Сино, гениального хорезмийца аль-Беруни, уникального ученого, родившегося в прекрасной Ферганской долине аль-Фергани, гениев поэзии Алишера Навои и Захириддина Бабура, неординарных ученых исламской теологии имамов аль-Бухари, ат-Термези, Бахоуддина Накшбанди.

Известно, что гении Запада и Востока всегда преклонялись друг перед другом, использовали опыт друг друга. Тот же Гете называл себя «пленником ширазского соловья» Ходжи Хафиза, и через его творчество, полюбив восточную поэзию, написал поэму о Западе и Востоке, а Данте в «Божественной комедии» среди гениев человечества называет Ибн Сино. Таких примеров много.

Рождению гениев на нашей земле способствовало не только существование здесь сильных государств, но и высокая степень духовности народа. Ведь, как указал великий Ньютон, гении стоят на плечах предшественников и, в целом, думаю, на богатом культурном наследии. Генія порождает общество, народ, а не мягкий климат или счастливое стечение обстоятельств. Его появлению служит целая гамма сложных социально-культурных факторов, являющихся источником исторического прогресса.

Если мы хотим достучаться до сознания молодого поколения, зарядить его энергией исторических знаний, мы должны обратить внимание на следующий философский аспект исторической науки — укрепление ее морального престижа. Это означает, что историки должны ответить позитивным результатом (в виде готовой научной продукции высокого качества) всем правительственным решениям и мерам Президента страны в данном направлении; укрепить общественное достоинство историка. В науке обычно слишком большое значение придается званиям, регалиям и должностям. Но мне кажется, для ученого все решает авторитет не формально престижный, а заслуженный постоянным творчеством, серьезными научными публикациями, яркими статьями, лекциями, увлекающими аудиторию, ведь «мысли в ясной речи как в золоте алмазы». Научная молодежь идет в ученики именно к таким историкам, имеющим общественное достоинство, потому что все-таки еще высок престиж дарования, интеллекта и мастерства.

Необходимо искоренить дилетантизм, часто выражающийся в «универсальности», обращении историка одновременно ко всем периодам и темам. Это ведет к поверхностности и недостаточной достоверности научных выводов. Любой исследователь, каким бы гениальным он ни был, может заниматься по-настояще-

му глубоко только одним или двумя направлениями. Немаловажный аспект — развитие исторической беллетристики на основании объективных исторических данных. Здесь важно содружество ученого-историка и писателя. Историко-биографический жанр уже оправдал себя и стал одним из самых популярных, именно он чаще всего приобщает людей к истории. Приведу самый простой пример того, как хорошо написанный исторический роман может влиять на чувства людей. В конце 80-х годов на конференцию по лазерной физике, проходившей в Ташкенте, приехал известный российский ученый-физик, лауреат Государственной премии С.А. Ахманов (ныне покойный). Он приехал вместе с супругой и дочерью, чтобы поездить и посмотреть Узбекистан. Мы показывали им достопримечательности Ташкента. Его дочь, 17-летняя Аня, попросила, чтобы мы дали ей почитать специфически узбекское. Взяв книгу Пиримкула Кадырова «Бабур», удостоенную Государственной премии имени Хамзы и переведенную на русский язык, пользовавшуюся огромным успехом как у русскоязычного, так и узбекского читателя, девушка прочитала ее за одну ночь и потребовала другую книгу об истории узбеков. Последующие две ночи книгу прочитали и ее родители. Эти люди не уставали восхищаться Бабуром и удивлялись тому, что они даже не представляли себе, какая у узбекского народа интереснейшая история. В последующие приезды Сергей Александрович неизменно интересовался исторической литературой (и не только художественной, но и научной), и не раз говорил: «У вас великая история!». Библиографической редкостью стала и нашумевшая историческая книга Л.Г. Салдадзе «Ибн Сина (Авиценна). Страницы великой жизни», где автор сумел ярко раскрыть образ великого ученого. Этот исторический роман получил высокую оценку не только широкого круга читателей и научной общественности, но и ведущих ученых-синоведов. Особое место в этом плане отводится и кинематографу. Сегодня на экраны вышел лишь один новый исторический фильм об Амуре Темуре. Можно было бы экранизировать фильмы об огромном количестве гениальных мыслителей, выдающихся государственных деятелей, например, таких как Тумарис (VI в. до н.э.), Ширак (V в. до н.э.), Спитамен (конец IV в. до н.э.), Абруй (VI в. н.э.), Диваштич

(VIII в. н.э.), Муканна (VIII в. н.э.), Дж. Мангуберды (XIII в.), Махмуд Тараби (XIII в.). Хотелось бы увидеть на экране Шах-руха, сына Амира Темура, новый фильм о Мирзо Улугбеке, телесериал о самом Амуре Темуре, Биби-Ханум и др. Очень большой интерес вызвал бы показ художественных фильмов об истории Великого шелкового пути, антиколониальные восстания XIX—XX вв.

Хотелось бы чтобы наши книжные магазины отличались изобилием не иностранных романов о любви, а большим выбором красочных интересных книг, написанных доступным языком о различных страницах отечественной истории, исторических героях, событиях, великих людях. Наличие большого количества нужной книжной продукции, дающей право выбора для читателей, — это один из признаков прогресса науки. Как говорил Чингиз Айтматов, «наука... стоит на том, что каждый достигнутый результат назавтра перекрывается новым, высшим результатом, и в этом непрекращающийся прогресс науки. Значит, и воспитание молодежи тесно связано с развитием исторической науки».

ВРЕМЕНА И ИДЕИ*

Духовной основой государства Узбекистан является национальная идеология независимости и прогресса. Эта идеология опирается на исторический опыт страны и мира. Это опыт тех идей, которые служили развитию общества и процветанию страны. Предпринималась ли когда-либо попытка вычленив все самое лучшее из созидательных идей прошлого, привлечь наиболее ценные действующие моральные критерии современного мира, служащие прогрессу, и, основываясь на общегуманистических и национальных ценностях, выстроить концептуальную идею страны? В то же время, что же демонстрирует нам история с точки зрения идеологии? Какими идеями руководствовало общество на протяжении тысячелетий, в периоды взлетов и упадков в развитии государств, что является для нас поучительным, что мы берем с собой в будущее, прививаем

---

* 2000 год.

своим детям и от чего мы отворачиваем лицо, помня о грозных предупреждениях прошлого?

Из своего жизненного опыта мы знаем, что человек, пытающийся конструировать свое будущее, во-первых, вспомнит Всевышнего, а затем оглянется назад посмотреть, что же было хорошего, что можно оставить для будущей жизни, а что перечеркнуть и предать забвению? Так и мы оглянемся в прошлое идей, говоря простым языком, хороших и плохих.

Идеи созидательные, прекрасные, явившиеся толчком для бурного развития общества, были в истории человечества и будут, пока жива наша планета. Они отличаются стремлением достичь благой и мирной жизни, расцвета экономики и культуры. Казалось бы, очень просто. На самом же деле в разные времена эти идеи носили разные формы и разное воплощение. История идей и идеологий — это история религий, история философских и политических учений, история борьбы систем, национально-освободительных движений и т.д., тесно переплетенная с историями человеческих судеб. Люди жили, страдали и горели, выживали и отдавали свои жизни за осуществление своих идей или идей тех, кому они доверяли.

Без малого три тысячи лет назад, когда незнание преобладало над знанием, великий наш соотечественник Заратуштра стал проповедовать идеи единобожия и добра. Единобожие — поклонение всех людей не многочисленным богам, а одному — уже в своей основе содержало идею созидательных сил и сил разрушительных. Многие испытав на собственном опыте, Заратуштра основал свой тезис о дуализме, существовании двух противоположных сил Добра и Зла, который лег в основу философии зороастризма. Согласно этому учению человек в этой борьбе должен быть помощником Ахура Мазды (Ахура — высший властитель, Мазда — мудрый, справедливый, высший гений) — высшего божественного властителя земли и неба. Это означало, что основная задача человека — служение добру. Учение Заратуштры было изучено и принято следующими поколениями и служило авторитетным рычагом в борьбе против правящих идеологий, не служащих интересам народа (например, Мони, Маздак, Муканна). Прекрасные слова, запечатленные в книге «Авеста», созданной Заратуштрой: «Благими мыслями,

добрыми словами и добрыми делами возвеличиваю добрые мысли, добрые слова и добрые дела. Посвящаю всего себя, свою жизнь воплощению на деле добрых мыслей, доброй речи и добрых дел. Отвергаю (отворачиваю свое лицо) все плохие мысли, плохие слова и плохие дела (действия)», имеют огромное нравственное значение и в наши дни. Эти бессмертные идеи затем переняли, возникшие позже религии, в том числе христианство и ислам.

Идея нравственного совершенствования человека, человеколюбия была главной и в учении известного мыслителя Древнего Китая — Конфуция. Он считал, что человек может добиться совершенства не через свое социальное происхождение или положение в обществе, а стремлением быть справедливым, честным, искренним, имея чувство уважения к старшим.

Созидательные идеи, возникшие на Востоке, нашли развитие в античной греко-римской культуре. Идея значения человека, его стремления к совершенствованию общества, получила развитие в воззрениях представителя софистской демократической философии Протагора (V в. до н.э.). Он проповедовал идею восходящего развития культуры и совершенствования общественной жизни по мере накопления знаний и доказывал, что законы относятся к произведениям искусства и что, подобно любому другому ремеслу, справедливости в общественных делах можно научиться. Великие мыслители — Платон, Аристотель, Сократ, развивая идею справедливости и добра, рассуждали о справедливом государстве, считая его высшей формой развития человеческого общества. А знаменитое изречение Сократа «истина рождается в споре» стала крылатым и на протяжении веков передается из поколения в поколение. Мы говорим об этих идеях потому, что они были наиболее жизнестойкими и имели огромное влияние на развитие обществ на различных географических меридианах Земли. Близость их с идеологическими основами исламского учения, возможно, заставила туркестанских прогрессистов начала XX в. в целях реформ как религиозного, так и общественного характера вновь и вновь обращаться к трудам этих трех столпов древнегреческой философии.

Обращаясь к истории нашей Родины, необходимо отметить, что здесь, как и в ряде стран мира, основные идеи, которыми

руководствовались общества в разное время, переплетались с религиозными, патриотическими, нравственно-моральными, этическими идеями. В определенное время зороастризм, буддизм, ислам были на территории Центральной Азии официальными идеологиями государств. Однако в периоды утери политической самостоятельности, войн, например, в период нашествия Ахеменидов, Александра Македонского, главной народной идеологией была идеология свободы, борьбы против иноземных захватчиков. Идея независимости, восстановления независимости жила веками, и именно ее живучесть определила и образование на территории нашей страны величайших государств — Кушанской империи и Тюркского каганата. Но исторические процессы и, возможно, ослабление созидательных идей привели вновь к потере независимости. Вновь и вновь, еще трижды — при нашествии арабов, монголов и российского царизма — идеи борьбы за независимость были главными на арене общественно-политической жизни. Идеология Муканна против арабских завоевателей, Джалалиддина Мангуберды — против монголов, идеологии национальных демократов начала XX столетия, пытавшихся отстоять свою самостоятельность в виде Туркестон мухторияти, мобилизовали лучшие патриотические силы страны на борьбу с врагом. При этом религиозные воззрения не только не противоречили, но и подкрепляли и питали борьбу с иноземными захватчиками.

В IX—XIV вв. Запад вновь уступил место Востоку в развитии духовной культуры. Бурный взрыв научной мысли, глобальные открытия в области естественных наук, гениальные творения Мухаммада Хорезми, Ахмада Фергани, Абу Али Ибн Сино, Абу Райхона Беруни, Мирзо Улугбека возникли и были осуществлены именно в нашей стране. В области литературы Махмудом Кашгари, Юсуф Хос Хаджибом, Ахмадом Югнакий, Алишером Навои, Мирзо Абду Кадир Бедилем были созданы величайшие произведения, ставшие известными всему миру. Конечно, это не могло не повлиять на идеологию народа. Мы могли бы рассуждать об идейных позициях всех, перечисленных здесь гениальных представителей узбекского народа. Но остановимся лишь на трех из них: Абу Али Ибн Сино, Абу Насра аль-Фароби и Алишера Навои.

Очень много написано о медицинских трактатах Ибн Сино. Его открытия в области медицины, его идея о здоровом человеке и здоровом обществе имели огромное значение для формирования национальной идеологии. Однако это была лишь часть вклада гения в проект духовного и физического обновления общества, то есть его вторая часть. Первая из них содержится в его сочинениях, где изложена система разумного идеального общества и государства. Рассуждения Аль-Фароби так же, как Ибн Сино, об идеальном обществе с высокой нравственностью людей имели очень много общего с проектом Платона. А великий поэт Алишер Навои в своих произведениях создал идеал совершенного человека, доказывая, что разум человека через науку и просвещение может и должен изменить мир.

Этот духовно-культурный ренессанс сопровождался исламским возрождением. Творческое наследие исламских улемов Имама аль-Бухари и ат-Термези научило мусульманский мир правильному пониманию Корана и хадисов и, основываясь на них, разработало исламское учение о совершенном человеке.

После монгольского нашествия, нанесшего большой урон духовности и культуре, возрождение произошло на основе исламской идеологии. И здесь ключевым моментом явилось образование суфийских братств Яссави, Кубрави, Ходжагон-Накшбанди, объединивших огромное количество мусульманских движений, сект, учений, что привело к национальной и государственной консолидации.

Идеи национального объединения, создания сильного независимого государства и способы управлений, меры по укреплению государственности, социально-экономического положения всех социальных групп были развиты в период правления Амира Темура и нашли отражение в «Уложении Темура». Благодаря его разуму и идеям на территории нашей земли вновь возникла величайшая по своей политико-культурной мощи держава. Известный ученый И. Муминов в 1968 г. был подвергнут моральному притеснению со стороны идеологических органов компартии, когда осмелился написать о Темуре следующее: «Он... установил по крайней мере на сто лет более или менее относительное спокойствие в стране, что, несомненно, служило фактором роста экономики, культуры, науки, литературы и ис-

куства. В этом, на мой взгляд, историческая заслуга Амира Те-мура в истории Средней Азии».

Конечно, между подобными идеологиями были и периоды безыдейности, что, конечно, приводило к кризисному состоянию общества и страны. Однако даже в такие времена в недрах народного сознания зрели идеи национального возрождения. В начале XX в. носителями этих идей были известные просветители и национальные патриоты — Мунаввар кары, А. Фитрат, М. Бехбуди, А. Авлони, А. Чулпон и др.

В летописи истории человечества, в том числе Узбекистана, также много и горьких страниц, свидетельствующих о губительных результатах идей и идеологий, основанных на насилии и разрушении, горе и крови. Они выступали под религиозными, национальными, классовыми знаменами и имели скрытые и открытые формы политического экстремизма и экспансионистских амбиций. Но суть оставалась неизменной. Она сводилась к насильственному переделу сложившегося образа жизни народов, их культуры, традиций, обычаев и его политическому и духовному подчинению чужой воле. Все это сопровождалось насаждением враждебных общественных порядков, внедрением чуждых идеологических представлений о государственном и социальном устройстве, морали и нравственности.

В истории деструктивных идей и тоталитарных идеологий особое место заняло социалистическое учение. Спекулируя внешне благородным стремлением воплотить идеал справедливости, на самом деле оно парализовало волю людей.

Один из первых социалистических проектов построения «справедливого общества» предложил Томас Мор. В 1516 г. он опубликовал трактат «Утопия» — по имени вымышленного им острова счастья, где не было бы не только частной, но и личной собственности, где «все принадлежит всем», и хотя ни у кого ничего нет, однако, все богаты.

Проекты «казарменного социализма» социалистов-утопистов стали идейной почвой идеологии «научного коммунизма», разработанной К. Марксом и Ф. Энгельсом. Главными идейными звеньями коммунистического учения были: установление диктатуры пролетариата, классовый подход ко всему, насильственный передел общества, предполагавший физическое уничтожение

«нетрудовых» классов и слоев, установление монополии коммунистической идеологии, атеистический экстремизм, ускоренное стирание национальных различий, социальная унификация личности, осуществление мировой социалистической революции.

Ортодоксальный марксизм нашел воплощение в большевизме — политическом течении в России, родоначальником которого явился В.И. Ленин. Идеи большевизма принесли бесчисленные бедствия народам бывшего СССР, в том числе Узбекистана. Только в 1937—1953 гг. в Узбекистане было репрессировано 100 тыс. человек, 18 тыс. были истреблены физически. Репрессии же 80-х годов прошлого столетия коснулись многих семей и невинных людей. При этом коммунистическая идеология оказала губительное воздействие на национальные устои народа, оградив его от всего реального мира, и парализовала волю, инициативность и свободомыслие людей.

Другим видом разрушительных идеологий в истории человечества является расизм. Он нашел яркое выражение в политике апартеида — жестокой расовой дискриминации и сегрегации, проводимой долгие годы в ЮАР. Откровенной расистской направленностью отличается деятельность террористической организации — «Ку-клукс-клан», созданной в 1865 г. в США. Ее главная задача — борьба против гражданских прав темнокожего населения, их вытеснение из страны.

Страшной трагедией для человечества обернулась другая форма расизма — гитлеровский нацизм. Образованная Гитлером в начале 20-х годов XX в. национал-социалистическая партия Германии, сразу же объявила себя носителем «чистой немецкой расы — истинными арийцами», которые призваны управлять миром. Немецкие фашисты возвели в ранг «неполноценных» целые народы. Фашизм, разжегший Вторую мировую войну, унес жизни более 50 млн человек. В горестный траур оделась и наша страна. Из общего числа воинов-узбекистанцев, сражавшихся на фронтах Второй мировой войны, 263 005 — погибли, 132 670 — пропали без вести, 60 452 — стали инвалидами.

Колоссальную угрозу человечеству несут идеи терроризма. Политический терроризм возник еще в XIX в., но особенно широкий размах приобрел в XX столетии. Среди первых поко-

лений современных политических террористов были фракции «Красная армия» в Западной Германии и «Красные бригады» в Италии, организации басков в Испании, «Революционно-освободительная армия» в Ольстере, «Светлая тропа» в Перу и др. В последние годы очаги терроризма вспыхнули в десятках странах мира, в том числе, сопредельных с нашим молодым государством. Террористические силы собираются и непосредственно против независимого Узбекистана. Февральские события в 1999 г. в Ташкенте, вылазки террористических групп из Афганистана в 2000 г. свидетельствуют о реальных попытках деструктивных политических сил свернуть нашу страну с избранного народом пути демократического обновления и прогресса.

В наши дни угрозы безопасности как миру в целом, так и внешние угрозы Узбекистану, в частности, несут такие его проявления, как политический экстремизм, в том числе с религиозной окраской, великодержавный шовинизм и агрессивный национализм, стремление новых деструктивных политических сил к силовому насаждению собственных идеологических схем общественному развитию. Все это обуславливает политическую дестабилизацию, содействует разжиганию конфликтов и региональных войн. Как справедливо подчеркивал Ислам Каримов, «сейчас, когда завершается век, на который пришлось много испытаний, бедствий, трагедий, войн, репрессий, в период, когда человечество стоит на пороге нового тысячелетия, борьба старых и новых идеологий как никогда набирает стремительные темпы. Разнообразные, иногда совершенно противоречивые мировоззрения, споры между политическими, национальными, религиозными течениями, сектами порой выходят за рамки дискуссий и становятся причиной правовых столкновений, массовых убийств, приносят много бедствий людям»¹.

Рамки этой угрозы будут гораздо шире, если будет существовать идейный вакуум. Как мы проследили, в истории и всего человечества, и нашей страны идеология была всегда. Но где она не была позитивной, ее место занимала негативная.

Весь мировой опыт свидетельствует, что ни одно общество не может существовать без идей.

---

¹ Каримов И.А. Свое будущее мы строим своими руками. Т. 7. — Ташкент, 1999. С. 83.

СЕГОДНЯШНИЙ ВЗГЛЯД НА ВЧЕРАШНЮЮ ИСТОРИЮ*

14 лет существования независимости Узбекистана — это достаточно большой срок для определения научных ориентиров в истории и утверждения единой ее концепции. Это достаточно длительный срок и для того, чтобы от эмоций перейти к адекватной, объективной, спокойной оценке нашего недавнего прошлого.

Уже многое сделано в этом направлении, созданы крупные монографии по истории государственности Узбекистана, этногенезу, то есть истории формирования узбекского народа. Это темы о которых нельзя было говорить в полной мере в советский период, потому что считалось, что есть одно государство, в которое входит Узбекистан — Советский Союз. И есть только история этого государства. Помня об этом, историки оценивают значение независимости для исторической науки неизмеримо высоко. Она кардинальным образом изменила ее суть и содержание. Ее развитие ускорилось особенно после известной встречи Президента Узбекистана И.А. Каримова с историками и представителями средств массовой информации и Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан «О совершенствовании деятельности Института истории АН РУз», когда сформировалась стратегия исторической науки, которая развивается вместе с независимостью.

Однако это не означает, что все проблемы решены. Чтобы понять историческое значение современного периода и нашей независимости, конечно надо знать нашу древнейшую историю. Но прежде всего надо оценить наше недавнее прошлое, жизнь, прожитую нами в советский период. Как мы теперь должны об этом говорить, когда историками выявлено столько новых архивных данных, которые были недоступны раньше? Должны ли мы выбрать из спектра красок только один цвет, черный или белый? Или использовать все цвета радуги? От чего это зависит? Конечно же от нашей объективности, от наших побуждений, от нашей любви к Родине. Хотя история жестока и не признает

---

* 2005 год.

чувств. Но если мы любим свой народ, мы поймем, что и в самых трудных ситуациях он выживал благодаря своей вере, трудолюбию, терпимости и своей истории, в которой немало гениев мирового значения.

Не секрет, что до сих пор среди определенных слоев населения существует миф о советском периоде, который можно было бы назвать мифом о «двадцатикопеечной буханке» и сказать, что он насаждается среди нашей молодежи. Недавно на встрече со студентами и преподавателями одного из вузов страны мне задал вопрос один человек средних лет: «Как вы можете переписывать историю, когда она говорит сама за себя? В советское время на самую маленькую зарплату можно было купить три мешка муки, а сейчас — полмешка». Миф о рае с тремя мешками муки затмил у него главное — то, что обретена независимость, то, что никто не преследует наш народ, мы вошли как равнозначный субъект в широкое мировое сообщество. Разве можно это променять на три мешка муки. Знает ли этот человек на чем основывалось советское равенство? Ярчайшая характеристика и анализ советской экономики был дан Президентом страны И.А. Каримовым в его книге, где говорилось: «Сложившиеся псевдосоциалистические принципы утверждали в жизни нормы мнимой социальной справедливости, под которой понималась уравниловка, порождавшая иждивенчество, социальную и трудовую апатию, экономическую безответственность.

Все действовавшие экономические законодательные акты были пронизаны духом централизованной плановой системы организации народного хозяйства, где практически не отводилось места ни экономической свободе предприятий, ни хозяйственной инициативе, ни предприимчивости.

Экономика и ее правовая основа на протяжении многих десятилетий были сильно идеологизированы и игнорировали требования международных норм и правил. Даже в правовом отношении мы были замкнуты в рамках социалистического лагеря и фактически не имели свободных выходов в мировое сообщество, не выступали как равноправный субъект международного права»¹.

---

¹ Каримов И.А. Родина священна для каждого. Т. 3. — Ташкент, 1996. С. 181.

Невежество человека задавшего этот вопрос в области истории очевидно. Я ответила ему: «Что вы посоветуете детям? Жить со сладкими воспоминаниями о 20-копеечном хлебе, хрущевских квартирах, уравненных зарплатах, забыв о сотнях безвинно репрессированных и расстрелянных в 30—50-е гг. узбекистанцах. Жить за железным занавесом или прилагать усилия и знания для того, чтобы Родина была свободной, чтобы увидеть мир и взять все лучшее, что в нем есть?» Эти мои аргументы вызвали бурную овацию студентов. Их выступление в мою поддержку были для меня самой большой радостью и наградой за испытанные волнения.

Этот пример заставляет задуматься и о том, что подобные высказывания старших могут сформировать неправильные понятия у уже выросшего в условиях независимости целого поколения 15—20-летних молодых людей, которые имеют очень смутное представление о нашем советском прошлом. Поэтому, мы обязаны дать им объективную историю. Для этого мы должны поставить на хорошую серьезную основу изучение истории советского периода. Многие в этом отношении уже сделано. Но, к сожалению, мы не смогли избежать «болезней роста». Если одна из них — это ностальгическое, неоправданно идеализированное отношение к советскому времени, то другая отражается в попытке «выбросить ребенка из корыта вместе с водой», то есть не оценить всего того, что добыто созидательной силой народа.

Подвергая анализу все пагубные последствия советского тоталитаризма, мы не должны забывать о достижениях народа в этот период. Невиданное развитие культуры, образования, медицины, науки, несмотря на тяжелейшие годы репрессий, войны, свидетельствуют о его величайшей созидательной воле. О непреходящей гениальности наших ученых, писателей, актеров свидетельствует награждение их государственными наградами. Но вместе с тем мы не можем забывать о трагических последствиях политики руководства Советского Союза и бедствиях, обрушившихся на наш народ в результате бездумных реформ.

В советской историографии фактически история этого периода ограничивалась историей компартии и директивных органов. История самого народа выглядела как большой набор ста-

тистических данных, которые должны были показывать только «величайшие достижения» в развитии народного хозяйства. А что чувствовали люди, как они реагировали на реформы советской власти, принимали ли они их безоговорочно? Как они пережили голод 30-х, ссылки и изъятия имущества в период коллективизации, репрессии 30-х, 50-х, 80-х годов, религиозные притеснения? Это, конечно, были вопросы умолчания.

В апреле 2005 г. на Специализированном совете по защите диссертаций Института истории была защищена работа на тему «Письма узбекистанцев в официальные органы как исторический источник». Автором диссертации был М.И. Инатов, который изучил письма более 3 тыс. человек. Это были люди разных социальных слоев — дехкане, рабочие, интеллигенция, описывавшие бедственное положение своих семей, вызванных раскулачиванием, продразверсткой, незаконной конфискацией частной собственности.

Например, житель Бухарского округа, лишенный в 1928 г. земли размером в пять танапов и воды пишет: «Ныне я с семейством, состоящим из пяти душ, находимся на грани голодной смерти... Я баем никогда не был, а был все время в своей жизни дехканином».

Поток писем характеризуется словами: «лишили меня единственного источника существования», «выбросили меня незаслуженно на улицу», «выселили с семьей из собственного дома», «как при таком положении существовать, я не знаю, совершенно разорился». Один человек пишет: «У меня за налоги произвели опись всего имущества, в том числе единственную корову, лошадь, плуг». Торговец пишет: «Я не понимаю из каких соображений я так жестоко обложен налогом, это меня окончательно убило». В этих письмах открывается яркая картина жизни того периода. Письма свидетельствуют, что люди в большинстве своем были очень смелыми, зачастую они не боялись критиковать политику советской власти. Невозможно без слез читать особенно письма матерей, дети которых были обречены на полуголодное существование, а порою на смерть. Таким образом люди выражали протест против политики экономического наступления на товаропроизводителя, административного произвола, идейного давления.

Другой вопрос — это вопрос о национально-освободительном движении в 1917—1924 гг. Порой, при изучении отдельных аспектов данной проблемы, допускаются крены. «Детскую болезнь левизны» переносит на себе и история, так называемого, «басмачества». В годы независимости открылись многие новые документы, доказывающие, что это было движение против советской власти и Красной армии, вызванное недовольством их шовинистической политикой. Сам Турар Рыскулов — один из руководителей Туркестана писал, что налеты на кишлаки, грабежи населения Красной армией и коммунистами, их произвол побудили, недовольное экономическими реформами население, поддерживать басмачей. Однако идеализировать все движение, не выделяя его криминальную часть, не учитывать низкое интеллектуальное сознание большинства их руководителей — это ошибочный путь. Правильно ли нам «делать» национальных героев из Ибрагимбека и Муллы Абдулкаххора, которые хотели возвращения власти эмира Бухарского или Шермухаммадбека, желавшего создать исламскую республику? Нельзя ставить их и на одну планку с Мадаминбеком, который руководил повстанческим движением в Ферганской долине, человеком несомненно широкого кругозора и светских устремлений. Должны ли мы сажать на пьедестал и возводить в национальные герои турецкого подданного Энвера Пашу, как это делают некоторые историки? Ведь амбициозные устремления привели его в Бухару, чтобы возглавить басмаческое движение, потому что не добившись власти в Турции и на Кавказе, он задумал создать халифат в Средней Азии с помощью военных сил Германии, которым он оказывал известные услуги. Думается, что наша история не нуждается в этом. Все это подтверждают и исследования зарубежных историков. Соглашаясь с ними в том, что сопротивление советской власти было самым упорным и самым отчаянным движением в истории восстаний Азии и Африки, мы должны придерживаться принципа всесторонности: объективно изучать не только его достоинства, но и слабости.

Такой сложный вопрос, как положение верующих в этот период также еще изучен слабо. Сейчас мы пожинаем плоды атеистической политики советского периода. Именно религиозная безграмотность, на наш взгляд, сочетающаяся с общей безграмотностью, способствует вливанию молодежи в ряды хиз-

буттахрировцев. В институте истории ведется большая работа по исследованию роли религиозных конфессий в социальной и духовной жизни народов Центральной Азии на протяжении 3-тысячелетней истории. Такую работу необходимо выполнять и в более широком, научно-просветительском ракурсе. Очень много сейчас на прилавках религиозной литературы, но мало популярных изданий по истории религий. Разговаривая недавно на рынке с двумя женщинами, которые были в ритуальной одежде, мы убедились, что у них абсолютно отсутствует представление о смысле ислама. Они сказали, что ничего об этом не читали, но носят эту одежду, так как слышали, что Аллах приказал женщинам закрываться и тогда пришла в голову мысль о том, что такие религиозно-духовные «пустоты» можно заполнить чем угодно.

Говоря о советском периоде истории, необходимо отметить, что самые его трудные страницы — это история 80—90-х годов. Преддверие независимости Узбекистана, один из его ярких периодов истории, когда благодаря усилиям руководства страны была преодолена очередная волна репрессий, опасность экономического хаоса и гражданского беспокойствия. Как все это происходило? Как шло становление независимости, шаг за шагом, какие трудности были преодолены, какие достижения мирового уровня есть у нас. Все это поможет нам понять изучение истории эпохи независимости и сравнительный анализ советского периода, являющиеся одними из актуальных задач коллектива Института истории.

Есть у некоторых историков и такая негативная тенденция, как оценивать все события, связанные с завоеванием Российской империи Средней Азии с точки зрения национальной принадлежности. Однако мы знаем, что народ завоевателей и завоеванный народ на самом деле никогда не имели претензий к друг другу. Как правильно говорит академик Э.В. Ртвеладзе: «Простая истина — не народ сам по себе стремился завоевать и покорить подобных себе, а правящие династии и их вожди, завуалировав этническими и классовыми знаменами свое болезненное стремление к мировому господству и неумную страсть к обогащению»¹. Однако это до сих пор объясняется

---

¹ Ртвеладзе Э.В. Штрих к познанию исторической проблемы // Россия—Узбекистан: в прошлом и настоящем. — Москва, 2000. С. 11

некоторыми историками цивилизаторской миссией держав-завоевателей. Президент Узбекистана И.А. Каримов писал: «... так называемая цивилизаторская миссия великих держав не только порождала и укрепляла губительную психологию собственной исключительности и пренебрежения к окружающим, но и вызывала соответствующую реакцию, тем более, если это цивилизация насаждалась силой, сопровождалась ущемлением национального достоинства и гордости, умалением национальных, культурных и духовных ценностей, физическим уничтожением их носителей»¹.

Это в полной мере относится и к извращенной национальной политике компартии и советской власти, преследовавших цель как можно больше ограничить развитие национального самосознания народов СССР, и для которой «интересы подчиненных народов всегда имели второстепенное значение». Такой оценки придерживается большинство историков стран СНГ. Поэтому вызывает одобрение мнение известного историка, директора Института всеобщей истории РАН академика А.О. Чубарьяна о необходимости рассмотрения вопроса о создании совместной комиссии историков стран СНГ для разработки общих подходов к освещению периода нашей совместной истории. Более того, он предлагает при создании учебников учитывать необходимость разоблачения мифов о советском периоде. Нам всем ясно, что они представляют идеологическую угрозу для нашей молодежи, которую мы должны воспитывать в духе стремления укреплять и развивать нашу независимость.

Историю не выбирают. Прошлое может быть блестящим и победоносным и в то же время тяжелым и трагидийным. И не только историк, но каждый на своем месте, будь то студент, учитель, предприниматель или государственный деятель, должен знать и извлекать из нее позитивные импульсы, которые могли бы служить для дальнейшего прогресса. Ибо, как говорил великий Мигель де Сервантес Сааведра, «История — сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего».

---

¹ Каримов И.А. По пути безопасности и стабильного развития. Т. 6. — Ташкент, 1998. С. 62.

ИСТОРИЯ РАССТАВИЛА ВСЕ ПО СВОИМ МЕСТАМ*

— Понятие «гражданское общество» сравнительно недавно появилось в лексиконе людей. Последние 200 лет на нашей планете произошли глобальные изменения, в основу которых были положены гражданские инициативы, воля и решения. А каковы были истоки гражданского общества в Узбекистане?

С этого вопроса началась беседа с директором Института истории Академии наук Узбекистана, профессором Дилором Алимовой.

— Давайте, сначала определим понятие «гражданское общество». Первоначально оно сформировалось в процессе европейских революций, в связи с обозначением той части активных граждан, благодаря которым стали возможны изменения общественного строя отдельных стран. Но это не означает, что это явление новое. Его элементы фигурируют и в древнегреческой истории, истории Римской империи, а также на Востоке. Сейчас же это понятие обрело несколько иную формулировку. Гражданское общество — это формы социальной активности граждан, существующие вне государственных сфер жизни, не отождествляющиеся с властью. Составляющими гражданского общества являются общественные организации, профессиональные объединения, профессиональные союзы, партии и другие структуры, пытающиеся решать насущные вопросы современности в деле построения правового, демократического государства.

В условиях авторитарных и тоталитарных политических систем, когда государство является абсолютно доминирующим, а народу отводится лишь роль подчиненного ему, гражданское общество, номинально существуя, наделено лишь «декоративными» элементами гражданственности. Оно не может полностью проявить собственные политические и социальные воззрения, так как государство, контролируя общественные организации, в лучшем случае допускает дозированное существование определенных демократических прав и свобод. Ярким приме-

---

* Интервью с корреспондентом журнала «Тафаккур». Беседу вела Муясар Максудова.

ром декларативного существования гражданского общества являлось советское государство, законы которого утверждали права и свободы граждан, а в реальности действовала запретительная, репрессивная антигражданская политика.

Гражданское общество стало наиболее распространенным понятием, критерием демократии в мире во второй половине XX в. Что касается истоков гражданского общества в нашей стране, то оно имеет, конечно, многолетнюю историю. Издревле, общества, существовавшие на территории нашей страны, имели свои позиции по развитию государственности, культуры и хозяйственной жизни.

Древнейшее свидетельство этому — Авеста, которой 2700 лет. Это свод законов и традиций, по которым развивалось общество. Она свидетельствует о достаточно высоком уровне морали, права, законности и интеллектуальности. Наличие в обществе отношений альтруизма — бескорыстной доброты, позитивного отношения к жизни и миру — свидетельствует о стойких позициях общества и четком разделении понятий Добра и Зла. Широко известен призыв автора Авесты Заратуштры, заключающийся в следующих словах: «Приветствую добрую мысль, доброе слово, доброе дело. Посвящая себя доброй мысли, доброму слову, доброму делу. Отворачиваю лицо свое от всех злых мыслей, злых слов и злых дел». Это значит, что общество и личность должны были обладать силой и энергией созидания и развития. Это была позиция не властных структур, а людей, обладавших понятиями гражданственности. Другой пример из средних веков. Одной из наиболее ранних общественных организаций в мусульманском обществе являлось движение шуабитов, возникшее среди тюрков в VIII в. и направленное против Арабского халифата. Оно выступало против господства арабов и арабского языка в политической и культурной жизни общества. В целом на протяжении всей истории нашей страны значительную ее часть занимает национально-освободительная борьба против иноземных захватчиков, что само по себе говорит о гражданской позиции ее участников.

Теперь я хочу остановиться на самом активном периоде проявления гражданственности и пробуждения сознания у нашего

народа, попытках создания национальной государственности представителями прогрессивной интеллигенции.

В силу того, что в XIX в. Европа оказалась в эпицентре бурных политических и общественных процессов, мощного развития новых технологий и научных открытий, происходит выдвижение этих стран в разряд лидирующих. Возникшее еще в XVI в. разделение государств и народов мира на господствующих и подчиненных, одной из причин которого явились Великие географические открытия и ослабление значения Великого шелкового пути, привело в XIX в. к еще большему усилению Запада и ослаблению Востока. И к середине XIX в. Туркестан стал одним из основных сырьевых придатков Российской империи, т.е. колонией России. Располагавшиеся на территории нынешнего Узбекистана ханства — Кокандское, Хивинское и Бухарское, экономика и военное положение которых оставались на крайне низком уровне, к тому времени были обессилены междоусобными войнами, что облегчило завоевание первого и превращение двух других в вассалов.

Начиная с конца XIX в., среди передовой части узбекского народа происходит процесс осознания удручающего положения страны: политика, экономика, культура, образование находятся в кризисном состоянии, отягощенном колониальным режимом царской администрации. Общество в своем развитии отстает, даже по сравнению с другими азиатскими странами. В первую очередь это определялось чрезвычайной религиозностью, причем религия стала играть больше бытовую, традиционную роль, нежели духовную. Она потеряла свое философское значение, понятие «все идет с Востока» перестало быть актуальным.

Гражданское общество со свободой слова, прав, объединений, расцветом демократических основ — вот к чему стремилась интеллигенция Средней Азии конца XIX — начала XX вв. Именно она оказалась первой движущей силой гражданских инициатив и свобод.

— Кто составлял интеллигенцию Туркестана?

— Наиболее просвещенные люди, получившие образование сначала религиозное в местных медресе, затем светское за рубежом. Сейчас имена многих из них стали известны широкой

общественности. Когда мы говорим «интеллигенция», то в первую очередь подразумеваем уровень образованности человека. Хотя нельзя отрицать и происхождение, семейно-родовые связи. Человек необразованный вряд ли задумается о судьбах народов, о причинах отсталости, о способах самовыражения.

Один из прогрессивных людей начала XX в. Махмудходжа Бехбуди, побывав за рубежом, сравнивал жизнь в своей стране с другими странами. Так, совершенный им хадж в Мекку через территорию России и Египта вызвал у него много серьезных размышлений. Их он опубликовал в журнале «Ойна». Цикл из пятнадцати статей ставил множество вопросов. В каком тупике находится Туркестанское общество? Почему мы так живем? К чему мы идем? Что нам надо делать?

М. Бехбуди и его соратники стали понимать, что нужны реформы, которые ликвидировали бы отсталость страны. Первоначально их позиции склонялись к преобразованиям в просветительстве, которое смогло бы поднять общество на более высокий уровень. Однако ознакомление с опытом зарубежных стран, а также просветительская деятельность привели к тому, что они осознали: без политических изменений в стране, где правит колониальный режим, эти реформы трудно претворить в жизнь. Прогрессивные люди стали добиваться политических прав и свобод, начиная с самого малого — свободы слова. Они открыли прежде всего новые школы с европейским методом обучения, затем газеты, журналы, но их постоянно контролировали, часто закрывали. Царская власть не была заинтересована в развитии местного общества. Постепенно, активность передовой части населения, выразившаяся в движении под названием «джадидизм», переросла в общественно-политическое движение. Так, в первой четверти XX в. начинаются различные процессы в обществе, идут споры, происходит слияние и раскол мнений, создаются общественные и политические организации, движения, партии. Это, я считаю, с точки зрения истории зарождения гражданского общества — самый интересный период в нашей истории.

С 1915 по 1917 год, особенно после Февральской революции, джадиды работали над формами государственного управления Туркестаном. Но, связывая надежды с реформами Временного правительства, потеряли много времени и убедились, что

правит тот же колониальный режим. И вскоре они определились с положением будущего Туркестана. Они хотели создать независимую Туркестанскую республику в составе Российской федерации, прекрасно понимая, что на тот момент было невозможно полностью отделиться от России. Основное внимание в программных документах джадидов уделялось механизму обеспечения главных направлений национально-территориальной автономии — созданию верховных органов хокимията с независимыми полномочиями для принятия законов по вопросам, входящим в прерогативу Туркестанской федеративной республики, выработке механизма управления и судебного исполнения и, в целом, созданию собственного суверенного государства. В качестве формы правления была избрана республика. Конечная преследуемая цель — развитие демократического общества на основе широких прав, свобод и конституционной законности. Когда был объявлен октябрьский декрет большевиков «О праве нации на самоопределение», джадиды воспользовались этим и в г. Коканде создали независимую автономию — Туркистон Мухторияти, которая просуществовала лишь два с лишним месяца и была потоплена в крови большевиками.

Имея свои позиции и считая, что большевизм — утопия для Туркестана, джадиды, к сожалению, не смогли противостоять идеям большевиков. Ограничиваясь тем, что им вместе — не по пути, они не смогли организовать открытого сопротивления.

— В чем различие между джадидизмом и большевизмом? Ведь и те, и другие были против самодержавия?

— Джадиды были против национализации частной собственности. Они считали, что государство не имеет права лишать человека его владений, собственности. Построение нового строя должно основываться на светских началах, но с учетом особенностей быта, традиций, верования мусульман. По их мнению, основа демократии должна зиждиться на толерантности, обеспечении прав и свобод, на развитии образования. При этом не только на словах, но и в поступках, действиях они были толерантны. К примеру, в независимом кокандском правительстве одна треть состава была представлена различными националь-

ностями. Многие из сказанного в корне не устраивало большевиков. Они утвердили жесткую форму власти рабочих и крестьян, тем самым отменяя многое из прошлого и пытаясь вытравить у народа историческую память. Время все расставило по местам. История этого тоталитарного государства известна, понятны и причины его распада.

Современные для того времени устремления джаидов не были претворены в жизнь. Истоки их поражений, я считаю, заключены и в том, что они очень плохо разбирались в экономике. Среди них не было ни одного экономиста. Кроме того, они были слишком романтичны и доверчивы. В борьбе с большевиками были они слишком либеральны, как и во всем другом, им были не свойственны быстрые кардинальные и категоричные решения. И, в отличие от большевиков, они были слишком интеллигенты. Это тот случай, когда интеллигентность не служит пользе дела. После подавления Кокандской автономии часть джаидов подалась в басмачество, часть — уехала за границу, оставшиеся продолжали работать с Советами, а со временем была подвергнута репрессиям.

Вот такой неутешительной была судьба тех, кто попытался своим путем построить основы гражданского общества в Туркестане. Однако исторический опыт стал важным звеном в развитии гражданского общества.

— Какова роль исторической науки в становлении гражданского общества?

— Роль истории в построении гражданского общества можно определить лишь в том случае, если верно трактуется суть самой науки. Любые исследования будут считаться беспристрастными и достоверными, если не подчинены тоталитарной идеологии и политике. Нужно навсегда уяснить, что основная идеология истории — это объективность. Гражданское общество в своем развитии опирается на опыт, анализ, критику исторического прошлого. Государственная власть при определении приоритетов все же должна учитывать объективный исторический опыт, почерпнутый из адекватно созданных, на основе научной методологии, исторических сочинений.

М. Бехбуди говорил: «Прошлое — это весы будущего». Это — не просто слова, которые из-за лаконичности и философской основы следует поместить в рамку и повесить на стенку. Насколько верно высказывание, может каждый судить по себе. События, поступки, мысли человека в прошлом приведут или оттолкнут от последующего равновесия в жизни.

Здесь я хотела бы остановиться на таком моменте, как роль личности в истории. Одним из основных постулатов советской историографии было: «Историю делает народ». Она в те времена была безличностна. Советские историки боялись говорить о своих знаменитых предках. Это не приветствовалось, более того осуждалось. Нередко узбекских историков обвиняли в «идеализации феодального прошлого». Не отвергая того, что без участия народа невозможно продвижение, давайте не забывать, что история во многом зависит от личностей, от лидеров, которые дают идеи. Примеров тому масса. Эти идеи формируют круг единомышленников, готовых изменить нашу жизнь. Благодаря именно таким людям создаются партии, общественные организации, объединения, идет продвижение демократии.

Об одной из личностей с высокой гражданской позицией я хочу здесь упомянуть. Основоположник археологической науки в Узбекистане академик Я. Гулямов никогда не шел на поводу у чьего-то мнения, пусть даже из самого верхнего эшелона власти. Тем более, если это шло вразрез с наукой или делом. Прекрасно разбираясь в древней истории, он также прекрасно мог соотнести свои знания с действительностью. Ученый открыто писал руководству страны о недопустимости разбазаривания национального наследия, считая, что если мы не будем помнить и бережно хранить историческое прошлое, то станем манкуртами. Благодаря ему удалось отстоять от варварского уничтожения многие древнейшие памятники, в том числе и от распаивания под хлопчатник заповедных территорий.

Я. Гулямов был не только большим ученым в исторической науке, но и личностью в истории. Говоря: «Узбекистан еще прорвется», — он предвещал нынешнее время. В этих словах сказывались его историческая прозорливость и чувство высочайшей гражданственности.

НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА

СТОЛЕТИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ. ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА*

Известно, что каждый век продолжает предыдущее столетие и в то же время несет с собой неповторимое своеобразие, принося в историю человечества свою лепту. И в каждом веке происходят столкновения разных тенденций, идей и течений, схождения и разломы. XX столетие в сонме веков выделяется удивительным сочетанием парадоксов и экстремальными взрывами, сменой прямо противоположных явлений, событий и ситуаций. С одной стороны, в это время шло продолжение традиций, заложенных в XIX в., некоторые из которых отбрасывали общество в эволюционном развитии назад, с другой — произошел общий невероятный скачок в развитии технологии, науки и культуры, и как следствие этого, в идейном развитии общества. Можно сказать, что в XX в. спокойная эволюция и убыстряющийся ритм истории соседствовали с тенденцией к глобализации, к революционным переменам и взрывам, кардинальным изменениям как политических, так и физических границ различных стран земного шара.

XX век — это взлет человеческой свободы и беспрецедентное нарушение прав человека, стремительный рост рождаемости, увеличение численности населения в ранее невиданных размерах и уничтожение многих миллионов людей, особенно в годы Второй мировой войны. XX столетие войдет в анналы истории и крахом империй, в том числе под названием СССР. Можно еще долго характеризовать ушедший век. Но историки привыкли давно ушедшие века называть одним характерным словом: век каменный, век бронзовый, век ренессанса и т.д. К противоречивому XX в., возможно потому, что он ближе, труд-

---

* 2002 год. (В соавторстве с А.А. Головановым).

но подобрать одно слово, но можно — век атомный, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами, повлиявшими на все сферы жизни человека.

Каким же этот век был непосредственно для нашей страны, большую половину которого она прожила в несвойственных ее менталитету условиях, навязанных пришлой властью?

В начале XX в., когда Туркестан являлся колонией Российской империи, происходили противоречивые явления: с одной стороны, бурное вторжение капитализма в Среднюю Азию, организация сети российских банков, строительство заводов и фабрик, железных дорог, с другой — все большее превращение страны в сырьевой придаток метрополии, обусловливавшей и закреплявшей ее экономическую отсталость.

То же самое происходило с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, ставшими к этому времени всецело политически и экономически зависимыми от России протекторатами. Ф. Ходжаев очень образно охарактеризовал состояние Бухарского эмирата: «Географическое положение в самой глубине Средней Азии, вдали от столбовых дорог современной культуры, но в самом центре мировых путей древности, забитое безграмотное население, и в то же время на каждом шагу следы высокой национальной культуры, ... тяжкий деспотизм эмира и весь строй древней деспотии, искусственно консервируемый и укрепляемый русскими штыками, — такова была эмирская Бухара»¹. Однако именно эти обстоятельства, а также земельный вопрос повлияли и ускорили бурное развитие народных движений, вызванных ущемлением прав местного населения. Как пишет известный британский историк Джеффри Хоскинг, после того, как российская армия завоевала оазисы Средней Азии, местные крестьяне начали постепенно вытесняться с лучших земель переселенцами из России, в результате чего нарастало недовольство и сопротивление народа².

Общепринято считать, что одной из причин завоевания Российской империей Туркестана являлось соперничество с Англией в этом регионе, нужда в хлопке и, как отмечали сами завоева-

¹ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. — Ташкент, 1926. С. 7.

² См.: Хоскинг Д. История Советского Союза (1917—1991). — Смоленск: Русич, 2000. С. 87.

тели, укрепление границ и защита их от нападений кочевников из Средней Азии. Однако одной из основных причин, на наш взгляд, был земельный вопрос. Вспомним, что до 1861 г. российские крестьяне не имели права владеть землей. До этого времени цари оделяли своих сановников за определенные заслуги землями, помимо того, что ее можно было получить в наследство. Стоящие у власти распоряжались «крестьянскими» душами как домашним скотом: продавали и, как гоголевский Ноздрев, даже обменивали «на борзых собак». Доведенные до отчаяния российские крестьяне восставали, зачастую убивали помещиков, «пускали красного петуха», то есть поджигали имения господ. Многочисленные восстания (вспомним самые крупные из них — Степана Разина и Емельяна Пугачева), а также давление на царей со стороны видных политиков-прогрессистов вынудили все же совершить реформу в этой области. В 1861 г. Александр II издал манифест, и крепостное право было отменено. Но это не означало, что крестьяне получили в свое пользование землю. Сравните следующее: 30-и тыс. помещиков принадлежало 64,7 млн гектаров земли, а 10-и млн крестьянских семей за выкуп крестьянским общинам было передано 68,8 млн гектаров. Существующая острота земельного вопроса нашла выход в политике внешних завоеваний России. Защищая интересы своих помещиков и дворянства, царское правительство вместе с тем опасалось крестьянских волнений, а в результате завоеваний можно было переселить их на Кавказ, в Сибирь и особенно в Туркестан. На территории Казахстана, по данным официальной статистики, 45 млн гектаров земли было отдано переселенцам из России.

В начале 90-х годов XIX в. число переселенцев в Туркестане было свыше 160 тыс., 13 процентов из них проживало в городах, 87 процентов — в 116 организованных поселках и вокруг железнодорожных станций¹. Еще до создания Туркестанского генерал-губернаторства К.П. Кауфман сообщал в метрополию, что переселенным из Сибири и Урала казакам здесь отданы лучшие земли и они взяли под свой контроль даже мелкие речки, распоряжаясь водою и богатея за счет этого.

---

¹ См.: *Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае. В конце XIX — начале XX вв. (Социально-экономический аспект). — Ташкент, 1983. С. 46.

В начале XX века в Туркестан было переселено уже около 750 тыс. крестьян, казаков и городской бедноты, которым было отдано 600 тыс. десятин поливных и 2 млн десятин неполивных земель, экспроприированных у местного населения¹. В то время в самой большой области — Сырдарьинской на 761 тыс. 300 дехкан приходилось 111 тыс. 584 переселенца.

Таким образом, крестьяне-переселенцы явились опорой царского правительства в Туркестане. Ущемление прав населения края приводило к многочисленным восстаниям и волнениям. Кульминационным моментом и завершающим цепь подобных взрывов в этом столетии явилось крупное антиимперское восстание 1916 г. Побудительной причиной восстания, прокатившегося по всему Туркестану, стала отправка местного населения на тыловые работы. Как известно, тогда шла Первая мировая война. Чаша терпения народа иссякла, и это был самый сильный завершающий взрыв, пошатнувший устои колониализма. Однако даже после восстания на тыловые работы в прифронтовой полосе, а также на военные заводы было отправлено из Туркестана 123 тыс. человек². Суду было предано 3 тыс. человек, а 1 тыс. 588 из них были казнены и осуждены на разные сроки тюремного отбывания³. По документальным данным, для умирения беспорядков в Туркестан из России было отправлено 14 батальонов солдат, 33 сотни, 42 орудия, 68 пулеметов⁴.

Таким образом, Первая мировая война и новая эпоха европейского колониализма не обошли и Туркестан, который бурлил словно вулкан. Не оставили его в стороне и события 1917 г., возбудив здесь мощное национально-прогрессивное движение, провозгласившее своей целью независимость и свободу. Страна превратилась в арену столкновения идей, течений. Национальные прогрессисты М. Бехбуди, А. Фитрат, Мунаввар кары, У. Ходжаев и другие свои мечты связывали с падением царизма, но вскоре убедились, что и Временное правительство России,

---

¹ См.: *Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае. В конце XIX — начале XX вв. С. 71.

² ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 31, д. 1159, л. 62—63.

³ Там же, д. 1100, л. 101—113.

⁴ См.: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. — Москва, 1960. С. 73.

и его представительство в Туркестане — Временный комитет ведут ту же колониальную политику.

Судьбоносным событием века стал захват власти большевиками. Казалось бы, как не имевшая популярности революция в крае, учитывая незаинтересованность в ней прогрессивной интеллигенции, тем более отчужденность самого народа, могла так легко «победить в Туркестане», как об этом громогласно телеграфировали местные большевики в Центр? Как кучка коммунистов и железнодорожных рабочих могла перевернуть власть? Возможно, именно незадействованность достаточного числа местного населения в политических процессах, инертность джадидов, незрелость политических движений и партий, а главное — переворот в самой метрополии — и облегчили захват большевиками власти в Туркестане.

Тем не менее именно огромная волна национального самосознания, усилившаяся в результате противостояния двух течений — большевистского и национально-демократического, привела к созданию Туркистон Мухторияти — первого демократического национально-государственного образования, просуществовавшего, к сожалению, всего лишь чуть больше двух месяцев (с конца ноября 1917 г. до начала февраля 1918 г.). Вернее всего, это была попытка национальных демократов строительства нового общества, основанного на великих традициях прошлого, с привлечением лучших традиций развития Востока и Запада. По всему Туркестану прокатились митинги в поддержку Туркистон Мухторияти. В Ташкенте такой митинг, организованный Мунаввар кары Абдурашидхановым, был расстрелян и разогнан большевиками. Вскоре в феврале была разгромлена и республика. Две трети Коканда было разрушено и сожжено, банки, торговые лавки, дома были разграблены, а 10 тыс. человек были убиты в Коканде. В те дни «Наша газета» писала: «Коканд превратился в город мертвецов»¹.

В завершающей части этой операции, по данным исследователя этого вопроса М. Хасанова, было использовано 12 артиллерийских орудий². Причем в зону обстрела, продолжавшегося с 13 часов дня до темноты, попали не только дома мирных

¹ Наша газета. 1918. 28 февраля.

² См.: Хасанов М. Альтернатива. Из истории Кокандской автономии // Звезда Востока. 1990. № 7. С. 116.

жителей старой части Коканда, но и мечети, где пыталось укрыться население. Затем были задействованы воинские части под командованием военного комиссара Е. Перфильева и отряд боевиков «Дашнакцутюн». Ворвавшись в старый город, они грабили дома, к ним присоединялись и красноармейцы. Документы, в частности... докладные и переписка самих большевистских руководителей свидетельствуют об этом. Например, неизвестный Д. Манжара, признавая ошибку, писал, что «вместо того, чтобы окружить тесным кольцом старый город и заставить всех сдаться... мы открыли артиллерийский огонь по старому городу, а потом пустили вооруженных дашнаков и другие отряды. В результате, начались грабежи и насилия, от которых пострадало население»¹.

Разгром Туркестанской автономии повлек за собой организацию и развитие, так называемого по советским меркам, «басмаческого движения». Если учесть, что эти события развивались на фоне голода, упадка сельского хозяйства, промышленности, политики продразверстки, когда у населения изымались не просто излишки, а последние продукты, то мы поймем, почему оно стало массовым. Политика «военного коммунизма», когда было все под контролем «вооруженного пролетариата», то есть партии и Красной армии, довела народ до нищенства. Чтобы понять, что такое «военный коммунизм», представьте себе картину: осада экономики коммунистической идеологией. Хаос. Бессонные комиссары в кожаных куртках, работающие круглые сутки в тщетной попытке заменить свободный рынок. В таких социально-экономических условиях и возникло движение сопротивления советской власти, длившееся до середины 30-х годов. Сюда добавим и идеологические предпосылки. Советская власть ликвидировала вакуфы, закрыла конфессиональные школы, запретила суды казиев, объявила кампанию за раскрепощение женщин под названием «Худжум».

В ряду сторонников сопротивления было немало дехкан, недовольных советской властью. Только в Ферганской долине действовали группировки общей численностью более 70 тыс. человек². В Бухарском же регионе их было свыше 40 тыс., в Хорезме — более 20 тыс.

---

¹ ЦГА РУз, ф. Р-1747, оп. 1, д. 1, л. 67.

² ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 336, л. 224—240.

Советская власть явно находилась под большой угрозой. Конечно, движение сопротивления было во многом стихийным, плохо организованным, действия различных групп отличались несогласованностью. К тому же внутренняя борьба за главенство между их руководителями, отсутствие достаточной образованности не дают нам права называть его поистине прогрессивно-демократическим. Оно по своему интеллектуальному уровню стоит гораздо ниже национальных политических движений накануне февраля 1917 г. Но вместе с тем это была поистине всенародная борьба с Красной армией и новой властью.

В партийных документах того времени открыто говорилось, что основной причиной столь долгого существования басмачества является то, что само население до последнего времени не сказало своего веского слова бандитам. Иначе говоря, население поддерживало сопротивленцев и «при всем желании не могло увидеть в пришельцах избавителей от старого гнета и проводников ко всеобщей диктатуре пролетариата, а увидело в них новых поработителей, покоряться которым не позволили ему обычаи и религия». Здесь же отмечалось, что «наряду с действительно ценными политическими работниками сюда прибывали малосознательные рабочие, красноармейцы и матросы, абсолютно не знакомые ни с какой историей вообще, и, в частности, с историей Туркестана», которые начали «углублять революцию в кишлаке через организованные органы особых отделов и ЧК, применяемые в Рязанской губернии, но абсолютно непригодные в Туркестане.

Если подробно остановиться на фактах возмутительного насилия, чинимых над населением, пришлось бы исписать целый ворох бумаги о «подвигах» этих лиц... В Самарканде, например, между карательными органами было соревнование, кто из них больше за ночь расстреляет заключенных». Фактически «прибывшие работники сплеча стали рубить вековое дерево мусульманского строя, попирая обычаи страны, топча религиозные чувства старого религиозного фанатика, желая, по-видимому, чуть ли ни в течение одного года сделать из него интернационалиста». В другом документе пишется, что «устранение, запрещение, наказание — вот те три кнута, на которых базируется все мирозерцание и политическая мысль особиста». Сами же боль-

шевики были вынуждены признавать неверность своей политики в Туркестане.

После образования СССР, которое было проведено волюнтаристски «сверху», продекларированные в конституциях права республик были чрезвычайно ограничены центральной властью. Диктатура Сталина, свертывание нэпа, бесчисленные репрессии, борьба с национализмом (под ним понималось развитие культуры, опирающейся на традиции прошлого), коллективизация сельского хозяйства, сопровождавшаяся насилием над дехканами, ломкой старого традиционного уклада, индустриализация, проведенная невероятными «сверхударными» темпами и стоившая жизни многих тысяч узбекистанцев, — все это напоминало вулкан, периодически и время от времени успокаивающийся. И на фоне этих чрезвычайных ситуаций благодаря усилиям народа шло развитие буквально во всех сферах жизни. Заметно вырос образовательный уровень, больших успехов достигли наука и культура.

Деятельность джадидов, начатая задолго до октябрьского переворота, давала свои плоды. Просветители и их последователи открывали школы с преподаванием на родном языке I ступени (пятилетнее обучение) и II ступени (четырёхлетнее обучение), обеспечивали их учебниками и учебными пособиями, занимались организацией педагогических институтов, курсов подготовки учителей и др.

К началу 1928/29 учебного года число общеобразовательных школ I и II ступеней равнялось почти 2,5 тыс.

Широко развернулась кампания по ликвидации безграмотности (ликбез) среди взрослого населения. Уже в 1921/22 учебном году во многих городах и сельских местностях республики действовали более тысячи школ и курсов ликбеза, которыми было охвачено 50 тыс. человек¹. В первые годы эта кампания проходила с трудом: не хватало преподавателей, школьных зданий, учебных пособий и принадлежностей, материальных средств. Но со временем трудности преодолевались: совершенствовались формы и методы обучения взрослых людей, не-

---

¹ См.: Ўзбекистоннинг янги тарихи. К. 2. Ўзбекистон совет мустамлакачилик даврида. — Тошкент: Шарқ, 2000. Б. 271.

сколько расширилась сеть школ, возросла численность местных учителей.

В числе организаторов новых школ, вошедших в историю в качестве первых учителей, были Х.Х. Ниязи, Т. Шермухамедов, Т.Н. Кары-Ниязов, Э. Камиллов, А. Набиходжаев, Г. Назаров, М. Кадырова, З. Палванова, П. Каюмов, К. Абдурашидов и др.

В стране была разработана программа ускоренной подготовки педагогов. Чтобы удовлетворить потребность школ в учителях, была создана широкая сеть педагогических учебных заведений: училища, техникумы, пединституты. В них ускоренными темпами готовились новые преподавательские кадры. К концу 20-х годов их число в республике приблизилось к 5,5 тыс.¹ В 1930 г. было введено всеобщее начальное образование. В конце 30-х годов приступили к осуществлению программы всеобщего семилетнего образования. В 1940 г. в республике действовало более 5,5 тыс. общеобразовательных школ всех видов, в которых училось около 1,3 млн детей. Однако охватить образованием всех детей школьного возраста все еще не было возможности: состояние школьных зданий не соответствовало необходимым требованиям, во многих из них не было оборудования, спортивного инвентаря, не хватало учителей.

В этот период была начата работа по организации среднего специального и высшего образования. Государство, исходя из классовых принципов, гарантировало поступление в эти учебные заведения рабочих и дехкан. Представители других сословий туда не принимались. Для обеспечения подготовки в вузы была создана сеть рабочих факультетов (рабфаков). В конце 20-х годов в вузах республики училось около 4 тыс. студентов, в основном из семей рабочих и дехкан.

Но несмотря на недостатки к концу 30-х годов в республике действовало 30 высших учебных заведений и 98 техникумов, где училось свыше 44 тыс. студентов². Число выпускников институтов и техникумов возросло в несколько раз.

---

¹ См.: Ўзбекистоннинг янги тарихи. К. 2. Ўзбекистон совет мустамлакачилик даврида. — Тошкент: Шарқ, 2000. Б. 388.

² Там же. Б. 385.

В 20-е годы в республике были открыты первые научно-исследовательские учреждения. 30-е годы ознаменовались выдающимися научными открытиями и изобретениями. Появились национальные специалисты, из которых впоследствии сформировались крупные ученые: геологи Х.М. Абдуллаев, Г.А. Мавлянов, Н.А. Кенесарин, математики Т.Н. Кары-Ниязов, Т.А. Сарымсаков, физик У.А. Арипов, биологи Т.З. Захидов, Д.К. Саидов, А.М. Музаффаров, А.Т. Туляганов, химики А.С. Садыков, А.С. Саттаров, С.Ю. Юнусов, Х.У. Усманов, К.С. Ахмедов, энергетики Х.Ф. Фазылов, Г.Р. Рахимов, философ И.М. Муминов, археолог Я.Г. Гулямов, историк П. Салиев, которые стали основоположниками новых научных направлений и школ.

В 1932 г. при ЦИК Узбекистана был создан Комитет наук, преобразованный в 1940 г. в Узбекский филиал Академии наук СССР. В 1941 г. в республике действовало 75 научных учреждений, где работало более 3 тыс. научных работников¹.

В 20-е годы мастера старшего и молодого поколений обогатили узбекскую национальную литературу своим творчеством. Такие известные писатели и поэты, как А. Кадыри, А. Фитрат, Г. Зафари, Х. Хамза, А. Чулпан и другие, создали ряд теоретических, поэтических и драматических произведений, посвященных историческому прошлому народа, его борьбе за свободу, освобождению женщин, переменам в обществе.

Ряды писателей и поэтов пополнялись новыми именами. В это время в литературу пришли Гафур Гулям, Айбек, Гайрати, Хамид Алимджан, Абдулла Каххар, Айдын Сабирова, Уйгун, Камиль Яшен, Усман Насыр, Амин Умари, Зульфия — поколение талантливых поэтов, прозаиков и драматургов. В марте 1934 г. в Ташкенте прошел съезд писателей, на котором был образован Союз писателей Узбекистана.

В эти годы народ познакомился с дастанами народных поэтов Фазыл-шоира, Ислам-шоира, Эргаша Джуманбулбул-оглы и других, воспевавшими высокую нравственность народа, его патриотизм. Эти годы отмечены и появлением переводов классических произведений мировой литературы и драматургии: «Гамлет» У. Шекспира, «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Бах-

¹ См.: *Ўзбекистоннинг янги тарихи*. К.2. Б. 391.

чисарайский фонтан» А.С. Пушкина, «Ася» и «Вешние воды» И.С. Тургенева, рассказы и повести Н.В. Гоголя и А.П. Чехова, стихи А. Блока, романы Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, которые сыграли важную роль в приобщении народа к мировому духовному наследию.

Однако творческая жизнь республики 20—30-х годов характеризовалась столкновением противоположных течений. С одной стороны, созданное в начале 20-х годов под руководством А. Фитрата объединение «Чигатой гурунги» стремилось создать новую узбекскую национальную литературу, язык и культуру, собрать и изучить литературно-культурное наследие, оказать помощь талантливой молодежи. С другой стороны, в это время о себе заявил Пролеткульт, который ставил своей целью сформировать новую пролетарскую культуру, основанную на классовом подходе.

Узбекская национальная драматургия и музыка, театр и кино, изобразительное и прикладное искусство служили источниками развития духовной культуры народа. В эти годы в музыкальном, театральном и киноискусстве появились талантливые национальные кадры. Много усилий для развития узбекской национальной музыки приложили узбекские композиторы Т. Джалилов, Ю. Раджаби, М. Ашрафи, Т. Садыков, М. Бурханов. Благодаря таланту выдающихся режиссеров и актеров М. Уйгура, М. Кариевой, А. Хидоятова, С. Эшантураевой, Ш. Бурханова, А. Ходжаева, М. Кузнецовой, Р. Хамраева, Ш. Каюмова, Т. Саидазимовой и других начался расцвет театрального искусства Узбекистана. Высочайшего мастерства в области вокала и танца достигли Х. Насырова, К. Закиров, М. Якубов, Б. Мирзаев, Л. Сарымсакова, Тамара-ханум, М. Тургунбаева и др.

В 1936 г. открылась Ташкентская консерватория, в 1939 г. — театр оперы и балета им. А. Навои. К 1940 г. в республике работало 50 театров разных направлений, 35 из которых были национальными¹.

Активно развивалось и узбекское киноискусство. Его основоположники Н. Ганиев, Ю. Агзамов, С. Искандаров, А. Умаров,

---

¹ Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан (Далее — ААП РУз), ф. 58, оп. 19, д. 946, л. 79.

К. Ярматов, Р. Пирмухамедов и другие совместно с кинематографистами Москвы и Ленинграда на киностудии «Узбекфильм» сняли первые фильмы.

В 1932 г. был образован Союз художников Узбекистана. Талантливые узбекские художники У. Тансыкбаев, Т. Хамдами, Д. Абдуллаев создали свои прекрасные художественные полотна.

Такое бурное развитие в культуре, как ни парадоксально, сопровождалось все усиливающейся идеологизацией общества. Административно-командная система под прикрытием партийных лозунгов все более вмешивалась в творчество интеллигенции, контролируя всю духовную жизнь республики. Творчество было подчинено принципам партийности, сужавшим возможности широкого охвата жизни и познания мира. Призыв Компартии — воспевать новую жизнь привел к тому, что появилось негативное отношение к прошлому народа, отрицалась историческая преемственность в художественном процессе. В культуре стали усиливаться тенденции приукрашивания сложных социальных проблем, умалчивания ошибок и недостатков. Извращение правды жизни способствовало ослаблению воспитательной силы искусства.

На всем протяжении «наступления социализма по всему фронту», как выражались в 30—50-е годы, продвижение вперед сопровождалось бесконечными трагедиями, и достижения в развитии были добыты ценой страданий и лишения жизни людей.

Первая волна репрессий обрушилась на Узбекистан еще в ходе отхода от нэпа. Жертвами стали участники движения сопротивления, представители национальной интеллигенции, общественные и государственные деятели, которые высказывали мнение об альтернативных путях преобразований с учетом менталитета узбекского народа. Уже в первой половине 20-х годов в национализме были обвинены такие государственные деятели, как К. Атабаев, Т. Рыскулов, А. Рахимбаев, Н. Тюракулов, И. Хидиралиев, С. Ходжанов. Затем были сфабрикованы дела, получившие названия «иногамовщины», «группы 18-ти», «касымовщины», обозначенные, в основном, по фамилиям людей, возглавлявших группы недовольных политической власти в области экономики и культуры. В конце 1929 г. начались аресты чле-

нов подпольной организации «Миллий истиклол» во главе с известным просветителем Мунавваром кары. Из 85-и арестованных членов этой организации 15 были расстреляны, остальные отправлены в исправительные лагеря. К смертной казни и к длительным срокам заключения были приговорены члены организации «Миллий иттиход» Рамзи, Насыр Саидов, Бату, Хосил Восилов, Собир Кадыров и др.¹ Их трагическая судьба — яркое подтверждение того, что передовая интеллигенция не мирилась с политикой советской власти, не оставляла попыток выдвинуть свои идеи национального развития. Вся советская идеология была пронизана классовостью. Существовало четкое социальное деление: пролетариат, дехканство, прослойка интеллигенции. Все остальное было вторичным, зажиточные люди считались пережитком прошлого. К ним принадлежали и так называемые «кулаки» — зажиточные дехкане, подвергшиеся «раскулачиванию» и ссылке в годы коллективизации.

Лишь в 1930—1933 гг. было раскулачено 40 тыс. дехканских семейств, 31,7 тыс. из них репрессированы. Люди выдворялись в малонаселенные регионы республики, в спецпоселки на Северный Кавказ, Украину, в Сибирь. И в дальнейшем, в 1933—1934 гг., в ходе «чистки» от так называемых «классовых» врагов было репрессировано дополнительно 60 тыс. дехкан².

В целом коллективизация нанесла колоссальный вред сельскому хозяйству, вызвав резкое сокращение поголовья скота, производства зерна, продовольствия. Это привело к очередной вспышке голода, который продлился до 1935 г. Силевые методы руководства, как ни парадоксально, сказались и на положительных результатах в народном хозяйстве. Хотя здесь большую роль, конечно же, сыграли воля, трудолюбие и долготерпение узбекского народа. Так, удельный вес республики в производстве хлопка достиг в 1940 г. 63 процента. Это, как указывалось в правительственных документах, «сыграло решающую роль в освобождении Советского Союза от ввоза импортного хлопка и полном обеспечении текстильной промышлен-

---

¹ См.: История Узбекистана. — Ташкент, 1995. С. 122.

² См.: Аминова Р.Х. Возвращаясь к истории коллективизации в Узбекистане. — Ташкент, 1995. С. 49.

ности СССР хлопковым сырьем»¹. Если в 1925 г. было завезено из-за рубежа 103,1 тыс. тонн, то в 1932 г. — лишь 24,3 тыс. тонн². Благодаря огромному труду узбекских хлопкоробов советское государство не только обрело хлопковую независимость, но и смогло выйти на второе место в мире по производству хлопка-сырца, хотя 80 процентов экспорта осуществлялось за счет хлопковолокна.

Индустриализация, в свою очередь, существенно модернизировала национальную экономику, взрастив промышленный потенциал. К 1941 г. в республике действовало уже 1145 предприятий. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве вырос до 70 процентов³. Однако потребительское отношение Центра к природным и людским ресурсам Узбекистана негативно влияло на развитие промышленности, получившее односторонний характер. Союзное руководство стимулировало развитие тех отраслей, от продукции которых СССР наиболее сильно зависел от мирового рынка, а также тех, которые обеспечивали центральные регионы необходимым промышленным сырьем. В итоге Узбекистан, внося существенный вклад в индустриализацию Союза и укрепление его экономической самостоятельности, продолжал оставаться его сырьевым придатком.

Развитие народного хозяйства и культуры сопровождалось очередной волной репрессивной политики властей в 1937—1938 гг. Идеологическое противостояние коммунистической идеологии с национальным менталитетом отразилось на религии. Началось противостояние воинствующего атеизма с религией и религиозными деятелями. Большая часть духовенства была отправлена в лагеря. Было уничтожено огромное количество рукописей и книг религиозного содержания, разрушены мечети и медресе, конфискованы святые реликвии. Даже хранение нерелигиозной литературы на арабской графике грозило арестом на срок от 10 до 15 лет.

---

¹ Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. — Москва, 1939. С. 54.

² См.: Социалистическое сельское хозяйство СССР. Сбор статматериалов. — Москва, 1937. С. 66.

³ ААП РУз, ф. 58, оп. 5, д. 15, л. 3; ЦГА РУз, ф. 88, оп. 1, д. 2455, л. 120—125.

В это время репрессиям подверглись республиканские эшелоны власти, и уже к весне было репрессировано более 70 процентов руководящего состава республики. Только «тройками» в течение 1937—1938 гг. были заключены в тюрьмы более 41 тыс. человек, из которых 6 тыс. 920 были расстреляны. В эти же годы был репрессирован цвет узбекской интеллигенции. Были расстреляны самые талантливые из них — А. Кадыри, А. Чулпан, А. Фитрат, Ш. Сулаймон, З. Саид, Элбек, У. Носыр и др. К высшей мере был приговорен также П. Салиев, талантливый историк, учитель известного ученого-археолога Я. Гулямова. Пострадали и многие безвинные люди, рабочие, служащие, дехкане, приговоренные к различным срокам заключения. Третья волна репрессий относится к концу 40-х — началу 50-х годов. Она затронула все сферы культуры, особенно идейно-художественные, начиная от литературы и кончая музыкой. Всего в течение 1937—1952 гг. в Узбекистане было репрессировано 100 тыс. человек, 13 тыс. из них были приговорены к расстрелу¹.

Годы войны были еще одним испытанием для узбекского народа, который проявил не только патриотизм и лучшие черты узбекского менталитета. Известно, что в основе патриотизма узбекистанцев в годы войны лежали не идейные мотивы защиты советского строя, а восприятие народом характера войны, осознание своего места в борьбе с фашизмом. Главными нравственными императивами социального поведения народа Узбекистана в войне было стремление к мирной жизни, оказание помощи семьям сражающихся на фронтах войны.

Как свидетельствуют новейшие исследования, 1 433 230 узбекистанцев приняли участие во Второй мировой войне. Многие боевые подразделения, сформированные в республике, принимали самое активное участие в решающих операциях и прошли с боями до Берлина.

«Полтора миллиона... На первый взгляд, — отмечает Президент страны И. Каримов, — эта цифра может показаться небольшой, но если учесть, что население Узбекистана в 1941 г. составляло всего 6,5 млн человек, то объективно увидим, сколь

---

¹ См.: Правда Востока. 2002. 13 мая.

великое испытание выпало на долю народа нашей республики»¹. На фронтах Второй мировой войны сражалось 22 процента населения Узбекистана, а если взять в расчет, что половину населения составляли дети и пожилые люди, то будет ясно, что на войне оказалось 40—42 процента трудоспособного населения. Такой высокий удельный вес сражающихся был характерен лишь для ограниченного числа стран — участниц антифашистской коалиции. Из общего состава воинов-узбекистанцев, выступивших с оружием в руках против захватчиков, 263 005 погибли, 132 670 пропали без вести. «Это означает, — подчеркнул глава нашего государства, — что из-за кровопролитной войны, по самым скромным подсчетам, четыреста тысяч семей остались без кормильцев. А если учесть родню и родственников, то окажется, что население всего государства оделось в траур»².

И в те дни особой теплотой окружили жители Узбекистана детей, потерявших родителей и родной дом. «Ты — не сирота» — звучали стихи Гафура Гуляма на всю страну. «Я — еврей» — звучало на весь мир. Потоки людей еврейской национальности, по воспоминаниям современников, направлялись тогда к дому великого поэта, чтобы выразить свою благодарность.

И в послевоенное время народ Узбекистана проявил героизм в восстановлении народного хозяйства, в освоении нефтяных месторождений и строительстве Ферганского нефтеперерабатывающего завода. Были реконструированы Янгиюльский, Ташкентский, Бухарский и другие хлопкоочистительные заводы. Машиностроительные заводы «Ташсельмаш», «Узбексельмаш», «Красный двигатель», «Подъемник» специализировались на выпуске хлопкоуборочных машин. В послевоенные годы был построен ряд гидроэлектростанций. В 50—60-е годы в республике было построено много промышленных предприятий, развивалось жилищное строительство.

В области сельского хозяйства имелись определенные достижения, однако, все более утверждалась монокультура хлоп-

---

¹ Каримов И.А. Родина священна для каждого. — Ташкент: Узбекистон, 1996. Т. 3. С. 73.

² Там же.

чатника. Ежегодное нарастание планов без учета особенностей сельского хозяйства, применение все большего количества ядохимикатов не могло не сказаться на жизни населения сельхозрайонов Узбекистана.

60—80-е годы отличались сложным переплетением отдельных достижений с нарастающим валом острых кризисных явлений, свидетельствующих о системном разложении тоталитарного строя.

Говоря об этом периоде и вообще об истории узбекского народа советского времени, мы далеки от употребления черных красок и основываемся только на фактах и документах. Мы можем говорить о том, что в 60—80-е годы продолжалось успешное развитие, в целом, культуры, особенного расцвета достигли театральное и музыкальное искусство. В ведущих театрах республики наряду с национальными спектаклями ставились шедевры мировой драматургии. В литературе наряду с известными деятелями расцвело творчество молодых поэтов и писателей А. Арипова, Э. Вахидова, У. Умарбекова, А. Мухтара, О. Матчана и др. Важнейшей частью культурной жизни стало кино. Имена таких прославленных деятелей киноискусства, как К. Ярматов, М. Каюмов, Ю. Агзамов, Ш. Аббасов, М. Файзиев, З. Сабитов, были известны далеко за пределами республики. Большую популярность приобрел Международный кинофестиваль стран Азии, Африки и Латинской Америки, который проводился каждые два года в Ташкенте.

В эти годы значительные достижения были в области науки и образования. Количество вузов с 1930 по 1940 г. возросло до 38. В целом с 1970 по 1985 г. число интеллигенции увеличилось почти втрое, с 1970 по 1985 г. — до 42 тыс. В 1965 г. в республике число профессоров и преподавателей вузов достигло восьми тысяч. Успешно работали действующие и новые институты Академии наук: ядерной физики, электроники, кибернетики, биохимии, сейсмологии, геологии и др. Ежегодно ученые республики осуществляли до 400 научных разработок. Однако они очень медленно внедрялись в производство. Связь науки с производством была на низком уровне. Столь большой потенциал науки плохо использовался в народном хозяйстве.

В целом необходимо отметить, что развитие культуры в советский период происходило в ограниченных идеологических рамках. Особенно усилилось давление в последние десятилетия советской власти. Тотальное вмешательство партийных органов в духовную жизнь Узбекистана имело негативное воздействие. Многие помнят 80-е годы, когда по опыту 30-х возобновилась борьба с религиозностью и насаждалась идея общности аморфного понятия «советский народ», противостоящая развитию национального языка и культуры. Представители интеллигенции Узбекистана помнят, как в 1982 г. ЦК КПСС обрушил ряд тяжких обвинений на сотрудников Института языка и литературы за объективную, не похожую на устаревшую, оценку литературной деятельности А. Чулпана, А. Фитрата и других прогрессивных деятелей, репрессированных в 30-е годы.

Идеологические болезни усугублялись социально-экономическими. В начале 80-х годов началась стагнация. Образовался огромный разрыв в научно-техническом развитии Советского Союза в сравнении с наиболее развитыми странами мира. Наступил «товарный» голод, дефицит промышленных товаров широкого потребления сопровождался нехваткой продовольствия. Болезни в социально-экономическом организме советского государства коснулись и Узбекистана. Несмотря на продолжающиеся декларации о свободном развитии, Узбекистан по-прежнему рассматривался союзным руководством в качестве сырьевого придатка. Традиционно игнорировались интересы Узбекистана, во внимание никак не принималось, что место и роль республики в общесоюзном разделении труда значительно увеличились. Об этом говорит то, что наряду с сельскохозяйственным сырьем Узбекистан поставлял в Центр газ, цветные и редкие металлы и другие полезные ископаемые, что не только обеспечивало ведущие отрасли промышленности Союза, но и пополняло экспортный потенциал. Например, в 80-е годы ежегодные поставки газа из Узбекистана составили более 250 млрд кубометров, золота — 50 тонн¹, также поставлялись кобальт, молибден, вольфрам, рафинированная медь, уран и др. Общая же стоимость природных ископаемых, поставленных в этот период в Центр, превысила 75 млрд долларов США.

---

¹ См.: Правда Востока. 1999. 23 января.

Огромные потери нес Узбекистан из-за невозможности полной переработки собственного сырья и продажи готовой продукции. Другие же регионы лишь за счет узбекского сельхозсырья ежегодно получали 40 млрд рублей национального дохода. Союзные же дотации республиканскому бюджету составляли в среднем 1,5 млрд рублей¹.

Усиление монокультуры хлопчатника привело в 80-х годах к чрезмерной мелиорации земель и сплошной химизации, что, в свою очередь, стало причиной бесконтрольного использования вод Амударьи и Сырдарьи и трагедии Арала.

Так называемая «перестройка», начатая в 1985 г., приоткрыла некоторые каналы демократизации и гласности. Но она не затронула фундаментальных основ существовавшего строя, и обновление носило поверхностный характер. В конце 80-х, когда Узбекистан стал объектом политических наступлений Центра, было раскручено дутое «узбекское», или «хлопковое», дело. В памяти узбекистанцев еще свежи воспоминания о том, как с подачи Центра в средствах массовой информации стало повсеместно распространяться оскорбляющее национальное достоинство мнение, будто бы системой коррупции в Узбекистане захвачены все звенья управления и сам народ. В республику был направлен десант партийных, советских, правоохранительных и хозяйственных работников. Не зная и не желая знать богатейшую историю и культуру народа, они на свой лад стали латать и кроить жизнь в республике. В результате «работ» следственных бригад, возглавляемых Гдляном и Ивановым, 25 тыс. ответственных работников и хозяйственников были осуждены.

Уже с конца 80-х годов, когда национальным лидером Узбекистана стал И. Каримов, начались принципиальные изменения и в общественно-политической жизни республики, и в экономических процессах. Им была выдвинута идея политического суверенитета и экономической самостоятельности Узбекистана в качестве определяющей цели обеспечения независимости. Свою позицию Ислам Каримов подкреплял противоборством в республике с засильем «десантников», созданием условий для оформления национальных политических партий и движений,

---

¹ См.: Правда Востока. 1989. 30 сентября; Экономика и жизнь. 1990. № 5. С. 10.

отстаивая перед союзным руководством линию на реальный суверенитет.

Выступая на сентябрьском (1989 г.) пленуме ЦК КПСС в Москве, И. Каримов заявил: «Мы твердо выступаем за определение и разграничение прав и обязанностей Центра и республики, мы сторонники всестороннего укрепления суверенитета республики»¹.

Вслед за этим были направлены в ЦК официальные предложения о практической постановке вопроса по отработке механизма реализации политического суверенитета и о восстановлении в союзной конституции специальной главы «О суверенных правах Союзных республик»². Затем, несмотря на открытое недовольство Центра по поводу данных предложений, на мартовском (1990 г.) пленуме ЦК КП Узбекистана было отмечено, «что обновление политической системы нельзя рассматривать в отрыве от проблемы экономической независимости», и подчеркнута настойчивая необходимость разработки целостной концепции политического суверенитета Узбекистана³.

Существенной предпосылкой достижения государственного суверенитета стало избрание на первой сессии Верховного Совета (1990 г.) И. Каримова Президентом Узбекистана.

Изданные указы Президента республики, законы и постановления Верховного Совета и правительства на рубеже 80—90-х годов непосредственно были направлены на обеспечение политического суверенитета и экономической самостоятельности. Конкретным выражением этих процессов стало придание в 1989 г. узбекскому языку статуса государственного, а также комплекса мер, направленных на самостоятельное решение важнейших народнохозяйственных задач, преодоление монокультуры хлопчатника, возвращение народу национальной духовности, традиций и обычаев.

Особое значение имело принятие на II сессии Верховного Совета Узбекистана (1990 г.) «Декларации независимости»⁴. В ней были закреплены основополагающие принципы государст-

---

¹ ААП РУз, ф. 58, оп. 405, д. 1, л. 15.

² Там же.

³ См.: Правда Востока. 1990. 24 марта.

⁴ Ведомости Верховного Совета УзССР. 1991. № 4 (1180). С. 4.

венного суверенитета республики: верховенство демократического государства и законов на всей ее территории; неприкосновенность и неделимость государственной границы и территорий; самостоятельное решение вопросов внутренней и внешней политики; признание и уважение основных принципов международного права; определение своего пути развития, своего названия и т.д.

«Декларация» с удовлетворением была встречена народом. О политических настроениях жителей Узбекистана того времени, их реальном волеизъявлении можно судить по итогам проведенного в начале 1991 г. всенародного референдума о будущем республики¹.

Отчетливо выраженная приверженность многонационального населения Узбекистана идее суверенитета придала руководству республики твердую уверенность в правильности избранного политического курса, его непростой борьбы с имперскими силами Центра.

Последнюю попытку сохранить развалившийся Союз, деструктивные силы предприняли 19 августа 1991 г., когда был совершен антиконституционный переворот и образован Государственный комитет по чрезвычайному положению, заявивший о том, что берет в свои руки всю полноту власти.

Руководство Узбекистана, получив известие о перевороте и образовании ГКЧП, оценило его как политический авантюризм.

31 августа 1991 г. Верховный Совет принял Закон о государственной независимости Узбекистана. Тем самым была претворена вековая мечта узбекского народа о свободе и независимости.

За годы независимости в нашей жизни произошли огромные изменения. Но это уже отдельная история, история независимого государства, вступающего в XXI в. Мы, как историки, имеем право утверждать, что вся картина нашей истории XX в. основана на фактах и документальных источниках, которые невозможно опровергнуть. Эта история полна и хороших, и плохих событий. Она противоречива, но это наша история.

---

¹ Ведомости Верховного Совета УзССР. 1991. № 5 (1181). С. 2.

ИСТОРИЯ УЗБЕКИСТАНА НАЧАЛА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ПРОЦЕССОВ*

Известное выражение Киплинга «Восток и Запад не сойдутся вовек» много раз находило свое подтверждение, но много раз и опровергалось, особенно исследователями нового и новейшего времени. И это понятно, потому что процесс самого интенсивного сближения, вернее активных контактов, несмотря на то, что это было результатом войн, начался в XIX в. Это определялось, в первую очередь, колонизацией Российской империей Средней Азии. Этот вопрос почти всегда изучался односторонне в советский период, как однозначно позитивный и назывался присоединением Средней Азии к России, принесшей сюда, как считалось, цивилизацию и культуру, в современный период — как однозначно отрицательный, и трактовался, как превращение Туркестана в колонию и его экономическое закабаление.

Дело не в том, что здесь нужен взвешенный срединный подход со всеми «за» и «против» (есть и такие исследователи). С точки зрения участия Туркестана в евразийских процессах во многом через призму России, приобщение к происходящим в мире общественным явлениям, проблема не ставилась и не разрабатывалась. Между тем каждое завоевание, независимо от результатов, времени, регионов, в которых происходили войны, меняет геополитическое положение не только двух воюющих сторон и сопредельных стран, но и большую часть мира.

Если рассматривать «колонизацию Средней Азии как только часть глобального и попеременно меняющегося всеобъемлющего исторического процесса и противостояния Азии и Европы»¹, то следует вспомнить, что это противостояние вызывало ответные процессы, включающие в себя и изменение карты всего мира.

Возьмем к примеру поход Александра Македонского на Восток, создавший мощный толчок для его европеизации. Культура этого периода в Центральной Азии называемая греко-бактрийской претерпела огромное влияние эллинистической куль-

---

* 2006 год.

¹ Ртвеладзе Э. Штрих к познанию исторической проблемы // Россия — Узбекистан: в прошлом и настоящем. — Москва, 2003. С. 10.

туры. «Александр впервые в истории человечества, попытался объединить Восток и Запад. Что-то в этом стремлении было реальным и действительным, однако, всего два столетия римские легионы сражались с парфянской конницей в глубине Азии, и в этой борьбе азиатские народы брали реванш»¹. Это был один из ярких начальных евразийских процессов, но мощным поздним аккордом было завоевание Россией среднеазиатских ханств, заметно отставших от мирового развития.

Новая, последняя и самая богатая колония России, названная Туркестанским генерал-губернаторством и официально оформленная, в 1867 г. по площади территории (1,5 млн кв.верст) была больше, чем вместе взятые территории Австро-Венгрии, Германии и Франции. Завоевав Среднюю Азию, Россия значительно укрепила свои военно-политические и дипломатические позиции, прежде всего среди колониальных держав и получила ряд очевидных выгод: выход на населенное казахами и туркменами побережье Каспийского моря, и границам с Афганистаном, Китаем, Ираном, Индией². К сожалению, эта проблема рассматривалась как в советской, так и в современной историографии только с точки зрения интересов региона, всесторонне эксплуатируемого метрополией в качестве колонии. Очень редки исследования этой проблемы в ракурсе международных отношений. Между тем само завоевание Туркестана и его вхождение в состав Российской империи изменило геополитику многих ведущих держав мира, в частности, Великобритании, Германии, Турции и ряда восточных стран. Признавая, что колонизация нанесла огромный ущерб экономике края, его самобытной культуре, обозначившей девять веков назад первый восточный ренессанс, который длился до XV в., следует признать, что вхождение России приоткрыло окно в Европу, через которое процессы капитализации коснулись и среднеазиатских ханств.

Можем ли мы говорить об участии Туркестана в происходящих мировых процессах уже после ее колонизации? Пребывание России в Средней Азии, царская политика, проводимая в

---

¹ Ртвеладзе Э.В. Штрих к познанию исторической проблемы.

² См.: Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867—1917 гг.). — Ташкент: Фан, 1997. С. 9.

крае, приспособление российской экономики к ресурсам региона и наоборот, приспособление сырьевой базы края к технологическим возможностям России — все это само по себе было проявлением процесса смыкания частей Европы и Азии и сплава двух видов экономических культур. Влияние европеизации имело и негативный, и позитивный характер. Если вхождение в Среднюю Азию российского и через Россию европейского капитала вызвало кардинальные изменения в экономике, то население терпело тяготы от неконкурентоспособности своей деятельности. Интенсивное строительство фабрик и заводов вытесняло ремесленное производство. Нелегким было положение и сельского населения, чувствовавшего постепенное насаждение монокультуры хлопчатника.

Влияние самой метрополии, ее культуры, политических процессов на сознание населения было несомненным. Усилило эти процессы Первая мировая война 1914 г.

Отклоняясь немного от этой темы следует сказать, что в отечественной историографии немало работ, статей, монографий и диссертаций, которые в том или ином ракурсе рассматривают этот период. Но всем им присущ, на наш взгляд, один недостаток — отсутствие анализа деятельности центральной власти по руководству Туркестанским генерал-губернаторством как частью империи, требующего особого внимания всех ведомств от военных до гражданских. И это объясняется не просто недоступностью российских архивов, а отсутствием глобальной концепции — ядром которой является политика центральной власти, а не просто рассмотрение локальных действий Туркестанской администрации, в ракурсе осуществления колониальной политики. Зачастую в работах, посвященных этому периоду эмоционально-патриотические чувства авторов подавляют возможность всестороннего и объективного освещения проблемы со всеми «за» и «против».

Туркестан самым прямым образом был втянут в процессы военного времени. В государственной политике России Туркестан имел особое стратегическое значение как материально-сырьевая база, обеспечивающая ее сельхозпродукцией, в первую очередь, хлопком. Начавшаяся война перевела эту политику в военное русло. Туркестан стал рассматриваться как источ-

ник не только экономических, но и людских ресурсов. Царским указом от 25 июня 1916 г. коренное население края мобилизовалось на военно-тыловые работы. Насколько продумана была эта акция? По-видимому, положение России было настолько сложным, что она нуждалась в этой рабочей силе, в туркестанских рабочих, не знающих языка, не привыкших к суровым климатическим условиям, не имеющих навыков работы на промышленном производстве. Причиной указа была очевидная и нарастающая потребность в пополнении частей на фронте, массовый призыв в действующую армию, вызвавший трудности на предприятиях промышленных центров России, обеспечивавших фронт боеприпасами. В прифронтной зоне также нужны были рабочие руки. Но мало кто берет во внимание, что вначале вообще стоял вопрос о мобилизации населения Туркестана в армию. Когда начальник Главного штаба в августе 1915 г. запросил мнение Туркестанской администрации, то временно исполняющий обязанности Туркестанского генерал-губернатора Мартсон ответил следующее: «Призыв туземцев в ряды армии даже как временная мера в настоящую войну при религиозном единстве их с народностями, настроенными к нам враждебно, может вызвать крупное брожение и создать благоприятную обстановку для выступления Афганистана и Персии», подчеркивая, что «из киргиз военные кадры создать не удастся»¹.

Все же решение о мобилизации не на фронт, а на строительные работы было принято. Хочется в связи с этим остановиться на, так называемом, «деле Гиппиуса», о котором редко упоминается в литературе, а если и говорится, то без глубокого анализа. Ферганский губернатор А.И. Гиппиус был единственным официальным лицом, не разделяющим оптимистических взглядов на предстоящую мобилизацию коренного населения. Конечно же он не выступал против самой мобилизации, но предлагал ввести денежную повинность для зажиточных классов и рабочую — для бедноты, а еще ввести практику найма рабочих за плату. Также он предлагал ввести для мобилизуемых оплату с выдачей аванса для обеспечения их семей. Тем самым он хотел возложить осуществление мобилизации не на низовую волостную и

---

¹ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. — Москва, 1960. С. 86.

сельскую администрацию, а на представителей русской администрации. Как известно, его предложения не были приняты. Последствия были такими, как предсказывал А.И. Гиппиус. Волнения 9 июля 1916 г. в Андижане вынудили его на свой страх и риск, исказить смысл «высочайшего повеления», объявив что на тыловые работы будут отправлены только добровольцы¹. Чтобы успокоить население он отказался выполнить распоряжение командующего войсками Туркестанского военного округа о проведении мобилизации. По докладу временно исполнявшего должность военного министра, генерала от инфантерии П.А. Фролова о действиях Гиппиуса, император распорядился наказать его, но после доклада военного министра Д.С. Шувалова, он был уволен со службы. Дело Гиппиуса обсуждалось в периодической печати, на заседаниях Государственной Думы 13—14 декабря 1916 г. «При этом, — как правильно пишет А.И. Бахтурина, — никто не задумывался о том, сколько людей остались в живых, благодаря предотвращенным беспорядкам»².

Мобилизация населения Туркестана на тыловые работы в Россию осуществлялась на фоне кризиса хозяйственной жизни, вызванный переводом экономики края на военные рельсы, который, в первую очередь, коснулся крестьянского (дехканского) населения. В результате войны фактически прекратились поставки хлопка в Россию из-за рубежа. В итоге резко повысились цены на туркестанский хлопок. Обеспокоенные этим текстильные магнаты потребовали от правительства принятия срочных мер. Летом 1915 г. был принят закон о нормировании цен на хлопок, которые были предельно занижены. Цены на продовольствие и мануфактуру не подверглись нормированию, хотя тоже были взвинчены. Так, в 1916 г. цены на зерно по сравнению с 1915 г. повысились на 300%, рис, сахар — на 250%, хлеб — в 4 раза³. Дехкане, хлопкоробы потеряли за год 60 млн рублей⁴. Значительно возросло и налогообложение, например,

¹ См.: *Бахтурина А.И.* Окраины Российской империи. Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). — Москва, 2004. С. 307.

² Там же. С. 308.

³ См.: Бюллетень Центрального хлопкового комитета. Москва, 1917. № 2. С. 98.

⁴ См.: *Понятовский С.* Нормировка цен на хлопок и преследуемые его цели // Туркестанское сельское хозяйство. 1916. № 5. С. 453.

в 2 раза увеличились налоги, которыми облагались скотоводы. Все это вкупе и стало причиной восстания 1916 г., которое за короткое время охватило всю Среднюю Азию и Казахстан.

Таким образом, политические процессы в регионе были прямым следствием событий на границах России и Европы. В связи со сложившейся в Туркестане обстановкой назначенный на должность генерал-губернатора, генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, писал в своем дневнике: «Прибыл в Ташкент 8 августа, приходится напряженно работать, чтобы умиротворить, а где нужно, усмирить взволнованный край. Положение и до сих пор весьма тяжелое. Основные три области края наружно умиротворены, но настроение весьма угнетенное. В Семиреченской области киргизское население трех южных уездов восстало»¹.

Посылая А.Н. Куропаткина в Туркестан и возлагая на него права главнокомандующего, Николай II прежде всего рассчитывал на его знание «азиатских дел», «маневренные способности», стратегическое мышление и надеялся что он успокоит край. В период с августа по декабрь 1916 г. восстание охватило огромную зону от Урала до Атрека и приняло массовый характер. Оно имело и политическую подоплеку. Как отмечал А.Н. Куропаткин причина «смелости» восставших (*в частности, номудов-туркмен — Д.А.*) «крылась в надежде на нашу военную в Туркестане слабость и поддерживалось преувеличенными слухами о неудачах наших войск, действующих в Персии и скором появлении турок в Тегеране»².

Генерал-губернатор был человеком новой генерации, и сильно отличался от своего предшественника Ерофеева относительной гуманностью и рассудительностью. Он не мог не видеть, как отмечал П.А. Ковалев «всех знамений и требований времени, и ощущать необходимость удовлетворения насущных нужд вверенного ему края»³. Уже после подавления восстания, А.Н. Куропаткин в своем докладе главному штабу отмечал, что быстрая мобилизация была бы страшным ударом для населения, прежде всего в экономическом отношении. «Оседлое

¹ Дневник Куропаткина // Красный архив. 1929. Т. 34. С. 50.

² Ковалева П.А. Кризис колониального режима и «Реформа» Куропаткина в Туркестане в 1916 г. // Труды САГУ. 1954. Вып. LVII. С. 36.

³ Там же. С. 41.

туземное население лишилось бы урожая сего года, особенно хлопка, и не могло бы сделать посевы, в том числе и хлопка на будущий год. Кочевое население — скотоводы лишились бы в значительной степени своих стад, ибо утратило бы способность перекочевки. Вместо спокойной окраины получилась бы окраина возбужденная, способная при близости Афганистана, под влиянием фанатизма части населения создать России в тыловом азиатском ее районе тяжелые затруднения»¹. Изучение его дневника, архивных данных о донесениях императору, позволяют сделать вывод, что положение Туркестана он оценивал с точки зрения евразийских процессов. Серьезно и детально ознакомившись с положением в крае, с причинами восстания он признал, что мобилизация, затронувшая интересы населения и нарушившая привычный уклад жизни, является причиной недовольства, но все же сделал вывод о том, что нежелание подчиниться, или подчиниться указу «дало толчок к движению, осуществлявшему на постепенно и заранее подготовленной почве недовольства русскими порядками». Яснее говоря, Куропаткин понял, что причины кроются в кризисе форм колониального режима, который нуждался в реформах. Он считал, что малочисленность и общая неподготовленность административного аппарата, неправильные приемы управления края и населения были губительными. Его позиция подтверждалась его действиями по разоблачению коррупции в административных органах всех уровней и подготовке широкой программы социально-экономических и политических реформ. Большое значение он придавал расширению прав национальной буржуазии, чем привлек на свою сторону и получил поддержку значительного количества предпринимателей и интеллигенции из коренного населения. С другой стороны, им была проведена акция по чистке местной администрации — волостных управителей и сельских старшин. На примере генерал-губернатора А.И. Куропаткина, можно увидеть, что руководитель высшего ранга, принадлежащий к царскому окружению, знакомый с современными процессами, осознавал, что управление колониями требует и современ-

---

¹ *Бахтурина А.И.* Окраины Российской империи. Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). С. 309.

ных подходов с учетом происходящих событий, как в России, в целом, в Европе так и в Азии. Трезво оценивая ситуацию, в рапорте на имя Николая II он отмечал, что положение об управлении Туркестанским краем 1886 г. отошло от принципа «почетительской заботы русской администрации по отношению к туземному населению»¹. А в своем дневнике он писал: «Мы за последние 30 лет не приблизились, а отдалились от туземного оседлого населения»².

Однако, А.И. Куропаткин не успел осуществить свою программу реформ из-за восстаний и непрерывных волнений, которые, в конечном итоге, пошли на спад к февральской революции 1917 г.

Другим фактором влияния российско-европейских процессов был рост национально-демократических движений. Политический диссонанс, вызванный войной, революционно-демократическими процессами в Европе, включая и Россию, не оставили вне зоны действий и национально-прогрессивную интеллигенцию края. Они имели связи с другими странами Европы и Азии и пользовались опытом демократических перемен наиболее развитых стран. Но первой линией, ведущей их к картине современного мира была Россия.

Российское завоевание дало им новый опыт восприятия мира, позволила познать более широко мир и осознать пагубные последствия колонизации и несравнимую отсталость своей страны, некогда бывшей мощным централизованным государством. Современная карта мира, показывающая его постоянное взаимодействие, принесла новые концепции пространства. На примере Европы они поняли, что нации которые достигали прогресса, становились могущественными и прогресс опасен для тех, кто не мог его достичь³. Это была дарвиновская форма идеи про-

---

¹ *Бахтурина А.И.* Окраины Российской империи. Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). С. 314.

² Красный архив. 1929. № 3. С. 64.

³ См.: *Халед А.* Идея прогресса в философской мысли джаидов: новое направление во взглядах на мир // Марказий Осие XX аср бошида: ислохотлар, янгилиниш, тараққийёт ва мустақиллик учун кураш (жадидчилик, мухториётчилик, истиқлолчилик). — Тошкент, 2001. С. 30.

гресса (известно что в книжном магазине Бехбуди имелась книга под названием «Дорвинизм»¹).

Средняя Азия после окончания войны стала ареной не только культурной, но и политической борьбы за реформы, обновление, независимость и прогресс. Национально-демократическое движение — джадидизм, возглавлявшее эту борьбу было ярким проявлением евразизма, сплава двух культур, толерантности. Внешним проявлением евразийской культуры в политике стало Туркистон Мухторияти — первое национально-демократическое государство, использовавшее в своей стратегии опыт Европы, но основанная на национально-восточных традициях.

Являясь просвещенными людьми своего времени, получившие религиозное образование, прекрасные знатоки исламской теологии джадиды устремляли свои взоры на Запад, и особенно на Россию. Объяснялось это сравнением отсталого Туркестана с развитыми европейскими державами. Этим конечно было обусловлено сближение и заимствование «нужных» моментов из теоретического наследия демократических движений, в частности, российского (татарского) джадидизма, египетского реформизма и движения младотурков. Вождь и отец татарского джадидизма Исмаил Гаспринский был главным идеологом и для туркестанских джадидов. В начале XX в. устанавливаются тесные взаимосвязи с джадидами Поволжья, Крыма и Кавказа. Сам И. Гаспринский неоднократно был в Бухаре, Самарканде и Ташкенте, знакомясь с состоянием новометодных школ². Объединяло обе стороны три фактора: необходимость просвещения для дальнейшей борьбы за автономию в рамках Российского государства, этническая и религиозная принадлежность — то, что официальными органами царской администрации называлось «пантюркизмом» и «панисламизмом». Последние, по мнению царской администрации Туркестана, составляли серьезную угрозу для устоев империи. Русская культура оказала огромное влияние на джадидов и это влияние проявилось в просветительной работе: новометодных школах, театральных группах, быте, одежде,

---

¹ Ойна. 1914 10 октябрь.

² См.: *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). — Ташкент, 2006. С. 40.

архитектуре домов. Вместе с тем они выступали против ущемления языка и национальных традиций, миссионерства, строительства заводов алкогольных напитков.

Очень много общего было у туркестанского джадидизма с положениями египетского реформизма конца XIX — начала XX вв., получившего название «Нахда» — «Возрождение».

Сторонники обоих направлений пытались соединить культурное наследие своих народов с технологическими и культурными достижениями Запада. Но в то же время и те, и другие впервые на своих территориях поставили вопросы о национальном единстве, развитии национальной культуры.

Известно, что как в Египте, так и в Туркестане колониальные теоретики пытались обосновать и оправдать экспансионистские устремления европейских держав, объясняя это великой миссией привнесения в отсталые страны культуры и просвещения. Арабские реформисты активно реагировали на это. Широкую огласку получила полемика аль-Афгани с известным французским философом Эрнестом Ренаном, который прочитал в Университете Сорбонна лекцию об исламе, сущность которой сводилась к тому, что арабы не способны к абстрактному мышлению и научному поиску. Это он объяснял негативным отношением мусульманского учения к науке и философскому знанию. Афгани полемизируя с ним писал: «Именно в период всеобщего невежества арабы устремили свой взор и восприняли преданное забвению наследие (*греческой и римской цивилизаций — Д.А.*), они возродили к жизни угасшие знания и подняли науку на невиданную дотоле высоту»¹.

Адекватные споры проходили между М. Бехбуди и Н.Г. Малицким — градоначальником Ташкента, считавшего, что туркестанцы невежественны и не должны иметь избирательных прав². Туркестанские джадиды также, как и египетские реформисты были склонны делать выводы об исторических связях Средней Азии с Западной Европой, фокусируя их на современность. Они

---

¹ Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX — начало XX вв.). — Москва: Наука, 1989. С. 140.

² См.: Протоколы съезда делегатов Исполнительных Комитетов Туркестанского края. 9—16 апреля 1917 г. — Ташкент: Типография Туркестанских ведомостей. 1917. С. 29.

небезосновательно считали, что именно исламская культура спасла для Европы Платона и Аристотеля, и сами являлись не просто почитателями, но и, в определенной степени, новыми пропагандистами их теорий¹.

В то же время, освобождая религиозные воззрения от схоластики, они пытались вернуть исламу общегуманистическую ценность, то, что они видели и в культурном наследии Запада. Такая глобализация мышления — характерная черта для наиболее активной части джадидизма. По их мнению, Средняя Азия будучи частью мусульманского мира, но представляя собой самостоятельное уникальное явление в мировой истории, обязана была найти свое достойное место в сложном и противоречивом будущем, которое открывал XX век.

Что должно определить переход общества в кардинально лучшее состояние? Джадиды были уверены — это должно происходить, в первую очередь, на основе реформ в области образования и просвещения, через освоение научных достижений и передовой техники, через воспитание духовности у молодого поколения. М. Бехбуди был весьма категоричен в своем утверждении о том, что нациям, не вбирающим в себя новейшие достижения науки и техники, уготована участь прозябающих на задворках мировой цивилизации. Поскольку техника развивалась на Западе, то и взоры прогрессистов были устремлены туда. Их «западничество» объяснялось научными, технологическими и культурными достижениями Европы.

Интеллектуальный взрыв в Туркестане, имеющий многовековой генезис и обусловленный борьбой против российской колонизации, особенно восстанием 1916 г., перерос к 1917 г. в социально-политический, потому что стало ясно — развитие культуры и просвещения невозможно без социального и политического совершенствования, а это, в свою очередь, невозможно в колониальных рамках. Усилия для достижения прогресса обречены на успех лишь тогда, когда в этом заинтересовано само государство. Именно это понимали джадиды и именно поэтому, зная реальную ситуацию, при которой невозможна неза-

---

¹ Авлоний А. Туркий гулистон ёхуд ахлок // Авлоний А. Танланган асарлар. 2-жилд. Пандлар, ибратлар, ҳиқоятлар, набийлар ҳаёти, драмалар, мақолалар, саёҳат хотираси. — Тошкент: Маънавият, 1998. Б. 33—91.

висимость, попытались основать самостоятельную национальную государственность — Туркистон Мухторияти в рамках Российской Федерации.

Сходными были позиции двух направлений реформаторского движения и в вопросах образования, отношения к положению женщин, отличающиеся осознанием необходимости эмансипации, но весьма сдержанными методами, не противоречащими мусульманскому вероучению.

Представители данных движений осознавали необходимость тщательной работы с родным языком, что было продиктовано самой концепцией национального возрождения, но они осознавали и важность овладения европейскими языками. Если М. Абдо говорил: «Кто не знает хотя бы один европейский язык, тот никогда не станет ученым в наш век»¹, то кредо М. Бехбуди было «Икки эмас, тўрт тил лозим» («Нам нужны не два, а четыре языка»). Чтобы быть сведущим в законах и в современной жизни, по его мнению необходимы знания как тюрки, фарси, так и европейских языков².

Еще более близки по духу туркестанские джадиды были к младотуркам. Идентичность джадидского и младотурецкого движений объясняется широкой распространенностью идеи тюркизма, или мусульманского национализма, который развивался в XIX в. как массовое движение протеста против экономического, политического и культурного засилья западных держав и приобрел антиколониальную направленность³.

Как известно представители среднеазиатской интеллигенции и предпринимательства часто совершали поездки в Турцию. К тому же многие джадиды обучались в Турции как, например, А. Фитрат. В секретном агентурном сообщении охранного отделения упоминалось, что в Турции в 1913 г. учатся 250 студентов из Бухары. Естественно они были передатчиками информации и идей турецких реформистов. О влиянии младотурецкого движения и его идейном распространении в Туркестане

---

¹ Цит. по кн. *Кириллина С.А.* Ислам в общественной жизни Египта. С. 170.

² См.: *Бехбудий М.* Икки эмас, тўрт тил лозим // Ойна. 1913. № 1. Б. 12—14.

³ См.: *Karpat K.* An Inquiry into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State from Social Estates to Classes, from Milletts to Nations. Princeton. 1973. P. 96.

и связях туркестанских прогрессистов с турками очень часто говорилось в донесениях агентов царской охраны.

Российский исследователь А.Ю. Бахтурина считает, что «фактически за годы войны администрация Туркестана так и не смогла составить ясного представления о настроениях коренного населения Туркестана, предпочитая верить сведениям о стабильности ситуации и мирном настроении населения». В начале 1916 г., как она считает, в Туркестанском охранном отделении был сделан вывод о «практически полном отсутствии влияния на настроения населения «панисламистского» движения и германо-турецкой пропаганды»¹. С этим трудно согласится, приведенные выше данные говорят о тесном взаимодействии всех национальных движений Азии. А что касается турецкой пропаганды, то она имела место и архивных материалов на эту тему не мало. Следует учесть и то, что в годы войны в Туркестан направлялось значительное количество военнопленных. Первые из них прибыли сюда в сентябре 1914 г. К марту 1916 г. их количество достигло 200 тыс.² В марте 1915 г. были утверждены «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях». Военнопленных, в том числе и турецких стали отпускать из лагерей. Большинство из них устраивались учителями в джадидских школах или открывали собственные учебные заведения. Российская администрация в Туркестане лояльно относилась к военнопленным, особенно славянского происхождения, всячески облегчая их положение и разрешала им работать частными преподавателями. Такое решение получили и турки. В Туркестане стало очень модно отдавать детей в турецкие школы. Учителя — турки, конечно же, оказывали влияние на учеников и их родителей, призывая тюрков к единению.

Так, в одном из донесений сообщалось, что «главная идея общества «Тараққий-Парвар», организованной в Андижане, подражать прогрессу младотурков»³. В другом, от 21 апреля 1917 г.

---

¹ Бахтурина А.И. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). — Москва, 2004. С. 302.

² Там же.

³ ЦГА РУз, ф. И-461, оп. 1, д. 1968, л. 13—14.

говорилось о том, что «у всех членов этой партии можно было видеть на квартирах портреты Султана Турецкого* — Энвер-Паши и некоторых панисламистских деятелей, имелась и компрометирующая их переписка...»¹.

Однако следует отметить, что подобная пропаганда имела воздействие, которое мы объясняем следующим. В представлении мусульман Средней Азии Турция была более развитой, прогрессивной мусульманской страной, где жизнь лучше. Так, сын торговца мебелью в Коканде Хаджи Рахимджана, Махмуджан, обучающийся третий год в Константинополе писал своему отцу: «Если бы сарты учились так, как он учится там, то и в Туркестане было бы все иначе, а не так как в настоящее время»².

Отношение к событиям в Турции и поддержка ими младотурецкого движения основывалось лишь на идейной общности и тюркизме. Туркестанские джадиды не копировали механически свои позиции и действия. Идейная общность была у них со многими национально-прогрессивными движениями, в частности, с египетским, татарским, иранским джадидизмом и др.

Но среднеазиатские джадиды никогда не выдвигали идеи о создании единого мусульманского государства или присоединения к какой-либо мусульманской стране. Они стремились реализовать свое «неотъемлемое право на самоопределение и обустройство своей жизни в соответствии со своим мировоззрением и миропониманием, общественными, духовно-религиозными, нравственно-моральными нормами и принципами»³. Это в конечном итоге выразилось в попытках национально-государственного строительства и организации Туркистон Мухторияти в ноябре 1917 г. в г. Коканде и приходе джадидов к власти в результате революции 1920 г. в Бухаре и Хиве.

Всего лишь два вопроса, затронутые нами: национально-освободительная борьба накануне революций 1917 г. и национально-прогрессивное движение Туркестана, связанные с политическими, социально-культурными, экономическими проблема-

---

* Энвер Паша был не султаном, а министром военных дел.

¹ ЦГА РУз, ф. И-461, оп. 1, д. 1968, л. 13—14.

² ЦГА РУз, ф. И-461, оп. 1, д. 2114, л. 10.

³ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. — Ташкент: Шарк, 2000. С. 5.

ми показывают, что вся история Туркестана начала XX в. связана с процессами, происходившими на Западе и Востоке, и рассматривать их в рамках одного региона, без учета мировых процессов нельзя. Решение этой проблемы требует новых подходов и международных контактов историков.

В заключении хотелось бы заострить внимание на следующем: успешность исследования во многом зависит от совмещения работы в архивах с методологической оснащенностью, с умением работать в жанре исторической антропологии или микроистории, умением вписать найденный материал в общий более широкий контекст, объяснить большое через малое и видеть изучаемые процессы, как неотъемлемую часть целого.

Рассмотрение колониального периода истории Туркестана в упрощенном виде, как действия двух сторон: колониального и колонизируемого, без изучения не только принципов управления Российской администрации, ее национальной и религиозной политики, без изучения процессов протекавших в этот период в европейских и азиатских частях мира представляется не результативным. Отход как от империоцентричного (чем страдала советская историография), а также националистического (чем страдают некоторые современные издания) подходов в освещении этого периода поможет нам создать наиболее объективные исследования.

Следует, на наш взгляд, помнить и то, что все институциональные изменения в Туркестанском генерал-губернаторстве происходили не сами по себе. В разные периоды они осуществлялись с различной степенью интенсивности и направленности. Нельзя забывать и о том, что во многом эти преобразования зависели от того, кто был у руля местной администрации. В условиях персонификации краевой власти в лице генерал-губернатора личность каждого главного начальника Туркестана накладывала свой отпечаток не только на внутреннюю жизнь региона, но и на внешнюю политику империи в Центральной Азии. Стоит задуматься о том, почему из 12 генерал-губернаторов Туркестана лишь первый генерал-губернатор К.П. Кауфман правил 15 лет, и А.Б. Вревский — 9 лет, а остальные менялись каждые 2—3 года, а то и год?

Как происходила эволюция их взглядов, как они влияли на руководство метрополии и наоборот, чем объясняются факты

их назначения на должность и факты отстранения. Изменением политического курса или обвинением генерал-губернатора в отступничестве от него? Именно так, во взаимосвязи политических настроений Центра и деятельности местных начальников следует рассматривать историю региона. Конечно, при этом сейчас самым архиважным является изучение национальных источников, материалов периодической печати на тюркских языках, издаваемых в Туркестане, а также мемуарных источников, без которых также изложение будет односторонним.

ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА ТАШКЕНТА (СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XXI ВЕКОВ)*

В середине XIX в. социально-экономический кризис, охвативший среднеазиатские ханства, способствовал осуществлению стратегических планов Российской империи в отношении этого региона и захвату Кокандского ханства. Ташкент был одним из главных культурных и экономических центров в государстве, через который осуществлялась торговля с соседними государствами — Бухарским и Хивинским ханствами, Китаем, Афганистаном, Индией и Россией.

Город в это время имел площадь в 30 кв. верст и 12 ворот: в северо-восточной части располагались Лабзакские и Кашгарские, в восточной — Кокандские, Кайтмасские и Семагачские, на юго-востоке — Камолонские, юге — Самаркандские, на западе — Кукчинские, Чигатайские, Сагбанские, Карасуйские и на севере — Тахтапульские.

Население города пользовалось водой канала Бозсу, от которого отходили 12 главных арыков. Накануне завоевания Ташкента Российской империей численность его населения составляла около 100 тыс. человек. Социальный состав был разнообразен: от крупных землевладельцев, купцов, светских и духовных лиц до ремесленников. Город славился многочисленными прядильно-ткацкими мастерскими, дерево- и металлообрабатывающим, кожевенным, гончарным и текстильным производствами.

---

* 2007 год.

В Ташкенте в то время действовало до 400 мечетей, 10 медресе. Во главе города стоял бек, который назначался Кокандским ханом, ему, в свою очередь, подчинялись минг-баши, управляющие четырьмя частями города: Кукча, Бешагач, Шейхантахур, Себзор. Каждая часть делилась на множество кварталов-махаллей, которыми управляли юзбаши. Н.А. Маев писал, что в Ташкенте к 1876 г. было 149 махалли.

В источниках XIX в. сообщается, что в каждой махалле проживало от 50 до 150 семей. Названия махалли соответствовали названию ремесел, которыми занимались жители (например, Пичоқчилик, Дигрез, Этикдуз) или этническому составу (Ўзбекмахалла, Тожиққўча). Некоторые названия давались согласно рельефу и природным свойствам местности (Сассиқховуз, Чуқурқўприк, Баландмасжид и др.).

Самыми многолюдными местами города были базары, наиболее крупными из них считались Эски жува, Чорсу, Регистон и Каппон. Базар Регистон, который находился в центре старого города, соединялся улицами с каждым из ворот города. Такая планировка, по мнению Н.Г. Малицкого, изучившего в XIX в. Ташкент, соответствовала изначально развитию внутренней и внешней торговли.

Американец Юджин Скайлер, который в XIX в. путешествовал по Центральной Азии и в 1873 г. посетив Ташкент, писал, что «ни один азиатский город не столь многообразен, как Старый Ташкент. Его улицы причудливо изогнуты, и когда вы идете по ним, они то взбираются вверх, то спускаются вниз, вдруг вы упираетесь в какую-то стену или оказываетесь под деревянным порталом мечети, минарет которой уходит далеко в небо. Вы выходите на берег глубокого оврага или же на шаткий деревянный мостик, нависающий над самой водой. Повсюду деревья вдоль стен, так как сады здесь в большом изобилии. Или переулочек приводит вас к какой-нибудь мельнице, звук которой слышен издали». Ю. Скайлера очень заинтересовало устройство местных мельниц. «Вода течет по желобу и заставляет вращаться огромное колесо, ось которого снабжена широкими деревянными зубьями. На них покоятся массивные деревянные балки. По мере вращения колеса они летят вниз одна за другой вдоль зубьев, поднимая другой конец, который имеет

форму молота, и с силой бьет в ступу, размельчая в ней зерно. Устройство этих мельниц, безусловно, пережило века и идет из глубокой древности»¹.

Характеризуя старый город, он отмечал, что стоит пересечь мост через канал Анхор, как сразу начинаются лавки, за ними — литейная мастерская, текстильная мануфактура и стены, на которых сушатся свежескрашенные мотки хлопка, и перед пешеходом вырастает великолепное медресе Бекляр-бека, которое отличает главный вход в базар. Это — фокус всей городской жизни, где бьется пульс средневекового города. С платформы перед медресе видна вся панорама главного базара. «Если взглянуть вдаль на то, что кажется глиняной обширной равниной, а на самом деле это сплошной массив плоских крыш лавок и домов, кое-где заросших травой и маками, то ощутишь базар, занявший низину между холмами. Они в свою очередь, увенчаны зданиями мечети, перед которыми купола бань. На каждой улице своя специализация: вот улица торговцев шелком, далее — ювелиров, а здесь работают мастера по изготовлению бронзовых сосудов. Кое-где можно видеть порталы двора караван-сарая, где расположены купеческие конторы, гостиница и склады, а лавки и прилавки затенены легкими навесами из камышовых циновок. Место продажи аптекарских товаров называют пучки целебных трав, вывешенных под навесами. Здесь готовят шашлык на горячих углях. Там — чайхана, лепешечная. Далее на возвышении торговец предлагает детям сироп из сахарного тростника со льдом.

Каждая лавочка состоит из одного или двух маленьких помещений и широко открыта на улицу, а продавец восседает на ковре или циновке в окружении своих товаров. Покупатели всего остаются на улице или на пороге, часто не слезая с лошади».

Ю. Скайлер также как и средневековые авторы, с восторгом писал о зелени Ташкента, отмечая, что окрестные сады полностью закрывают город, если смотреть на него издалека. «Они еще великолепны, хотя сильно пострадали с приходом русских. Деревья вырубались, когда расчищали место для ярмарки и плацев для воинских парадов и упражнений. Многие из них сруб-

---

¹ См.: *Мукминова Р.Г., Филанович М.И.* Ташкент на перекрестке истории (очерки древней и средневековой истории города). — Ташкент: Фан. 2001. С. 101.

лены на топливо. Из-за дороговизны угля находили более дешевым и приятным рубить фруктовые деревья местных садов, сжигая как дрова абрикосовые, персиковые, вишневые деревья»¹.

Первая попытка генерала М.Х. Черняева овладеть Ташкентом 27 сентября 1864 г. окончилась неудачей. По сведениям историка этого времени Мухаммада Салиха Кори Ташканди — городские старейшины под руководством Ишана Карабашходжи собрались в медресе Эшонкули додхоха и решили не сдаваться и оборонять Ташкент. Ташкентцы героически сражались за свой город. Подоспевший со своим войском Амирлашкар Мулла Алимкул дал отпор отряду М.Х. Черняева, который вынужден был отступить в Чимкент. К моменту второго похода на Ташкент (1865 г.), в городе уже было собрано 6000-ое войско под предводительством Амирлашкара Мулла Алимкула — регента малолетнего кокандского хана Султан Саида. Ташкентский хаким мобилизовал горожан. Город был укреплен различными оборонительными сооружениями. Отряд численностью в 3000 человек защищал укрепление Ниязбек, находящееся в 25 верстах к северо-востоку от города, на берегу Чирчика, откуда свое начало берет канал Бозсу. Однако военная оснащенность противника была несравненно выше. Чтобы принудить Ташкент к сдаче, Черняев перекрыл арык Бозсу у крепости Ниязбек, лишив город воды.

28 апреля 1865 г. генерал М.Х. Черняев с отрядом из 1950 солдат при 12 орудиях овладел крепостью Ниязбек и укрепился в ней. 7 мая его войска подошли к городу, а 9 мая в восьми верстах от него начался бой между кокандскими и русскими войсками близ Шортепа, где лагерем стоял отряд Черняева.

В этот же день героически сражавшийся Амирлашкар Алимкул был тяжело ранен и вскоре скончался. По свидетельству Мухаммада Салиха, М.Х. Черняев был поражен смелостью Алимкула и после окончания войны посетил его могилу на кладбище Шайхантахура. После сильного и быстрого натиска русских войск кокандский гарнизон, потерявший своего военачальника, стал отступать.

---

¹ См. *Мукминова Р.Г., Филанович М.И.* Ташкент на перекрестке истории. С. 100.

Ташкентцы, избрав ташкентским ханом Султан Саида, обратились затем к бухарскому эмиру за помощью и по просьбе последнего отправили к нему хана. Чтобы перекрыть путь возможному бухарскому подкреплению, идущему к Ташкенту, Черняев захватил и уничтожил переправу через Сырдарью у селения Чиназ. Вскоре началась длительная 42-дневная осада Ташкента.

Новое наступление русских войск последовало в ночь с 14 на 15 июня. 15 и 16 июня в городе продолжались уличные бои. Многие дома были сожжены. Силами защитников Ташкента руководил Искандербек, посланный бухарским эмиром во главе небольшого отряда. Наконец, 16 июня к вечеру город был вынужден сдаться. М.Х. Черняев устроил фарс в виде вручения 12 золотых ключей от ворот Ташкента, которые заранее были изготовлены в Санкт-Петербурге. От имени городского актива жителей был подготовлен фальшивый документ о якобы добровольном присоединении Ташкента к Российской империи. Шесть представителей городского управления во главе с Салихбеком Охундом, отказавшиеся подписать документ, были отправлены в ссылку в Сибирь.

17 августа 1866 г. было объявлено о включении Ташкента в состав Российской империи.

11 июля 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. К этому времени русские войска уже захватили Ходжент, Уратюбе, Джизак. Территория Туркестанского генерал-губернаторства состояла из Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей. В 1868 г. после сражения с войсками эмира бухарского на подступах к Самарканду город был взят, и область также присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству. Ташкент одновременно стал центром губернаторства, Сыр-Дарьинской области и резиденцией генерал-губернатора. В этом же году на левом берегу Анхора началось строительство новой части города, где в дальнейшем проживали царские чиновники, офицеры и представители *русского* населения. С этого момента город разделился на старый и новый Ташкент.

В 1876 г. Кокандское ханство было упразднено, а на его территории образована Ферганская область Туркестанского генерал-губернаторства.

Бухарский эмират и Хивинское ханство стали протекторатами Российской империи, потеряв суверенитет.

В 1867 г. было разработано Положение об управлении Туркестанским краем. Основой административного устройства края было военно-народное управление, при котором вся полнота власти осуществлялась военной администрацией, а для управления местным населением в волостях избирались из его состава волостные управители. Ташкент, в силу многочисленности его населения и особого места в торговле, подчинялся непосредственно Сыр-Дарьинскому военному губернатору. Во главе него был поставлен начальник города, назначенный военным губернатором.

Административное, судебное и податное переустройство, проведенное царской администрацией в Туркестане, носило ярко выраженный колониальный характер. Местное население оставалось лишенным политических прав. Все сборы и налоги шли в царскую казну.

В 1877 г. в Ташкенте было введено положение по делам городского хозяйства. Им стала ведать Городская дума. В состав Думы избиралось 72 гласных.

В 70—90-х годах XIX в. город становится крупным торговым, промышленным и культурным центром Средней Азии. Быстрыми темпами развивался внутренний и внешний торговый оборот города, появились капиталистические промышленные предприятия, возникли культурно-просветительные учреждения.

Новые промышленные предприятия, торговые конторы и культурно-просветительные учреждения сосредоточились в новой части города.

После образования Туркестанского генерал-губернаторства новый Ташкент начинает очень быстро расти. Старая часть города почти не перестраивалась. Новая инфраструктура и социальное обслуживание не касались местного населения. Постепенно в город стали прибывать, как и в другие города Туркестана, безземельные крестьяне из России, которым отдавались лучшие земли и создавались условия для работы и которые стали здесь опорой царской администрации.

По данным всеобщей переписи населения 1897 г., постоянное население Ташкента составило 155 673 человека, из них

мужчин — 88 214 и женщин — 67 559 человек. К 1904 г. численность населения возросла до 170 тыс. Из них только 40 тыс. жило в новом городе.

С первых дней основания нового города в нем возник ряд торговых и промышленных заведений. Приезжие и местные купцы и предприниматели стали открывать здесь продуктовые и галантерейные магазины, промышленные предприятия, прежде всего винокуренные и пивоваренные заводы, табачную, спичечную и макаронную фабрики, крупные мельницы, мыловаренные и кирпичные заводы. Начинают создаваться предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, продукция которых вывозилась в метрополию. Это были кожевенные, хлопкоочистительные и маслобойные заводы. Особенное значение для Российской империи имел хлопок. Благодаря завоеванию Средней Азии она стала обладателем этого дешевого сырья, и с этого времени была основана монополия хлопка в Туркестане.

В 80-х годах XIX в. Лахтин открыл в Ташкенте первый хлопкоочистительный завод. Вслед за ним открыли свои заводы и другие скупщики. К концу XIX в. в Ташкенте было 7 хлопкозаводов.

С ростом хлопководства появились и маслодельные заводы, перерабатывающие хлопковые семена. Первый крупный маслодельный завод открылся в 1884 г., ежегодная выработка его продукции составляла 30 тыс. пудов.

В 1885 г. в городе уже действовало 27 промышленных предприятий с общим количеством рабочих в 365 человек и с валовой продукцией в 680,6 тыс. руб., 25 таких предприятий принадлежали российским промышленникам.

Одним из важных предприятий города, возникших в начале XX в., была городская конная железная дорога (конка).

Решающее значение в судьбе города имела, доведенная в 1899 г. до Ташкента, линия железной дороги Самарканд—Андижан. Дорога не только связывала Ташкент с побережьем Каспия, но дала возможность появиться в городе новым крупным предприятиям. С началом строительства железной дороги Оренбург—Ташкент город стал одним из самых оживленных пунктов края.

Однако, интересы коренного населения края не брались во внимание. Интенсивное освоение национальных богатств Тур-

кестана привело к обнищанию масс. Капитализация, охватившая все отрасли производства, обанкротила многих местных предпринимателей. Ремесленники не выдерживали конкуренции с фабричным и заводским производством и разорялись. Под особый контроль царской администрации были взяты учебные и религиозные заведения. Все это вызывало возмущение народа.

В Ташкенте, как и во многих городах Туркестана, неоднократно поднимались восстания против колониального режима царской империи. В 1892 г. произошло восстание, получившее название «Холерный бунт». Население выступило против ущемления своих прав при захоронении умерших от болезни и небеспечения коренного населения необходимыми средствами защиты от холеры. В 1916 г. крупнейшее восстание, охватившее весь Туркестан, было вызвано указом царя о мобилизации на тыловые работы в прифронтовые зоны представителей коренного населения Туркестана. Оно началось в Ташкенте по инициативе женщин, которые не желали терять своих кормильцев и сыновей, мобилизованных в Россию, и в дальнейшем охватило Джизак, Фергану и другие области края. В результате его подавления 3000 участников восстания были переданы суду, 20 из них казнены, 162 — отправлены на каторжные работы, остальные подверглись тюремному заключению. Эти действия царской администрации возмутили всю передовую общественность края, особенно прогрессивно настроенную его часть, которая стремилась к обновлению и реформам.

В это время роль Ташкента как центра духовной культуры для населения Туркестана все более увеличивалась. Сюда проникали сведения о реформистских движениях, возникавших на Востоке и в близлежащих странах. С конца XIX в. Ташкент становится центром зарождающегося просветительского движения под названием «джадидизм». «Джадид» — означало «новое».

Прогрессивная национальная интеллигенция Туркестана, осознавая его политическую и экономическую отсталость от развитого мира, что являлось причиной того, что страна стала колонией России, первоочередной своей задачей поставила просвещение народа. Пытаясь объединить лучшие достижения культуры Востока и Запада, они поставили перед собой две основные цели: подъем уровня жизни народа до уровня жизни

просвещенных наций и строительство в Туркестане национально-демократического государства. Ташкент стал центром джадидского движения, которым наряду с Махмудходжа Бехбудий, руководил ташкентец Мунаввар кары Абдурашидханов — видный общественный и политический деятель, журналист и педагог. Прогрессивная интеллигенция Ташкента, в круг которых входили, пользовавшиеся популярностью среди народа своими знаниями и образованием, Абдулла Авлони, Убайдулла Асадуллаходжаев, Саидрасул Саидазизов и др. возглавила работу по созданию новометодных школ, учебников, театральных групп, просветительских обществ, изданию газет. Первую такую школу под названием «Намуна» организовал в Ташкенте Мунаввар кары Абдурашидханов. Всего в Ташкенте к 1910 г. функционировало 11 школ. В Ташкенте издавались в 1905—1906 гг. газеты «Тараққий» (редактор Исмаил Обид) и «Хуршид» (редактор Мунаввар кары Абдурашидханов), в 1907—1908 гг. — «Шухрат» (редактор А. Авлони) и «Осиё» (редактор А. Бектемиров). Известный Ташкентский предприниматель Саидкаримбай (сын Саидазимбая) издавал газету «Туджор». Они неоднократно подвергались закрытию со стороны царской администрации, но несмотря на это сыграли огромную роль в просвещении масс.

Эти просветительские реформы постепенно выросли в политические задачи, потому что полноценное развитие культуры было невозможно без политических перемен. Демократически настроенные прогрессисты Туркестана стали создавать политические партии и общества, в частности, в Ташкенте «Шурои Исломия» возглавлял Мунаввар кары Абдурашидханов. Они ставили своей целью создание национальной автономии в рамках федеративного устройства России. Особенно эти процессы усилились после Февральской революции 1917 г. в России. В Ташкенте стали издаваться новые газеты «Турон» (редактор М. Афандизода и А. Авлони), «Улуғ Туркистон» (редактор К. Бакиров), «Нажот» (редактор М. Абдурашидханов), «Кенгаш» (редактор Ахмад Заки Валиди и Мунаввар кары Абдурашидханов), «Шурои-Ислом» (редактор А. Баттол), «Турк сузи» (редактор Т. Худоерхонов) и «Турк эли».

Ташкент накануне большевистского переворота и после него был бурным центром политических событий. После захвата

власти большевиками в сентябре 1917 г., демократы Туркестана, выступая против антинародной деятельности большевистской власти, противоречащей социальному равенству, продекларированной на бумаге, объявили о создании Туркестанской автономии в г. Коканде. Первым поддержало это население Ташкента, вышедшее на митинг в поддержку Туркистон Мухторияти 13 декабря 1917 г. В нем участвовало 150 тыс. человек. Люди вышли на демонстрацию с транспарантами: «Автономии Туркестанскому краю», требуя от большевистского правительства признать суверенитет республики. Однако по демонстрантам красноармейцы открыли огонь и было убито 16 человек. Республика Туркистон Мухторияти была разгромлена большевиками, которые до этого захватили власть.

28 октября 1917 г. рабочие железнодорожных мастерских совместно с солдатами Ташкентского Совета большевиков совершили вооруженный переворот. Было образовано новое правительство — Совет Народных Комиссаров, в который не вошел ни один представитель коренного населения. Туркестан был объявлен Туркестанской автономной республикой в составе РСФСР, но эта автономия носила чисто декларативный характер. С 30 апреля 1918 г. Ташкент был объявлен столицей ТАССР. Экономическая и культурная политика большевиков вызвала углубление кризиса в народном хозяйстве. В 20-х годах такие представители национальной интеллигенции, как Назир Туракулов, Турар Рыскулов, Кайгусиз Атабаев, Абдулла Рахимбоев, Инамджан Хидиралиев, занимая различные должности, боролись за социальное и политическое равенство, отстаивая интересы народа перед Центром, старались облегчить прохождение хозяйственного кризиса как в республике, так и в ее столице.

В 1924 г., после образования Узбекской ССР, столица была перенесена в г. Самарканд. С 1930 г. Ташкент вновь стал столицей Узбекистана. Социально-экономические реформы советской власти: индустриализация, коллективизация сельского хозяйства неоднозначно повлияли на развитие города, как, в целом, и республики. Он лишился предпринимателей, лучших хозяйственников. Сталинские репрессии 30—50-х годов уничтожили весь цвет интеллигенции Ташкента, как национальных

руководителей, так и писателей, поэтов, музыкантов. Среди них жившие и работавшие в Ташкенте У. Носир, Эльбек, Боту, А. Кадыри, А. Чулпан и др. представители культуры и науки.

Но несмотря на это, благодаря терпению, трудолюбию народа город благоустроивался. Здесь был построен ряд промышленных предприятий — текстильная, табачная, обувная фабрики. Созданы Бозсуйская, Буржарская гидроэлектростанции, а также ГЭС Кадирия.

В годы Второй мировой войны промышленность Ташкента полностью работала на нужды фронта. К началу 1942 г. почти половина всех промышленных предприятий Ташкента перешла на полный или частичный выпуск военной продукции. Наряду с этим предстояло в кратчайшие сроки разместить на территории города и обеспечить введение в строй свыше ста предприятий, эвакуированных из других районов страны, в том числе Московский авиационный завод им. В. Чкалова, заводы «Ростсельмаш», «Электрокабель» и др. Для размещения предприятий оборонного значения было выстроено и реконструировано более 150 тыс. кв.м производственных помещений, в монтаже оборудования и строительстве новых объектов участвовало до 115 тыс. человек. В декабре 1941 г. в Ташкенте действовало 137 предприятий, из них 64 выпускали военную продукцию. В 1943 г. промышленность Ташкента выпустила продукцию в три раза больше, чем в 1940 г. За годы войны коренным образом изменилась структура промышленности города. Если в 1940 г. 81 процент приходился на долю текстильной, легкой и пищевкусовой промышленности, то в 1941 г. 60 процентов составляла тяжелая промышленность, а ведущее место занимали машиностроение и металлообработка. Немало воинов-узбекистанцев, в том числе из Ташкента, воевали на фронтах Второй мировой войны.

В эти годы в городе было создано до 20 госпиталей (7650 коек). Шефство над ранеными и больными воинами Советской армии держали коллективы фабрик, заводов, учреждений, санитарные дружины, учащиеся школ и курсов медсестер, деятели литературы и искусства.

Городской Совет депутатов трудящихся проводил большую работу по оказанию помощи семьям военнослужащих. Для раз-

мещения прибывавших в Ташкент детских домов и групп детей предоставлялись лучшие помещения города. Дети-сироты брались на специальный учет, подростки направлялись в школы фабрично-заводского ученичества, ремесленные и железнодорожные училища с последующим направлением на работу. Население города проводило сбор денежных средств, детской одежды. По призыву женщин Ташкента началось массовое движение по усыновлению эвакуированных детей, тысячи жителей последовали этому призыву.

В годы войны столица стала крупным очагом подготовки высококвалифицированных специалистов по всем отраслям народного хозяйства, науки и культуры. Здесь работали 375 крупных ученых и научных работников из Академии наук СССР. В 1943 г. была создана Академия наук Узбекистана, работали 23 научно-исследовательских учреждения, в том числе Всесоюзный научно-исследовательский институт по хлопководству (СоюзНИХИ), Среднеазиатский институт ирригации и др. Большую роль в развитии науки и культуры сыграли вузы Ташкента, а также эвакуированные сюда Московские институты инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, автодорожный, архитектурный, плановый, а также Киевский индустриальный институт и др.

За 1946—50-е гг. технической реконструкции и расширению подверглись все предприятия машиностроения. В 1950 г. объем промышленного производства возрос по сравнению с довоенным уровнем в 2,9 раза, а по сравнению с 1913 г. — в 30,7 раза.

Расширялась территория Ташкента. К 1946 г. она составляла 130 кв. км. В конце 50-х — начале 60-х годов начали создаваться жилые массивы многоэтажной застройки, новые промышленные зоны. В 1947 г. был пущен троллейбус, благоустроились улицы.

26 апреля 1966 г. в результате землетрясения были разрушены и повреждены многие промышленные предприятия, культурные, медицинские, коммунально-бытовые учреждения, школы. При участии всех республик страны за 3,5 года практически были ликвидированы последствия землетрясения. Благодаря усилиям архитекторов и строителей были созданы новые жилые массивы и микрорайоны такие, как Чиланзар, Каракамыш,

Карасу, а также архитектурные ансамбли, уникальные общественные здания.

Вместе с тем после землетрясения сильно изменился социальный и национальный состав населения Ташкента, за счет переселенных сюда людей из европейских частей страны.

В 70-е годы Ташкент оставался в числе развитых индустриальных городов. Ташкентский тракторный завод и заводы «Ташсельмаш», «Узбексельмаш» обеспечивали республику тракторами и хлопкоуборочными комбайнами. В развитие легкой промышленности важна была роль Ташкентского текстильного комбината, фабрик «Тонг», «Малика», «Юлдуз». В это же время в Ташкенте была построена первая линия метро, которая стала обеспечивать передвижение граждан в городе. Ташкентский авиационный завод им. Чкалова участвовал в обеспечении страны авиатранспортом. В городе функционировали Кабельный завод, заводы «Алгоритм», «Зенит».

Несмотря на трудности и зависимость от Центра руководство Узбекистана добились строительства в Ташкенте величественного здания Дворца дружбы народов.

В эти годы, несмотря на засилье коммунистической идеологии и зависимость от политики Центра, Узбекистану удалось достичь больших успехов в культурной и духовной жизни. Особенно это было связано прежде всего с его столицей, где осуществляли свою деятельность основные учебные заведения, театры, научные и медицинские учреждения, издательства и т.д. В Ташкенте была сосредоточена большая часть учреждений музыкального и изобразительного искусства, успешно работали творческие союзы. В течение многих лет Ташкент был известен всему миру как город, в котором каждые два года проводился Международный кинофестиваль стран Азии, Африки и Латинской Америки. В это время столица становилась центром развития узбекской кинематографии, основателем которой был известный режиссер Н. Ганиев. Были созданы шедевры узбекской кинематографии, такие фильмы, как «Озорник» (Д. Салимов), «Ташкент — город хлебный» (Ш. Аббасов), «Минувшие дни» (Ю. Агзамов), «Нежность» (Э. Эшмухаммедов) и др.

В Ташкенте наряду с известными поэтами, писателями и композиторами — Гафуром Гулямом, Айбеком, Шейх-заде, Зульфи-

ей, Абдулла Каххаром, Мухтаром Ашрафи, Козловским и др. плодотворно трудились следующее поколение литераторов, таких как Мирмухсин, Саид Ахмад, Аскад Мухтор, Хамид Гулям, Адыл Якубов, а также молодые и талантливые прозаики, поэты — У. Умарбеков, Э. Вахидов, А. Арипов, Ж. Жаббаров и др.

Ташкент всегда был центром научных исследований. В отмеченные годы плодотворно функционировала Академия наук, при которой были открыты такие институты, как ядерной физики, химии растений, сейсмологии, электроники, биохимии и др. А имена ученых Я. Туракулова, В.П. Щеглова, А. Садыкова, М. Набиева, С. Юнусова, Т. Сарымсакова, У. Арипова, И. Муминова, П.Г. Булгакова, Я. Гулямова стали известны далеко за пределами Узбекистана.

Среди других союзных республик Узбекистан выделялся своими огромными экономическими возможностями, природными богатствами, интеллектуальным потенциалом и трудолюбивым народом. Поэтому годы господства административно-командной системы и, в частности, годы застоя, были периодом очень больших потерь для Узбекистана и для Ташкента. Однако город, будучи столицей независимого государства Узбекистан, восстановил свои интеллектуальные и культурные силы. Он расцвел как один из лучших городов, внесших свою большую лепту в историю мировых цивилизаций.

С обретением независимости облик Ташкента неузнаваемо изменился. Теперь наша столица стала ретранслятором кардинальных политических и экономических реформ, проводимых президентом и правительством страны.

Ташкент является политическим центром республики. Здесь находятся резиденция Президента Узбекистана, палаты Парламента республики (Сенат и нижняя палата Олий Мажлиса), Правительство республики (Кабинет Министров), а также центры общественных движений и партий, посольства, дипломатические миссии, учреждение ООН и другие международные организации. Здесь периодически проходят встречи глав государств стран СНГ, государств Центральной Азии.

Ташкент является городом-побратимом таких зарубежных городов, как Сياتл (США), Мараккеш (Марокко) и др.

Герб нашей столицы был принят в 1996 г.; в 2003 г. в него вносились некоторые изменения.

В Ташкенте регулярно проводятся различные международные семинары, симпозиумы, съезды. В 1998 г. в нашей столице ЮНЕСКО провела 155 сессию своего исполнительного комитета.

В Ташкенте, как и в других областях республики, установлена историческая национальная форма правления — хокими-ят. На основе решения Верховного Совета РУз от 18 ноября 1991 г. «О статусе столицы Республики Узбекистан — Ташкенте и органах государственной власти в Ташкенте» была учреждена должность хокима (мэра) города.

В области экономики на основе требований перехода на рыночные отношения осуществлен целый ряд мероприятий по поощрению развития бизнеса, предпринимательства, внедрения зарубежных инвестиций, созданию банковско-кредитной системы. В городе функционируют многочисленные СП, фирмы, открытые совместно с иностранными партнерами.

Особое внимание уделяется приданию городу оригинального архитектурного облика. 1 сентября 1991 г. Указом Президента Узбекистана Центральная площадь Ташкента стала называться «Мустакиллик майдони» — «Площадь Независимости». Многие улицы, площади, организации, были переименованы, особенно те, чьи названия были связаны с именами деятелей коммунистического режима. Один из центральных скверов стал называться «Сквером Амира Темура» («Амир Темур хиёбони»), где установлен памятник Сахибкирану и построен Музей истории периода Темуридов.

Учитывая своеобразие старгородской части Ташкента, с 1995 г. началось комплексное развитие ее инфраструктуры.

Во главе всех изменений и преобразований стоит Президент РУз И.А. Каримов.

В годы независимости на основе Указа Президента «О поддержке органов самоуправления граждан» (1998 г.), программы «Махалля» (2003 г.) махалли Ташкента обрели свой правовой статус. В городе функционируют 493 махалли (органы самоуправления граждан).

Ташкент является самым крупным промышленным центром Узбекистана. Почти 30 процентов промышленных товаров, производимых в республике, приходится на его долю. Сегодня в городе действует более 300 предприятий, 14 отраслей промыш-

ленности. Ведущее место занимают такие отрасли, как энергетика, машиностроение и самолетостроение, обработка металлов, производство строительных материалов, легкая и пищевая промышленность. Эти предприятия своими товарами выходят на мировой рынок. Ташкентские предприятия экспортируют в Германию, Китай, Венгрию медный кабель, в Болгарию, Швейцарию, Францию — хлопковое волокно и хлопкоуборочные машины в несколько государств. В Ташкенте в 2004 г. функционировало 1423 предприятия и фирмы, созданных совместно с компаниями более из 80 стран мира. Например, совместные предприятия «Шайхонтохур текстиль», «Сагбон текстиль» (Турция), «Ич-Отеда-тех» (Южная Корея), «Хобастапо» (Германия и Швейцария), «Безак» (США) вносят достойный вклад в развитие внешней торговли. В 2003 г. производство товаров в негосударственном секторе составило 88,6 процента.

Самый большой транспортный коридор в Средней Азии — Ташкентский аэропорт имеет важное международное значение. В городе действуют 2 железнодорожных вокзала, 2 аэропорта, автовокзал, 5 автостанций.

Из Ташкентского аэропорта, кроме государств СНГ, самолеты совершают рейсы в Лондон, Франкфурт-на-Майне, Тель-Авив, Джидду, Дели, Нью-Йорк, Амстердам, Шаржу, Куала-Лумпур, Тегеран, Афины, Сянган и другие города мира.

В Ташкенте проложены важные автомобильные дороги, самые крупные из которых Большой Узбекистанский тракт и Ташкентская кольцевая дорога. Внутри города действует метрополитен, а также различный наземный транспорт — троллейбусы, автобусы, трамваи, такси. Несоизмеримые с предыдущим периодом достижения осуществлены в период независимости и в области культуры, науки и образования. Здесь Ташкент занимает главенствующее место.

В 2003–04 учебном году действовало 362 средние школы, 23 академических лицея, 30 музыкальных и 25 спортивных школ, 30 вузов, в том числе Национальный университет Узбекистана (НУУз) им. М. Улугбека, Медицинская Академия, Ташкентский государственный экономический университет, Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, Исламский университет, Ташкентский государственный технический

университет и многие др. В 1998—2003 гг. были открыты 47 профессиональных колледжей и академических лицеев. Повышением квалификации специалистов высшего уровня занимаются Академия общественного и государственного строительства при Президенте РУз и Финансовая академия.

В городе работают 16 музеев, 166 общественных библиотек, 9 дворцов культуры, 13 театров, 16 парков отдыха и культуры.

Нашу столицу можно назвать и центром современной медицины. Здесь расположены центры скорой медицинской помощи, глазной микрохирургии, кардиологии, хирургии, онкологии республиканского значения. В 99 больницах города на 18,6 тыс. коек работают 16,5 тыс. врачей, 25,2 тыс. медсотрудников со средним специальным образованием. В городе функционируют 115 поликлиник, 594 аптеки, 5 санаториев, 19 санаториев-профилакториев.

Президент Узбекистана И.А. Каримов и Правительство уделяют большое внимание развитию спорта и спортивного воспитания молодого поколения. В 1994 г. в Ташкенте стал функционировать дворец «Юнусобод», в котором проводятся Международные теннисные турниры на кубок Президента РУз. В городе действует школа олимпийского резерва и т.д.

Сильно развита и инфраструктура средств массовой информации. Издаются 19 республиканских и 2 областные, 2 городские и 44 многотиражных газет. Из 67 журналов, издаваемых в республике, 62 выходят в Ташкенте. Здесь функционируют 4 информационных агентства. Большинство издательств республики также действуют в Ташкенте.

Огромное внимание со стороны руководства страны уделяется реставрации исторических памятников города. Совершенно по-другому, чем 15—20 лет назад выглядят медресе Кукельдаш (XVI в.), мавзолей Шейха Зайниддина бобо (XIII—XIV вв.), мавзолей Ходжи Аламбардора (X в.), медресе Шайха Абулкасыма (XIX в.), мавзолей Юнусхана (XV в.), мавзолей Шайх Хованди Тохура (XV в.), мавзолей Калдиргочбия (первая половина (XV в.) и др. Есть мавзолеи Чупон ота, Каффола Шоший.

Все достижения Ташкента — это достойный показатель полноценного развития Узбекистана. Свое 2200-летие город встречает, как один из лучших столиц мира, со своей своеобразной национальной культурой.

О НЕКОТОРЫХ ЛИЧНОСТЯХ В ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

(Энвер Паша. Герой или авантюрист?)*

История Узбекистана изобилует именами сотен тысяч героев, отдавших свои жизни, устремления за независимость Родины. Давно уже известно, что ход истории во многом зависит от личностей, руководителей и лидеров движения, от того — поддержит их народ или нет. В годы независимости восстановлены многие забытые имена людей, вложивших немало сил и энергии в дело прогрессивного развития страны на разных этапах истории. Однако приходится с сожалением констатировать, что до сих пор встречаются случаи неправильной оценки некоторых «исторических образов». А происходит это от того, что некоторые историки не могут отделаться от чересчур эмоционального, невзвешенного, необъективного отношения к ним. Этому мешает плохое знание исторических событий, желание «перетянуть» или «дотянуть» линию истории до заранее заданной цели. Для этого обычно архивные документы трактуются односторонне, а те, которые опровергают мнение автора зачастую просто игнорируются.

Один из таких исторических личностей, который в последних публикациях некоторых историков, публицистов и писателей получил не совсем верную оценку, — известный лидер повстанческого движения Энвер Паша. В последнее время появились разного рода литературные произведения, где он безосновательно возводится в ранг национального героя Узбекистана. Имеем ли мы на это право?

Объективный подход к его биографии и деятельности, основанный на изучении различных источников, думаем, позволит нам найти истинный ответ на этот вопрос.

Бывший турецкий подданный по имени Энвер Ахмад бей оглы, получивший в свое время в Турции звание Паши (генерала), но осужденный правительством Кемаль Ата Тюрка и приговоренный к смертной казни заочно, в октябре 1921 г. появился

---

* 2006 год.

в Бухаре. Что заставило его несколько лет скитаться по Европе и Азии и искать именно здесь пристанище? Какие идеи пылали в его больном воображении? Что искал он здесь, в стране, где раньше никогда не был, чего ожидал он? Проследим же за его биографией, которая объяснит нам многое. Родившийся в шумном Стамбуле в 1881 г., Энвер с детства был приучен к мысли о собственном превосходстве и предначертанности быть «великим». Не лишенный организаторских дарований в 1903 г. он успешно окончил Военную академию и был в числе других молодых офицеров направлен в Македонию, которая находилась под владычеством Османской империи, для прохождения военной службы¹. Вступив в ряды младотурков он влился в ряды мятежников и участвовал в освобождении Македонии. Пытаясь привлечь, пользующегося авторитетом среди молодых офицеров Энвера, Османский султан Абдулхамид II присваивает ему звание Паши (генерала) и назначает его военным атташе в Берлине². В судьбе Турции этому назначению было суждено сыграть немалую и даже роковую роль. Еще в Македонии, Энвер общался с австрийскими офицерами, изучил немецкий язык и основы немецкого военного искусства. Время в Берлине не прошло даром. Энвер Паша пришелся ко двору канцлера Германии Вильгельма, приобрел много друзей, завел знакомства в высших военных кругах³. В 1913 г. судьба дарует ему еще более высокую должность. В Турции происходит военный переворот и его друзья, уже занимавшие высокие посты — это Талгат Паша (Премьер министра) и Жамал Паша (министр военно-воздушных сил) предлагают ему место военного министра и главнокомандующего турецкими войсками. Эта должность помогла ему еще более укрепить связи с Германией и быть инициатором партнерства Турции на стороне Германии в Первой мировой войне. Подписание договора между Германией и Турцией против Антанты в июле 1914 г. стало высшим дипло-

---

¹ См.: *Hıqıymaz E.* Enver Paşa. Star Sayfı: 74, İstanbul, 14 mart, 1993. B. 26.

² См.: *Ражабов Қ.* Бухоро Қизил армия босқини ва унга қарши кураш. Тарих ҳақиқати (1920—1924). — Тошкент, 2002. Б. 42.

³ См.: *Медведев В.* Басмачи — обреченное воинство // Дружба народов. 1992. № 8. С. 134.

матическим достижением Энвера Паши. Однако это настроило против него демократическое движение. Он стал инициатором втягивания Турции в Первую мировую войну. Этому ему не простили. Тем более что Турция потерпела поражение в сражениях с российскими войсками на Армянском направлении, а затем на Суэцко-Египетском фронте¹. Именно поэтому он был приговорен в Турции к высшей мере наказания². В советской литературе часто утверждалось, что Энвер Паша работал на английскую разведку. Однако эта версия осталась бездоказательной. Напротив, известный английский специалист Фицрой Маклин, изучавший Среднюю Азию, писал, что Энвер Паша был с самого начала на службе германского генерального штаба и после поражения Германии в войне, продолжал играть значительную роль во внешней политике Веймарской республики³. Но как бы то ни было, именно сюда — в Туркестан он бежал через Одессу, спасаясь от наказания.

Справедливости ради следует сказать, что Энвер был незаурядной личностью. Несомненно это был энергичный, пылкий, отважный человек, который умел гипнотизировать людей своей страстной, зажигательной речью. В его судьбе тесно переплелись трагедия и мелодрама, самоотверженность и тщеславие, расчет и безрассудство.

Наши оппоненты, возвеличивающие его роль в движении против Советской власти в Бухаре, абсолютно не берут во внимание вторые характеристики, особенно его грандиозное тщеславие. Сначала Македония, затем Закавказье и Турция должны были стать плацдармом для его «восхождения», а так как этого не произошло, то «взор» Энвера устремился на Туркестан. Он задумал построить великую империю, похожую по этническим показателям на Османскую, где он будет единственным диктатором и властелином. Основа этой идеи была заложена еще тогда, когда он женился на Эмине Наджибе Султан, племяннице

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. III. — Москва, 1966. С. 149.

² Международные отношения и внешняя политика СССР (1917—1960). — Москва, 1961. С. 36.

³ *Хидоятова Н.* Энвер Паша и басмаческое движение // Человек и демократия. 1993. № 4. С. 53.

османского халифа и получил титул «зятя халифа всех мусульман»¹. Это придавало его образу религиозный оттенок. Когда Османская империя пала и лишилась огромной части своих владений, в том числе арабских земель, ближайший сподвижник Энвера — его дядя Халил-Паша говорил: «Какой интерес для нас представляют арабы? Оставим англичанам проклятую песчаную пустыню и пойдем в Туркестан. Там я создам империю для моего маленького Чингиза». Так звали младшего сына Энвера. Романтик и мечтатель Энвер Паша не имел никакого представления о Туркестане, но знал, что титул зятя халифа поможет ему обрести здесь славу среди мусульман. Известный лидер национально-прогрессивного движения в Башкирии и Туркестане Ахмед Заки Валиди Тоган писал о нем: «Я понял, что этот человек был великим идеалистом, что он не сообразовывался с событиями и жизнью, что он не знал ни географии, ни статистики Туркестана, хотя бы по российским и европейским публикациям»².

Главной движущей силой Энвера была страсть к славе. Иначе как можно объяснить его попытку завязать дружбу со своим недавним врагом — большевиками? В начале 1920 г. он прибыл в Москву. Почему Энвера принял Ленин? Большевики вели политику привлечения на свою сторону популярных людей, вождей «красного Востока», которых учили делать революцию. Они надеялись, что и Энвер — бывший военный министр Османской империи, будет полезен. С их благословения он создает «союз исламских революционеров» — нечто вроде мусульманского интернационала³.

Как писал В. Медведев, «Энвер покаялся, отразил готовность идти в коммунистической упряжке и ожидал законного вознаграждения. Он надеялся с помощью большевиков вернуться в Турцию»⁴. Он просил не много, всего лишь две кавалерийские дивизии из турецких военнопленных и кавказских мусульман.

---

¹ Медведев В. Басмачи — обреченное воинство. С. 235.

² Валидий З. Хотиралар // Шарқ юлдузи. 1993. № 9. Б. 154.

³ См.: Медведев В. Басмачи — обреченное воинство. С. 136.

⁴ Там же.

В это время греческая армия начала наступление на Анкару. В случае помощи России началось бы новое восхождение Энвера к власти. Но Москва отказала. В сентябре 1921 г. Кемаль Паша одержал победу¹. Ворота Родины захлопнулись перед Энвером. Но он не угомонился и двинулся на Восток. Его вела буйная мысль, несбыточная романтическая мечта — создать великую империю — от границ Турции до Индии, включая Китайский Туркестан (Синьцзян) и Афганистан — исламский халифат со столицей в Самарканде, точнее тюркский халифат.

Прибыв в Бухару Энвер очень быстро понял, что большевики не пользуются авторитетом среди населения. Файзулла Ходжаев, возглавлявший Бухарскую республику, учитывая его авторитет и расценивая его приезд как желание участвовать в реформаторских делах бухарского правительства, предложил ему пост военного министра². Однако это было слишком оскорбительно, слишком ничтожно по сравнению с тем, к чему он был «призван» — строить свою собственную империю, а не быть винтиком марионеточного правительства.

Вначале Энвер имел успех, его поддерживало население, так же, как оно поддерживало и другие группировки, боровшиеся с Красной Армией и Советской властью. Это понять очень просто. Жители Восточной Бухары, как и всего Туркестана восприняли приход Красной Армии как бедствие. Для этого не надо доказательств, приведем лишь свидетельство самих большевиков. В записке вице-консула РСФСР в Восточной Бухаре, датированной июлем 1921 г., пишется: «Активные действия особых отделов, аресты, обыски, конфискации и отсылка ценного имущества из Восточной Бухары ... содействовали национальной агитации басмачества... Военное подавление восставшего населения проводилось исключительно вооруженной силой, что сопровождалось избиением населения... Во время девятимесячного пребывания в Бухаре 1-ой кавдивизии материальные условия, в которые был поставлен красноармеец, невольно наталкивали его на грабежи...». По данным историков, в те

¹ См.: Гражданская война в СССР. В двух томах. Т. 1. — Москва, 1986. С. 359.

² Там же. С. 138.

годы страну покинули 200 тыс. человек — четвертая часть населения Восточной Бухары. В 1925 г. комиссия, побывавшая на юге республики, обнаружила полностью заброшенные кишлаки, разрушенные жилые дома, заросшие сорняками поля и огороды. Об этом писалось очень много и истинная сущность движения сопротивления, называемого Советской властью басмачеством, вызванная нарушением традиционного уклада жизни, ущемлением религиозных убеждений, насильственной жесткой формой введения социально-политических преобразований со стороны советской власти, давно раскрыта историками. Объясняет поддержку населением Энвера Пашу и умело проводимая им пропаганда его личности, как зятя халифа и местного пророка. Ходил слух, и это было в действительности, что на его именной печати из драгоценного металла было выгравировано: «Главкомандующий всеми войсками ислама, зять халифа, наместник пророка». В обращении же ко всем мусульманам он уже объявляет себя халифом: «Я назначен халифом исламского мира. Моя цель объединить всех мусульман и освободить их»¹. Вполне понятно, что назначил себя он сам. Вряд ли бывший Эмир Алимхан, находившийся в эмиграции это одобрял, хотя цепляясь за него, как за соломинку, вынужден был назначить его главкомандующим.

В 1922 г. в феврале Энвер Паша нанес сокрушительный удар Красной армии в восточной Бухаре, завладев г. Душанбе. Большевицкое руководство обеспокоенное этим выделило 1,5 млн рублей и отправило военные эшелоны в Бухару². Речь шла не просто о сохранении советской власти в Бухарской республике. Движение сопротивления уже было повсюду в Туркестане. Наступила реальная угроза Советской власти, которая держалась вначале благодаря жесточайшим репрессивным мерам, а затем вынужденному отходу от политики военного коммунизма.

Командующим Бухарской группой войск был назначен командир, имевший большой опыт подавления крестьянских вол-

¹ Контер О. Басмачество // Спутник коммуниста. 1923. № 4. С. 95.

² См.: Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане. — Душанбе, 1963. С. 337.

нений в России еще в царское время, генерал Н.Е. Какурин, служивший под началом Тухачевского.

Ополчению Энвера противостояла регулярная, хорошо оснащенная армия. Мечтателю противостоял реалист Какурин, партизану — кадровый офицер. Энвер не видел, да и не хотел видеть реальность, как и во все ответственные моменты своей жизни. Он был в чужой стране, где не имел опоры. Он хотел быть единоличным диктатором и не считался с другими группировками, в частности с Ибрагимбеком, который был ненадежным союзником и не хотел подчиняться ему. Уставшее от войны население, вскоре перестало поддерживать зарубежного героя. Слава его после сражения под Байсуном сразу потускнела и даже афганцы не захотели принять его в страну, а правительство Афганистана выпустило воззвание, призывающее афганцев, воюющих в армии Энвера, вернуться на родину.

Последний и решительный бой состоялся под Бальджуваном, где и оборвалась жизнь не состоявшегося императора. Энвер Паша, мечтавший управлять мусульманским миром и стать «азиатским Наполеоном», оказался в ловушке большевиков, которые сами направили его в Туркестан и сами же уничтожили¹. На самом деле независимость туркестанцев никогда не волновала Энвер Пашу. Под этим лозунгом он хотел превратить Среднюю Азию в плацдарм для расширения своих амбициозных целей создания сказочной страны, где он был бы халифом. Он знал, что здесь силен ислам. И заручившись поддержкой населения, он вновь хотел завладеть Турцией. Это был без сомнения великий авантюрист XX века.

Ряд как западных, так и отечественных исследователей пытаются идеализировать его личность, наделяя его чертами страстного рыцаря, выступавшего за справедливость и свободу угнетенных народов. Вне всякого сомнения его роль в политической жизни в эти годы была внушительной, однако, не следует забывать, что у него не было ни определенной политической программы, ни реформаторских идей. Им руководили амбици-

---

¹ См.: *Козловский Е.* Красная армия в Средней Азии (военно-исторический очерк). Политуправление Средней Азии. — Ташкент, 1928. С. 52.

озные устремления, он хотел воспользоваться Туркестаном, не учитывая, что это своеобразная страна со своими вековыми традициями, менталитетом, географией. Крах Энвер Паши — это крах неудавшегося политика. Не следует забывать и о его связях с Германией, которая укрывала его в опасные для него времена не без причины. Вместе с тем он был в нашей истории, ее не выбирают, но относиться надо к ней объективно, потому что история — это быстротекущая река, в которой невозможно ничего изменить.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА В ИСТОРИОГРАФИИ 20—30-х ГОДОВ*

История культуры народов — одна из важнейших проблем исторической науки. Слова известного философа Н.А. Бердяева: «В нашу эпоху нет более острой темы и для познания и для жизни, чем тема о культуре и цивилизации, и о их различии и взаимоотношении. Эта тема об ожидающей нас судьбе. А ничто не волнует так человека, как судьба его»¹, — как никогда актуальны и современны сегодня и не требуют дополнительных пояснений. Но все же необходимо отметить в связи с этим какую актуализацию должно получить и изучение истории проблем культуры Узбекистана, переоценка пройденного наукой пути в исследовании такой сложной и многообразной структуры, как культура. При этом следует учитывать весь комплекс объективных условий, прямо или косвенно влиявших на развитие исторической мысли по данной теме, в том числе общее развитие исторической, смежных наук и даже уровень научного развития в целом.

Поэтому, основываясь на проблемно-хронологическом подходе, мы рассматриваем характерные особенности каждого периода историографии проблемы, испытавшей на себе влияние общего состояния и развития исторических знаний, качественного и количественного состава, изучающих и освещающих ее аспекты авторов и научных кадров, находившихся под воздействием самих исторических событий и наличествующей общественно-политической и социальной атмосферы.

---

* 1995 год.

¹ *Бердяев Н.А.* Воля к жизни и воля к культуре // Бердяев Н. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. 2-е издание — Париж, 1969. С. 249.

Первая половина XX столетия была сложнейшим периодом в истории культуры Узбекистана. Ее изучению посвящено немалое количество литературы, сложилась довольно объемная отраслевая историография, включающая в себя культуроведческие работы многих профилей. Однако они во многом повторяли друг друга, а схожи были в том, что динамику культуры преподносили только по восходящей линии. Трактовка истории развития культуры была однозначна и игнорировала наличие зигзагов и падений в этой сфере. Первые подходы к критике команд бюрократических методов управления государством, конечно же дали возможность поиска новых архивных фактов, обеспечили более объективный анализ первичных источников. Однако, эти подходы были ограничены и сведены к «культу личности». Это касается, как бывшей союзной литературы, так и изданной непосредственно в Узбекистане.

К сожалению, и в настоящее время освещение духовной жизни общества того периода значительно отстает от той степени внимания, которое проявляется исследователями при изучении отдельных проблем истории Узбекистана. Между тем 20—50-е годы XX в. в развитии культуры самый противоречивый и сложный период, который отразился и на его историографии. Сама по себе историография является носителем и свидетелем процесса развития и одновременно деформирования и преломления, перерождения культуры узбекского народа. Мы считаем возможным разделение ее на два этапа: с 1917 г. до конца 30-х годов и с 40-х до 50-х годов. При этом необходимо учитывать, что первые послеоктябрьские годы имеют значительное отличие и в историческом, и в историографическом ракурсе от последующих лет.

Обстановка в эти годы, не скованная еще цепями административно-бюрократического произвола, стимулировала появление многих оригинальных идей, призванных служить развитию культуры общества и культуры человека. Хотя литературная продукция этого времени не претендует на глубокую научность и глобальную постановку проблемы, но она выделяется содержанием широкого диапазона взглядов и мнений, дискуссионностью, критичностью и одновременно пониманием того, что государственная программа культурного строительства должна слу-

жить развитию национальной культуры во всех ее аспектах. В целом же в 20—30-е годы на историографии проблемы сказались противоречивые явления. Это смещение прогрессивных тенденций в ее развитии с элементами трагизма, в частности: возникновение в сфере культуры интенсивной демократической тенденции развития и смена ее на экстенсивный и командные методы, выражаемые валовыми, количественными показателями, создававшими иллюзию «культурной революции»; огромный всплеск энтузиазма масс в области образования и в то же время необдуманные реформы; образование большого корпуса новой интеллигенции и истребление ее старых кадров; повышение уровня грамотности и утверждение бюрократизма и конформизма; продвижение к техническому прогрессу, организация научных учреждений, обусловившие развитие науки и в то же время усиление механизма торможения, приведшего к задержке духовного развития общества и даже откату назад, к регрессу в определенных его гранях. Утверждение и усиление в 30-х годах тоталитарного режима, создававшего иллюзорность успешного развития общества по пути социализма, заметно сказались и на литературе по вопросам культуры, которая характеризуется упрощенческими взглядами на решение проблемы, отсутствием концептуальности, дальнейшим утверждением крайнего догматизма. Во второй половине 30-х годов внимание к этой теме сильно ослабевает, что определяется ее «решенностью» и включенностью в круг «величайших достижений». В годы Второй мировой войны освещение вопроса ограничивалось публицистикой, отражавшей вклад ученых, интеллигенции, представителей сценического искусства в обеспечение победы. В то же время заметно развилась историографическая база, получавшая влияние через научную и педагогическую деятельность, прибывших в Узбекистан известных историков из Москвы и Ленинграда. К концу 40-х годов проявляется попытка подойти с исследовательской меркой к итогам культурного развития Узбекистана. Это было обусловлено подготовкой к юбилею 25-летия образования Узбекской ССР.

В начале 50-х годов заметно усиливается научное осмысление истории культуры Узбекистана, основанное на непосредственном привлечении архивных материалов и складывается

пока еще очень слабая, но исследовательская база для развития научной историографии этой проблемы.

Вместе с тем, продолжающиеся репрессии в значительной степени выхолащивали ряды научной интеллигенции, что заметно сказывалось на развитии науки в целом и на ее гуманитарных дисциплинах. Кроме того, идеологизация современного культурного развития продолжалась по инерции и после XX съезда ВКП(б), развенчавшего культ личности Сталина. Этим объясняется отсутствие критического осмысления истории развития народного образования, литературы и искусства.

Таковы общие черты историографии культуры в рассматриваемый период. Изучение ее ключевых направлений позволит нам выявить наиболее существенные черты, определить круг важнейших вопросов, требующих изучения современными исследователями.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ*

Идеологизация культуры началась сразу же после октябрьского переворота. Ярким примером этого может служить статья Изэля, который был не одинок в своем убеждении, что «политика должна быть основным стержнем, осью работы» не только в высшей школе, но и школьном и дошкольном воспитании¹. Но тем не менее в первые годы после октября разрабатывались и были предметом обсуждения такие формы развития культуры, которые были наиболее приемлемы в условиях Туркестана, причем стержневой проблемой являлась проблема народного образования и просвещения. Так журнал «Вестник просвещения и коммунистической культуры» ставил задачи просвещения среди местного населения, необходимым условием, для которого признавалось создание корпуса профессиональных кадров, владеющих местными языками для работы в мусульманских школах, организация структур при центральных учеб-

---

* 1995 год.

¹ См.: *Изэль*. Политика и просвещение // Вестник просвещения и коммунистической культуры. 1921. № 7—8. С. 2.

ных заведениях РСФСР в целях подготовки представителей из Средней Азии для поступления в вузы¹.

Одной из первых работ, затрагивающих эту проблему — организации советских школ была статья П. Лепешинского, опубликованная в 1920 г. в этом же журнале². Обращает на себя внимание статья востоковеда П.П. Иванова, который разумно ставил вопросы о более рациональном использовании имеющихся педагогических кадров и, пожалуй, к 1926 г. он был единственным автором, считавшим необходимым привлечение к работе учителей, отошедших от нее со времени октябрьской революции, и особенно учителей старометодных школ и их переподготовку³. Еще раньше в журнале «Наука и просвещение» была помещена чрезвычайно ценная и уникальная, на наш взгляд, статья А. Шукурова, обстоятельно освещавшая историю старометодных школ до и после революции⁴. Он выразил озабоченность кадровым расточительством и попросту говоря ханжеским отношением к учителям мусульманских школ, которые по его наблюдениям после революции пополнили контингент базарных торговцев. По его данным, до осени 1921 г. только в старой части Ташкента было 100 таких школ⁵, а к 1922 г. стало 20. Автор поделился весьма интересной и редкой информацией о том, что с началом нэпа их количество стало заметно увеличиваться за счет вновь открываемых старометодных школ. К сожалению, А. Шукуров не назвал причину их возрождения, отмечая, конечно же их слабость и нецелесообразность. Но одна его мысль весьма необычна и разумна. Обращая внимание на то, что с имеющихся в Туркестане 500 медресе государство получает 250 000 рублей вакуфа, он подчеркивал, что они тратятся на «ненадлежащие места», которые он не называл. А. Шукуров

¹ См.: *Иэль*. Политика и просвещение // Вестник просвещения и коммунистической культуры. 1921. № 7—8.

² См.: *Лепешинский П.* Проблемы современной революции и задачи просветительного строительства // Вестник просвещения и коммунистической культуры. 1920. № 1. С. 1—4.

³ См.: *Иванов П.П.* Просвещение и учитель // Народное хозяйство Средней Азии. 1926. № 8—9. С. 180—181.

⁴ См.: *Шукуров А.* Мусульманские школы в Туркестане // Наука и просвещение. 1922. № 1. С. 31—35.

⁵ Там же. С. 35.

предложил часть вакуфов тратить на «посылку учащихся из туземцев за границу. Тогда возможно будет отправлять за границу каждый год по несколько сот человек, которые возвращаясь на Родину через 5—8 лет новыми людьми, в действительности создадут новую школу»¹. В этом вопросе он возлагал большие надежды на съезд работников просвещения и, по-видимому, собирался выступить на нем с этим предложением. В те годы это еще было в объекте внимания Наркомпроса и известны факты отправки на учебу за границу студентов из числа узбеков, но это осталось первой и единственной попыткой наладить систему обучения студентов на Западе.

К этой же серии статей принадлежит и публикация В. Билика, который четко выразил свое мнение о причинах возрождения мусульманских, иначе говоря, конфессиональных школ². Находясь на вакуфном обеспечении, конфессиональные школы были в более выигрышном положении по сравнению с советскими школами. Слабое материальное содержание последних приводило и к уходу учителей из школ. «С течением времени, — писал В. Билик, — ... советская школа ослаблялась, а конфессиональная крепла., авторитет мулл среди населения способствует этому усилению. Учащиеся советских школ, прошедшие лишь краткосрочные учительские курсы, не могут противостоять влиянию конфессиональной школы». Подобные факты еще не были объектом раздумий отечественных историков и в советской историографии не анализировались. Кроме того, данные этих двух авторов свидетельствуют о том, что новометодные школы, завоевавшие популярность еще до революции среди прогрессивной части населения и снабжаемые частными лицами, после октября закрылись или перешли в разряд советских и, находясь на скудном материальном обеспечении, не могли конкурировать с мусульманскими школами. Что же касается вопроса об использовании учителей старометодных школ в новой системе обучения, поднимаемого П.П. Ивановым и А. Шукуровым, то следует отметить, что в официальных кругах сло-

---

¹ Шукуров А. Мусульманские школы в Туркестане. С. 35.

² См.: Билик В. Роль конфессиональной школы в жизни Туркестана // Наука и просвещение. 1922. № 1. С. 27.

жились к этому вопросу отрицательное отношение. В 1927 г. журнал «За партию» высказался даже за борьбу «с отрицательной ролью старометодных школ» и естественно вопрос об использовании их кадров был закрыт¹. В статье же М. Стамблера были разработаны основные методы борьбы со старометодной школой путем усиления советских школ и, таким образом, вопрос о реформировании мусульманских школ был снят с повестки дня². Более того, существование реформированных школ в конце 20-х годов такой автор, как А. Таджиев считал даже более опасным, чем наличие нереформированных, старометодных. По его мнению, они были источником распространения буржуазной идеологии и разрешение их деятельности рассматривал как «политическую близорукость»³.

Чрезвычайно интересной в этом отношении является статья Ф. Оликова «К вопросу о вероучении в школах коренных народностей Туркестана»⁴. Ее автор обладал способностью видеть реальную ситуацию в области образования и понимать необходимость считаться с традиционным образом жизни мусульман, с их психологическим настроем. Подтверждением этому его слова: «В данное время, когда конфессиональная школа получила стимулы к развитию, советскую школу необходимо поставить в такие условия, чтобы население не чуждалось ее. ... Последнее может быть достигнуто единственно введением преподавания вероучения в советских школах»⁵. Рост количества советских школ в Ташкенте и Самарканде в первые годы советской власти автор объяснял именно тем обстоятельством, что в 1918 г. НКП, принимая во внимание местные национальные и бытовые условия, допустил преподавание вероучения в советских школах. Однако противодействие местных властей, не допустивших осуществление этого решения на местах, он называл ничем не оправданной прямолинейностью. Автор утверж-

---

¹ См.: За партию. 1927. № 4. С. 130.

² См.: *Стамблер М.* Вопросы народного просвещения в Средней Азии // За партию. 1927. С. 95—96.

³ См.: *Таджиев А.* Некоторые вопросы культурного строительства. — Ташкент: Узбекгиз, 1928. С. 36.

⁴ См.: Наука и просвещение. 1922. № 1. С. 40—48.

⁵ Там же. С. 45.

дал, что к новому учебному году (1922 г.) занятия по вероучению будут введены по желанию населения того или иного района и будут проводиться ежедневно учителем или муллой. В связи с этим встает задача, связанная с исследованием по архивным материалам — действовало ли это решение на практике и сколько времени продолжалось преподавание вероучения.

Более глобально и концептуально рассматривал задачи народного образования Ф. Оликов¹, связывая кризисное положение в народном образовании, как и другие авторы этой серии статей, с непом. Он писал о том, что развитие народного образования, в частности, школьного строительства и организация культурных учреждений шли лихорадочно и стихийно, без учета материальных возможностей, «совершенно не считаясь и не соображаясь с наличием материальных предпосылок, помещений и культурных работников». Предлагая конкретные пути выхода из кризиса, Ф. Оликов считал первоочередной задачей «удержание широкого размаха бесконечной скачки роста культурно-просветительных очагов» и обращение внимания на их качественное состояние. Правомерность такой постановки вопроса, а говорил об этом сам замнаркома просвещения Туркеспублики, понимали, по-видимому, многие в органах НКП, потому что в статье Г. Глинина (также представителя НКП) уже позже говорилось о том, что «стесненное состояние государственного бюджета вызвало значительное сокращение школьной сети весной 1922 г.», а летом 1922 г. пришлось «еще более сжать сеть профессионально-технических школ»², причем сокращались те школы, которые благодаря нестабильному финансированию пришли в полный упадок. С финансовой точки зрения Ф. Оликов предлагал часть затрат на школьное строительство возложить на коммунальные хозяйства. Не берясь судить о правомерности такой постановки вопроса о материальном обеспечении развития культуры в целом, в чем возможно и были рациональные зерна, нельзя без волнения читать справедливые слова Ф. Оликова, свидетельству-

---

¹ См.: Оликов Ф. Наши задачи // Наука и просвещение. 1922. № 1. С. 3.

² Глинин Г. Деятельность отдела профессионально-технического образования в Туркнаркомпросе за период времени 1917—1922 гг. // Наука и просвещение. 1922. № 2. С. 60.

ющие о том, что погоня за результатами уже тогда начала заменять истинное положение дел: «Мы заразились болезнью блистать внешностью, наклеивая к нашим учреждениям громкие названия, забывая что при нашей бедности трудно было наполнить их содержимым. Получалась подчас, мощностъ с внешней стороны, но убожество по содержанию. Но мы восторженно заявляли: «Смотрите, как расширилась храмина науки, захватив чуть не весь город»¹. Особое внимание он обращал на поиск правильных методов работы с кадрами из коренных национальностей, на создание условий для возникновения дружественных отношений между ними и русскими, и что важно на изучение «туркестанских особенностей» развития культуры. Подобного рода статьи в этот период вполне восполняли недостаток научной литературы по рассматриваемой проблеме.

Критические материалы проходили и в статье, которая называлась «Кризис народного просвещения в Туркестане», где отмечалось, что Народный комиссариат просвещения расходовал из школьного бюджета лишь 20 процентов ассигнований на школы коренного населения, что было конечно чрезвычайно негативным явлением². Высказывалась и большая тревога по поводу неудовлетворительного состояния подготовки учительских кадров, издания и снабжения школ литературой³. Значительное внимание в периодике начала 20-х годов уделялось образовательным программам вузов, организации их работы. Актуальнейшую мысль о необходимости введения исторических курсов уже в школе, высказывал А.П. Архангельский⁴. Его озабоченность и убеждение в том, что невозможно построить обществоведение без серьезной исторической базы при наличии «потрясающего невежества школьников и студентов в области самых элементарных исторических знаний» получила поддержку многих историков.

При всем этом данные публикации не были лишены существенных недостатков. Идеологизация общества, обретавшая все более

---

¹ Оликов Ф. Наши задачи // Наука и просвещение. 1922. № 1. С. 3.

² См.: Туркестанская правда. 1923. № 169.

³ См.: Н-ов. Переподготовка учительства и перспективы просвещения в Узбекистане // Красный рубеж. 1925. № 1. С.52.

⁴ См.: Архангельский А.П. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. — Ташкент, 1927.

широкие масштабы, проявилась не только в ошибочных взглядах на некоторые вопросы образования, но и в безосновательной критике и неправильной постановке определенных вопросов.

Официальными органами также принимались нередко неправильные решения, вызываемые незнанием специфических особенностей жизни населения и языка, что находило поддержку в печати. Так, в постановлении Президиума ЦИК ТАССР отмечалось, что первые три года обучения преподавание должно вестись на родном языке, а затем на русском. Резолюция второго съезда заведующих отделами народного образования постановила образовать классы для кочевников с преподаванием на русском языке¹.

Противоречия в литературе этих лет проявились и относительно статистических данных. Даже в более поздних работах, в частности, в объемном труде П.И. Сербова и А.Д. Никифорова, изданном в 1927 г., приводятся факты, на основании которых делается вывод о катастрофическом свертывании школьной сети с весны 1921 г.², а З.Д. Ефанов приводит таблицу, из которой явствует, что высшей точки роста школьная сеть достигла в 1921 г.³

И тем не менее отдельные публикации первых послеоктябрьских лет заслуживают названия исторических трудов. Особенно это касается статей и книг, в которых рассматривается история новометодных школ и культурно-просветительской деятельности джадидов до революции. Их не очень много, но по своему характеру и содержанию они могут быть названы исследовательскими работами. Первым в период советской власти уделил этой теме внимание Ш. Рахими, в своей статье говоря о просвещении узбеков, выделил джадидский период.⁴ Автор хотя

---

¹ См.: Туркнаркомпрос. Бюллетень официальных распоряжений и сообщений. — Ташкент, 1921. № 1—5; Просвещение. Информационный бюллетень Наркомпроса Туркеспублики. 1921. № 6; 1922. № 1/7/-11; Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Наркопроса Туркеспублики. 1923. № 1—3. С. 17.

² См.: *Серов П.Я., Никифоров А.Д.* Народное образование в Узбекистане. — Самарканд—Ташкент, 1927. С. 34.

³ См.: *Ефанов З.Д.* На фронте просвещения. К пятилетию Союза работников просвещения в Туркестане. — Ташкент, 1924. С. 17—18.

⁴ См.: *Рахими Ш.* Просвещение узбеков // Наука и просвещение. 1922. № 2. С. 40.

и весьма кратко, но положительно характеризовал деятельность джадидов и дал ценную информацию в таблицах о сети частных новометодных школ в Туркестане. Их содержание на благотворительные пожертвования обществ и частных лиц он считал эффективным. Причину распада джадидского движения Ш. Рахими видел в том, что «часть работников просвещения в первые дни революции (*имеется ввиду февральская — Д.А.*) принуждена была пойти в организовавшуюся народную милицию, другая — на борьбу с голодом». «Так они разошлись по разным дорогам, и просвещение осталось без того ядра, которое представляли из себя молодые силы», — писал автор¹. Еще большей опасности подверглось это движение после победы улемов на выборах в Ташкентскую городскую думу и в Учредительное собрание, когда ими было принято постановление об открытии 12 старометодных мактабов. По словам Ш. Рахими, «потеряв надежду столкнуться с консерваторами, джадиды взялись за организацию своих сил по краю». На этом кончается повествование о джадидах и в последующих «послеоктябрьских» разделах о них не упоминается. Автор ни словом не упомянул о мере использования их опыта и кадров в просвещенческой деятельности нового советского правительства.

Значительным явлением в историографии вопроса была книга Садриддина Айни «Материалы к истории Бухарской революции» (1926 г.), где дана полная картина истории организации новометодных школ в Бухаре². Следует отметить и книгу Муминджана Мухаммаджанова «Турмуш уринишлари. Мадраса талабаси кундалиги» о деятельности джадидов в Ташкенте и Фергане³. Позднее некоторое внимание этому вопросу уделялось и в работе Файзуллы Ходжаева «К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии»⁴. Заслу-

---

¹ Рахими Ш. Просвещение узбеков. С. 41.

² См.: Айни С. Материалы к истории Бухарской революции. — Москва, 1926.

³ См.: Мухаммаджанов М. Турмуш уринишлари. Мадраса талабаси кундалиги. 1925.

⁴ См.: Ходжаев Ф. Избранные труды в 3-х томах. Т. 1. — Ташкент, 1926. С. 84—94.

живает внимания и статья И.И. Умнякова «К истории новометодной школы в Бухаре», последняя публикация этого периода (1927 г.), посвященная данной теме¹.

И.И. Умняков для написания этой работы пользовался архивными документами российского политического агентства в Бухаре, а джадидскими документами ему служила книга С. Айни — участника и очевидца событий. Благодаря профессору А.Н. Самойловичу ему удалось изучить этот труд в подлиннике. Однако следует сначала подвергнуть анализу книгу самого С. Айни. Мы бы назвали ее капитальным трудом в ракурсе рассматриваемой проблемы. Написанная по свежим следам событий, после отъезда С. Айни из Бухары, она была издана на узбекском языке в Москве в 1926 г.² Переиздана же была лишь в 1963 г., после смерти автора и со значительными сокращениями, касающимися положительной оценки самого бурного периода деятельности джадидов. В 1987 г. в Таджикистане впервые вышло наиболее полное издание книги под названием «Тарихи инқилоби Бухоро» на таджикском языке³. На русском языке отдельные главы были опубликованы в журнале «Памир»⁴.

С. Айни придавал новометодным школам не просто просветительское значение, он считал, что они начинали переворот во всех сферах жизни общества. Так было в действительности, потому что в программе джадидов указывалось, что реформа религиозных учебных заведений, повсеместное увеличение новометодных школ, привитие знаний людям напрямую связано с научной, общественной, экономической, политической жизнью Бухары, которая вне этого подвергается дальнейшему регрессу⁵. Кроме того, автор подводит читателя к тому, что идеи джадидов были мощной объединительной силой, они положили конец распрям и воссоединили в своем стремлении к просвещению шиитов, суннитов, иранцев, таджиков, узбеков, всех передовых людей того времени, независимо от национальности и вероисповедания.

¹ Умняков И.И. К истории новометодной школы в Бухаре // Бюллетень СаГУ. 1927. № 16. С. 81—97.

² См.: Айни С. Бухоро инқилоби тарихи учун материаллар. — Москва, СССР халқларининг марказий нашриёти, 1926. 256 б.

³ См.: Айни С. Тарихи инқилоби Бухоро. — Душанбе: Адиб, 1987. 240 с.

⁴ См.: Памир. 1986. № 4. С. 123—133; Памир. 1986. № 5. С. 80—93.

⁵ См.: Айни С. Тарихи инқилоби Бухоро. — Душанбе: Адиб, 1987. С. 69.

Айни дает подробный перечень основателей новометодных школ, в том числе и представителей Татарстана. Как активный участник событий С. Айни детально описывает все трудности организации и развития этих школ, борьбу прогрессистов «усули—джадид» и консерваторов «усули—кадим», отводя особую роль в этом Абдурауфу Фитрату и его произведениям. Значительный интерес представляет оценка С. Айни периода «просветления», чему способствовало по его словам чтение журнала «Сиратуль мустахим» А. Фитрата, которого он называл «самым способным и образованным из бухарских студентов». Фитрат, внесший значительный вклад в дело просвещения, будучи джадидом, а затем, после революции в Бухаре назиром просвещения, во время своего пребывания в Константинополе (1910 г.) написал интереснейшую книгу «Мунозара», в которой речь идет о дискуссиях между сторонниками новометодного и старометодного направлений в просвещении и делаются выводы о важности дела просвещения. (Книга была переведена на русский язык и издана в Ташкенте в 1911 г. под названием «Спор бухарского мударриса с европейцем» и по сей день хранится в Национальной библиотеке Узбекистана).

Книга С. Айни историографически важна еще и потому, что в ней кроме работ А. Фитрата, дается оценка и другим наиболее актуальным публикациям начала века, посвященным джадидизму. Среди них статья Бурхана Шарафа «Бухарские письма», опубликованная в оренбургской газете «Вакт» (1910, 7 февраля. № 574), Абдулкадыра Мухитдинова (За подписью «Бухорий») «О положении Бухары» и др. Статьям последнего С. Айни придавал историческое значение, поскольку, они способствовали объединению бухарской молодежи и воздействовали на общественное мнение.

Список ташкентских и ферганских джадидов представил Муминджан Мухаммаджанов. Однако его сведения о новометодных школах весьма отрывочны. Вместе с тем здесь впервые говорилось о зарождении узбекского театра, первых спектаклях в г. Коканде, Самарканде, Намангане, об усилиях джадидов по изданию газет¹. Книга М. Мухаммаджанова носит повество-

¹ См.: *Мухаммаджонов М.* Турмуш уринишлари. Мадраса талабаси кундалиги. Б. 310—316.

вательный, мемуарный характер. В ней явно заметны поспешные редакционные сокращения, прерывающие автора порой на полуслове, но тем не менее ценность этого труда для историков несомненна.

Русскоязычный читатель, не знакомый с работами двух предыдущих авторов, должен быть благодарен И.И. Умнякову, который несмотря на то, что уже к 1927 г. (время написания статьи) сложилось отрицательное отношение к джадидизму и была установка на критическую оценку его истории в пользу большевизма, сумел на основании работы С. Айни дать картину зарождения джадидизма в дореволюционной Бухаре, а также высоко оценить его реформаторскую сущность¹. Также, как и С. Айни, он считал, что деятельность джадидов была направлена не только на реформу просвещения, но и на реформу мусульманских канонов, которые извращались высшим духовенством Бухары. И.И. Умняков с большой симпатией отнесся к мысли И. Гаспринского — основателя джадидизма и редактора крымской газеты «Таржумон» о том, что именно ислам внушил человечеству мысль о необходимости всеобщего школьного обучения². Понятие ислама, раскрытие его культурной ценности, по нашему мнению, было не притворной, но удачной формой борьбы с консерваторами. И понимание этого в те годы было присуще далеко не каждому европейцу. И.И. Умняков не останавливаясь на голом умозаключении, приводит в доказательство примеры деятельности прогрессивного духовенства, боровшегося за новый дух ислама³. Поддерживая во многом мысли С. Айни и опираясь на его повествование, И.И. Умняков вместе с тем допустил значительные неточности в пересказе программы джадидов, взятой из его книги. Так, в первом параграфе у И.И. Умнякова значится, что джадиды считают своей обязанностью «заботиться о начальных школах», тогда, как у С. Айни подчеркивается, что их первоочередная цель — открывать новые школы. Во втором параграфе статьи И.И. Умнякова речь идет только о

---

¹ См.: Умняков И.И. К истории новометодной школы в Бухаре // Бюллетень САГУ. 1927. № 16. С. 81—97.

² См.: Гаспринский И. Тарихи маориф // Таржумон. 1901. № 48.

³ См.: Умняков И.И. К истории новометодной школы в Бухаре.

школьной реформе, на самом же деле этот пункт включал в себя и реформу религиозного образования, то есть реформу медресе. В пятом пункте опущены важные моменты: наряду с борьбой с невежеством и фанатизмом, джадиды подчеркивали необходимость подчинения традиционным мусульманским канонам, таким как «суннат» и «аза маросимлари», то есть обрядам очищения мальчигов и похорон¹.

Статья И.И. Умнякова, несмотря на отмеченные недостатки, объективно представляла историю новометодных школ, деятельности бухарских джадидов в этом направлении, хотя не содержала каких-либо политических оценок. Но в этом, возможно, и ее ценность. С другой стороны, она позволила создать представление о книге С. Айни, которая, как уже говорилось выше, не имеет до сих пор полноценного издания на узбекском и русском языках.

Произведение С. Айни «Материалы к истории Бухарской революции» Ф. Ходжаев оценивал в целом высоко, но только как «прекрасное описание переживаний некоторых руководителей джадидизма» с ценными материалами, освещающими отдельные этапы этого движения². Подвергая резкой критике работу С. Айни, он упрекал его в умалчивании значения школ джадидов в подготовке политической борьбы. Это обстоятельство было связано с тем, что книга Ф. Ходжаева была уже написана, а буквально через год переделана в условиях ущемленности свободы мнений и имела политическую окраску. Американский исследователь Э.А. Олворта отмечал, что фактическими данными, второе издание книги Ф. Ходжаева было осуществлено в связи с тем, что на него был оказан нажим со стороны партийных органов³ и это действительно так. ЦК КП(б)Уз и Средазбюро потребовали от него существенной переработки книги. Сам Ф. Ходжаев в предисловии ко второму изданию писал, что было решение партийных органов, указывающее на

---

¹ См.: Умняков И.И. К истории новометодной школы в Бухаре.

² См.: Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии // Избранные труды в 3-х томах. Т. 1. — Ташкент, 1926. С. 73.

³ См.: Олворт Э.А. Туркистон // Ўзбекистон адабиети ва санъати. 1992. 11 сентябрь.

ошибочность некоторых положений его труда, которые он признал на III-ем съезде КП(б)Уз и поправил их во втором выпуске брошюры¹. Этому предшествовала дискуссия в печати и рецензии относительно книги Ф. Ходжаева. Соглашаясь с многими из них, сводившимися к идеализации им джадидов, что считалось «ошибкой националистического характера», в частности, с критикой Г. Туркестанского², Ф. Ходжаев в то же время не отказался от своей оценки социальной сущности и состава джадидов. К сожалению, первое издание труда Ф. Ходжаева, как наиболее ценное и правдивое не доступно для читателя, как и многие упоминаемые здесь труды 20-х годов. Тем не менее и второе издание имеет историографическую ценность, несмотря на изменение позиции автора в окончательной оценке джадидского движения, вследствие насильственного давления на человека, связанного своей деятельностью с правящим тоталитарным режимом.

Не беря на себя оценку всех работ о джадидах, обратим особое внимание на описание рассматриваемой проблемы о новометодных школах. Начальной просветительской деятельности джадидов Бухары Ф. Ходжаев уделяет мало внимания, акцентируя внимание на основных этапах джадидского и младобухарского движений и на их политической деятельности. В истории возникновения новометодных школ Ф. Ходжаев большое значение придает спору, возникшему между представителями старой и новой школы, разделившему общество на прогрессистов и консерваторов. По его меткому выражению, это было столкновение между старыми взглядами и новым ветром, занесенным из Европы и Ближнего Востока, что послужило мощным толчком в развитии джадидизма, положившему начало «методу печатной пропаганды его идей» и посылки молодежи на учебу в мусульманские культурные центры³.

---

¹ См.: *Ходжаев Ф.* Избранные труды в 3-х томах. Т. 1. — Ташкент, 1926. С. 74.

² См.: *Туркестанский Г.* Об одном историческом документе. (Файзулла Ходжаев. К истории революции в Бухаре. — Ташкент, 1926) // Коммунистическая мысль. — Ташкент. 1926. № 2. С. 136—148.

³ См.: *Ходжаев Ф.* К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии // Избранные произведения в 3-х томах. Т. 1. — Ташкент: Фан, 1970. С. 88.

В отличие от С. Айни Ф. Ходжаев считал, что новометодные школы были не просто центрами просвещения, но и своеобразными центрами подготовки к политической борьбе. Примером тому, по его мнению, служили школы Усман Ходжаева, Абдувахида Бурханова, где велась агитация против эмира и его правительства. Однако, сам же Ф. Ходжаев несколькими страницами ниже называл их имена в числе джадидов старого толка, не поддерживавших идей открытой борьбы с эмиром и его правительством. Нельзя согласиться с его утверждением о том, что у джадидской организации не было настоящей программы, а их требования были только платформой¹.

Интереснейшие сведения об учебной литературе новометодных школ содержала статья Н. Архангельского². Здесь дан полный перечень учебников, авторами которых были организаторы и преподаватели этих школ: Мунаввар кары, Абдулла Авлони, Хафиз Саиди, Иноятулла Мирзаджанов и др. Ставился вопрос об издании новых учебников для советских школ на узбекском языке, над которыми работала Узбекская научная комиссия, которая указала на трудности: ограниченный круг литературных сил, недостаток квалифицированных переводчиков и крайне плохое вознаграждение за авторский труд. Н. Архангельский правильно подсказывал на «забытый, но верный путь получения хороших учебных пособий — конкурсы»³. Думается, что введение их дало бы возможность использования опыта учителей новометодных школ, хорошо знакомых с бытом и психологией мусульманских детей, и облегчило бы задачу написания доступных учебников.

К сожалению, многие идеи и темы, заложенные в ранней историографии, позднее стали предметом осуждения или забвения. Критические же замечания в адрес народного образования к концу 20-х годов звучали все реже, уступая место чрезмерной переоценке достижений. Не останавливаясь на публикациях подобного рода, отметим, что все же несмотря на

---

¹ См.: *Ходжаев Ф.* К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии. С. 88, 94.

² См.: *Архангельский Н.* Учебная литература на узбекском языке // Наука и просвещение. 1922. № 2. С. 34—41.

³ Там же. С. 41.

всеохватывающую и проникающую во все сферы тенденцию восхваления успехов социалистического строительства, из немногих статей начала 30-х годов можно выделить данные и критические суждения, которые позволяют еще раз убедиться в том, что спешность в подготовке учительских кадров и непродуманность форм этой работы сказались на результатах развития народного образования. По данным А. Сафурди, П. Галузо и др., школьное строительство в начале 30-х годов не двигалось по восходящей линии. Учителей по прежнему не хватало. Этот пробел восполнялся нередко малограмотными людьми, не подготовленными к работе. П. Галузо отмечал, что при проверке состояния обучения в школах Избаскентского района было выявлено, что не только ученики с трудом решают задачи на все четыре действия арифметики и читают по складам, но и учитель затрудняется при решении простейших задач¹. По данным же А. Сафурди, в школе № 74 Октябрьского района г. Ташкента учитель математики откровенно заявил, что в математике ничего не понимает, а преподавать его заставили. В другую же школу того же района прислали преподавать математику продавца магазина². О катастрофическом положении в области образования, по мнению того же автора, свидетельствует то, что в 1932 г. в Узбекистане осенний набор во все педагогические учебные заведения — не был выполнен даже на 65%. По его же данным, в республике 72% учителей имели начальное образование. Автор, подписавшийся А.П. констатировал, что в 1934 г. процентное количество учителей с начальным образованием в начальной школе выросло до 77,3%, а с высшим — составлял всего лишь 0,7%, со средним — 19,1%. Немногим лучше обстояло дело в средней школе: здесь было соотношение 18%—67%—12,8%³. Это была единственная статья, содержащая анализ неудовлетворительного состояния уче-

---

¹ См.: *Галузо П.* Очередные задачи школьного строительства в республиках Средней Азии (Речь на среднеазиатском партийном культпроссовещании по вопросу народного образования). 8.III.1933 // Социалистическое строительство Средней Азии. 1934. № 2—3. С. 26.

² См.: *Сафурди А.* К некоторым итогам политехнизации национальных школ // Революция и национальности. 1932. № 7. С. 108.

³ А.П. О школьном строительстве в республиках Средней Азии // Просвещение национальностей. 1934. № 5. С. 45.

бы в Узбекистане, в основном те публикации восхваляли «огромнейшие» достижения школьного образования. (Среди них статьи Н. Галина, И. Занд, М. Михайлова и многих др.). Одну из причин такого положения в образовании он видел в том, что основную массу учителей составляли люди, окончившие 1—2 класса начальной школы или ликбеза. Второй причиной он называл неблагоустроенность школы, отсутствие элементарного оборудования, учебников и четкой методики преподавания. Наряду с этим, автор отмечал такие частные явления, как отсев и второгодничество, которые «тяжелым грузом ложились на республиканский бюджет». Подобные недостатки были отмечены и в статье журнала «Социалистическая наука и техника». Здесь говорилось еще и о том, что в школах ликбеза Узбекистана в 1932—1933 гг. обучалось 2,3 тыс. человек, а окончили всего лишь 35% и тем самым правительственные сроки по ликвидации неграмотности были сорваны¹. Но говоря о таком тревожном положении в народном образовании, автор статьи (фамилия не известна) делал все же противоречащие выводы о «значительном росте числа учащихся в начальных школах»².

Думается, что причины снижения темпов развития народного образования и плохого качества были связаны, прежде всего, с чисткой состава учительских кадров, не использованием старых кадров и их вытравливанием. Только по Каракалпакии, например, в результате «чистки» из 700 учителей осталось 120. Замена высококвалифицированных кадров низкоквалифицированными, неоднократная замена алфавита: сначала с арабского на латинский, а затем последний — на кириллицу, негативно отразилась на состоянии народного образования.

ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В КУЛЬТУРЕ, ПРОЦЕССЫ ТОРМОЖЕНИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ

С конца 20-х годов складываются определенные теоретические воззрения на пути развития культуры, ее содержание и формы. Нельзя сказать что уже в это время существовали какие-

---

¹ См.: О некоторых итогах и перспективах культурного строительства в УзССР // Социалистическая наука и техника. 1934. № 5. С. 45.

² Там же С. 9.

то специальные работы, освещавшие теорию вопроса, однако, почти вся литература пронизана политическими идеями, которые уже в готовой форме были спущены из директивных органов и не допускалось их искажение и критика. Одна из доминирующих идей, пронизывающих всю литературу 30-х годов, — это идея классовой борьбы. Любые проявления инакомыслия воспринимались как противодействие классового врага. Незримый классовый враг ведет свое «наступление» всюду: в школе, литературе и искусстве, и даже быту — лейтмотив литературы этого периода. Нагнетание подозрительности и страха, выискивание врагов, надумывание его и бичевание, идеологический пресинг, проникавший всюду: в ту же школу, искусство и литературу, в среду студентов и преподавателей вузов, создавали особую атмосферу, которая нашла свое отражение и в материалах периодической печати. Названия статей однотипны и выражают их направленность: «Идеологические прорывы на фронте культурной революции», «На борьбу с классовым врагом на идеологическом фронте», «Националистическая контрреволюция и ее пособники у нас», «Борьба с ползучими (национальными) уклонами в вопросах политехнизации школ Узбекистана» и др.

Это нанесло сокрушительный удар не только по интеллигенции, но по всему процессу культурного развития Узбекистана. Ибо как писал русский философ Л.А. Ильин, изгнанный в 1922 г. из СССР и ставший впоследствии ученым с мировым именем: «Духовная культура не есть личное, или групповое, или классовое достояние; в своих истинных достижениях она даже сверхнациональна. Но по своему опытному источнику, по своему творческому ритму и по своему своеобразию — она национальна, а в пределах едино, духовно сопринадлежащей нации она всенародна»¹. И так решение культурной программы ставшее прерогативой групп администрации страны, ограничивших ее классовыми рамками, приобрело узконаправленный, ограниченный характер. Хотя эта программа и называлась всеобъемлющим понятием «Культурная революция», но на рубеже 20—30-х годов ограничивалась и сводилась лишь к решению отдельных актуальных задач культурного строительства: ликбез, школь-

---

¹ Ильин И.А. *Философия и жизнь // Проблемы духовной культуры и религиозной философии.* — Берлин, 1923. Т. I. С. 79.

ное строительство, подготовка кадров и т.п. и к тому же несла идею пролетаризации направлений культуры.

Теория культурного строительства советской политики была основана не только на классовой борьбе, но и на борьбе с двумя течениями как в культуре, так и в других сферах жизни общества, называемыми — национализмом и великодержавным шовинизмом.

Для публикаций этого времени характерно привязывание различных тем с этими двумя «уклонами» в идеологии. О чем бы ни шла речь в статьях, это непременно связывалось с борьбой против национализма и великодержавного шовинизма, также как с классовой борьбой. Статьи З. Нарышкина, П. Галузо, С. Диманштейна и др. были посвящены различным темам, но основной стержень был один — борьба с уклонами. Если В. Нарышкин говорил о борьбе с уклонами в школе¹, то П. Галузо в Наркомпросе², а С. Диманштейн — в востоковедении³. П. Галузо в докладе, прочитанном на Среднеазиатском парткультсовещании (29 апреля 1933 г.) после постановления Средазбюро ЦК ВКП(б) от 27 марта 1933 г. о чистке учительских кадров, резко критиковал Наркомпрос за отсутствие борьбы со «всякого рода чуждыми элементами», якобы проникающими, как в школу, так и в педагогические учебные заведения⁴. Он считал это не случайным, а связанным с национализмом. В доказательство он критиковал книгу Т. Жургенева, бывшего председателя Наркомпроса Узбекистана, «Строительство социализма и культурная революция в Узбекистане»⁵. Критика П. Галузо носила явно придиричивый характер с проявлениями невежества в отношении известного ученого-историка В.В. Бартольда. Хотя Т. Журженев в своей книге не делал различия между понятиями нацио-

¹ См.: Нарышкин В. Борьба с ползучими (национальными) уклонами в вопросах политехнизации школ Узбекистана // За коммунистическое просвещение. 1931. № 8. С. 69—72.

² См.: Галузо П. Классовая борьба за школу и красную чайхану // Галузо П. О школах. — Ташкент. 1933. С. 28—44.

³ См.: Диманштейн С. Народное образование национальностей СССР и задачи востоковедения // Новый Восток. 1929. № 25. С. 36.

⁴ См.: Галузо П. Классовая борьба за школу и красную чайхану. С. 29—31.

⁵ См.: Журженев Т. Строительство социализма и культурная революция в Узбекистане. — Ташкент: Госиздат Уз ССР, 1932. С. 112.

нализм и национальное движение, он в целом правильно считал, что носителями последнего были джадиды, значительно окрепшие после 1905 г., которые обрели особую силу и авторитет среди населения. Но основываясь на высказывании Т. Жургенева о том, что джадидидское движение исчезло, П. Галузо обвинял его в игнорировании якобы существовавшего еще национализма, в «отсутствии развернутого вопроса о классовой борьбе за школу, о борьбе на два фронта на участке культурного строительства». Таким же образом, любая публикация по вопросам культурного развития, не имеющая классовой платформы, подвергалась уничтожающей критике. Даже переводческую работу П. Галузо возводил в ранг классовой борьбы. Опечатки в переводах он считал проявлением вредительства и непартийного руководства Узгиза, «засоренностью его классово чуждыми элементами», а неудачные же переводы классиков марксизма-ленинизма «происками» тех же «врагов». В. Нарышкин связывал национальные уклоны с политехнизацией школ Узбекистана. Несогласие с тенденцией политехнизации школ сводилось в конечном счете к оппортунизму, национализму и великодержавному шовинизму. Мнение о необходимости своих специфических форм развития образования с учетом местных особенностей жизни и быта узбеков считалось проявлением национализма, а мнение о необходимости использования опыта работы Наркомпроса РСФСР автор относил к вспышкам великодержавного шовинизма. Понятие же политехнизации в понимании автора означало, агротехническую направленность школ, то есть школы должны быть на службе у хлопоководства, поскольку оно требует большого количества детских рук. В. Нарышкин это называл «переходом от иллюстративности к действительности, определяющим изменение содержания школьной работы». В сущности словесная аббревиатура попросту прикрывала начало системной эксплуатации детского труда на хлопковых полях. Другая точка зрения расценивалась как вражеская, противодействующая «политехнизации школ, как мощному фактору классовой борьбы и культурной революции»¹.

---

¹ Нарышкин В. Борьба с ползучими (национальными) уклонами в вопросах политехнизации школ Узбекистана. С. 70.

Рассуждения С. Диманштейна еще более претенциозны. Решительно выступая за отвержение части интеллигенции при переходе к социализму, он выражал уверенность в том, что «контрнаступление неизбежно» и будет носить националистический характер. Таким образом, С. Диманштейн четко выразил доминирующую и назойливую идею тех лет: подбор наиболее надежных, с классового точки зрения, кадров интеллигенции из наиболее низших слоев населения, так называемых социальнадежных, которые обеспечат изоляцию сферы культуры, как от национализма, так и от великодержавного шовинизма¹. По сути дела предлагалось исходить из известного определения — чем ниже интеллектуальный уровень, тем меньше раздумий и вопросов, значит надо социально упростить кадровый состав работников культуры, изолировать его наиболее ценный интеллектуально развитый корпус.

Еще более обескураживающим выглядит позиция М.М. Цвибака, музейного работника, посвятившего музейному делу всю свою жизнь. Основываясь на классовом подходе, он пытался концептуально изменить деятельность музеев, считая главным их предназначением не научную, а просветительскую работу. «Революционная эпоха, — писал М.М. Цвибак, — сделала музей объектом внимания широких масс «музейного зрителя», в большей своей части вооруженного определенным миропониманием, в котором социализм и классовый подход являются основами»². Опираясь на этот тезис, он выступал за широкое внедрение малопонятного «социально комплексного подхода» в изучение материальной культуры, частью которого считал классовый подход в исследовательской работе музея.

Главный тезис программы «культурной революции» в рассматриваемый период заключался в создании «национальной по форме и пролетарской по содержанию культуры». Эта идея по сравнению с другими оказалась более живучей и доминировала много лет. В 30-е годы методом ее осуществления явля-

---

¹ См.: *Диманштейн С.* Народное образование национальностей СССР и задачи востоковедения. С. 36.

² *Цвибак М.М.* К постановке этнографической работы Главного Среднеазиатского музея // *Известия Среднеазиатского Комитета по делам музеев, искусства, природы.* Вып. 3. — Ташкент, 1928. С. 305.

лась пролетаризация кадров во всех направлениях культуры: науке, искусстве, литературе. Основной же формой пролетаризации было выдвиженчество. Естественно и литература базировалась на этой концепции. Но судя по возмущенным высказываниям некоторых авторов статей, «отдельные партийцы-хозяйственники считали, что выдвижение понижает продуктивность качества работы». Таких специалистов называли в большинстве случаев классово-чуждыми элементами¹.

Чрезвычайно расширившееся в те годы выдвиженчество и укоренившаяся система краткосрочной подготовки молодых специалистов, часто создавали иллюзию решения проблем, а на деле приводили к разжижению интеллигенции малоквалифицированными людьми, способствовали консервации таких нежелательных явлений, как некомпетентность, грубость, бюрократизм, конформизм и т.п. На первое место ставились не степень образования, не культурный и интеллектуальный уровень человека, а его социальное происхождение. И.А. Зеленский, придерживавшийся как и большинство партийных работников официальной точки зрения на этот вопрос, в докладе, прочитанном на Среднеазиатском совещании по народному образованию, приводил такие данные: «Мы подготовили и выпустили на культурную арену следующих лиц по своему социальному происхождению: детей крупных торговцев — 37%, детей мелких и средних торговцев — 27%, детей деревенских баев — 18%, детей дехкан — 9% и детей кустарей — 9%»². Основываясь на этих данных по педагогическому техникуму, он высказывал свое возмущение по поводу того, что кадры культуры на 80% состоят из представителей «чуждой социальной среды». (Хотя по этим данным вывод напрашивается совсем иной — чем обеспеченнее семья, тем больше возможностей дать детям образование). Таким образом, заслон, чинимый в 30-е годы, при поступлении в вузы представителям «чуждой среды», на наш взгляд,

---

¹ См.: Цвибак М.М. К постановке этнографической работы Главного Среднеазиатского музея. С. 307.

² Письменный С. На борьбу с классовым врагом на идеологическом фронте. (По итогам XVII пленума Средазбюро УК ВКП(б) // За партию. 1928. № 10 (14). С. 19

значительно затормозил пополнение состава кадров культуры ценными, знающими, квалифицированными работниками. Однако, тезис пролетаризации кадров и создания пролетарской культуры был основным принципом руководящих органов. Здесь уместно вспомнить как трактовал этот вопрос Л. Троцкий. В своей книге «Литература и революция», изданной в 1923 г., он писал, что период диктатуры пролетариата слишком краток для того, чтобы создать новую культуру, что это всего лишь «дневка» во время похода. Л. Троцкий считал, что пролетарской культуры не только нет, но и не будет. Если говорить о ней, то естественно должен был встать вопрос и о культуре интеллигенции и крестьянской культуре. Однако, публикации 30-х годов не дают ответа на этот вопрос.

В общественно-политической литературе ярко проявляется и тенденция русификации культуры. Влияние русской культуры в эти годы было очень сильно. Однако попытка противопоставления двух культур: русской и вообще европейской, и восточной имела место, и носила в некоторых статьях агрессивный характер. Например, С. Письменный критикуя якобы антисоветские классовые происки врагов в школе и вузах, писал: «Не Горький и Серафимович, не Фадеев, а Чулпаны и Гази Юнусовы, Муминджаны Мухамеджановы, Махмад-Кули (очевидно, имеется ввиду Махтумкули — Д.А.) и Сеиды, Дюпоны, Фарреры, Кервуды и т.д. и т.п. — вот пища, которой питается юношество при активной помощи националистически настроенных поваров — педагогов»¹. Можно составить лишь самое лучшее представление о юношестве, умы которого питались произведениями этих лучших представителей узбекской и мировой литературы. Однако, сей «просвещенный» автор наиболее самобытных и талантливых представителей узбекской литературы относил в разряд националистов, изрекая: «Господствуют в литературе еще до сих пор Чулпаны. Произведения Чулпана, а не молодняка печатаются в хрестоматиях»². Из этого явно видно, что травля А. Чулпана началась задолго до его репрессии. Статья написана в 1928 г., в годы наиболее бурного проявления его таланта.

---

¹ Зеленский И. В борьбе за культуру // За партию. 1928. № 7 (11). С. 12.

² Письменный С. На борьбу с классовым врагом на идеологическом фронте. ЦК ВКП(б) // За партию. 1928. № 10 (14). С. 16.

Но возможно С. Письменный был прав в том, что «художественной национальной литературе были чужды пафос революционной борьбы и творчества», хотя и вкладывал в это иной смысл, чем мы. Сейчас это можно расценивать не как недостаток, а как период самостоятельного развития узбекской литературы.

Сейчас, бросая взгляд в прошлое, мы по достоинству можем оценить тезис Карла Каутского, который раздумывая о развитии нового общества после революции выдвигал идею невмешательства государства в область духовной жизни и предостерегал, что «обратное может привести к скверным последствиям, однообразию и застою в области культуры»¹. Но как известно государственное управление культурой, проникновение бюрократизма, нигилизма и силовых методов в его сферу, обернулось более страшной трагедией для народов СССР, чем предрекал К. Каутский.

Отрицание культурного наследия, проявлявшееся в республиканской печати в конце 20-х годов, также было проявлением пролеткульта. Процесс замены кадров можно охарактеризовать словами М.П. Покровского: «... количеством лома некоторые горячие товарищи мерили достоинство советского работника»². Однако, было бы ошибочным предполагать, что советская доктрина культуры строилась на отрицании всего и всякого культурного наследия, как впрочем это делали отдельные ее носители. Публицистика свидетельствует, что предлагались и компромиссные решения: брать полезное и отвергать ненужное. Чем же это определялось? Рассуждения на этот счет представителя партийной номенклатуры в Узбекистане И.А. Зеленского представляют несомненный интерес и выглядят так: «... старая культура состоит из двух элементов — из материальной части, из того производственного аппарата, которым мы овладели, из тех знаний точных наук (математики и т.д.), которые являются непосредственно сопутствующими этому хозяйственному и техническому базису, и идеологической, которая выросла не только из факта того уровня развития производительных

---

¹ *Каутский К.* На другой день после социальной революции. — Петроград, 1917. С. 65.

² *Покровский М.Н.* Воспоминания о Ленине. — Москва, 1933. С. 9.

сил, которые имеются, но еще из факта распределения орудия и средств производства (наличие собственности на эти орудия и средств производства). Вот эту часть культуры, которая выросла из факта существования и сохранения частной собственности, мы должны выбросить вон»¹. Такое расчленение культуры, лакмусовой бумагой которой служила тоталитарная идеология, не могло принести, да и не принесло ничего кроме вреда.

В конце 30-х годов официальная позиция в отношении культурного наследия уже была другой. Явным примером этому брошюра И. Штерна, в которой уже резкой критике подвергалось отрицание культурного наследия узбекского народа, в частности, творчество А. Навои, как реакционного и мистического. Представители пролеткульта, которые так недавно были вершителями судеб, теперь назывались троцкистско-бухаринскими, буржуазными националистами². Признавая ценность культурного наследия народа, И. Штерн, согласно велению времени, не забывал подчеркнуть ведущую роль русского народа, русской культуры, русского языка. Но противореча себе, так много рассуждая о культурном наследии узбекского народа, он вместе с тем утверждал, что до революции интеллигенция как таковая в Туркестане отсутствовала, а отдельные ее представители были чужды народу. Но как известно, культурное наследие — это в значительной степени продукт творческой интеллигенции. Если бы ее не было, не могло быть и культуры наследия. Истинное рождение пролетарской интеллигенции И. Штерн связывал конечно с «октябрьской революцией и с именем великого вождя народов», с усвоением марксизма.

Внедрение марксизма в идеологию общества отрицало всякое другое мировоззрение. Профессура университетов и вузов, не принимавшая ее, естественно объявлялась враждебной. Об этом немало умозаключений делал С. Письменный, уповая на то, что «попытки идеологически враждебной нам профессуры не встречают почти никакого отпора» и позволявший себе критиковать профессоров Успенского и Вайнштейна за их выска-

---

¹ *Зеленский И.В.* В борьбе за культуру. С. 12.

² См.: *Штерн И.* Социалистическая культура узбекского народа. — Ташкент: Партиздат. 1938. С. 68.

зывание об утопичности идеи индустриализации (при этом автор ссылаясь на сообщение некоего Гаврилова)¹. Призыв «наступления на враждебную идеологию» пронизал всю литературу 30-х годов. Отмеченные выше вопросы классовой борьбы, пролетаризации и социализации кадров, форсирования темпов культурного строительства были основными и в ряде брошюр, изданных в это время². Как правило они пестрели статистическими данными о достижениях в развитии народного образования и других сфер культуры. Но эта интенсивная и бесконечная погоня за количественными показателями привела к снижению ее качества и возникновению социальной энтропии, рассеянию творческой энергии культуры. И поэтому, несмотря на преодоление неграмотности и появление большого количества школ и вузов, происходило ее обеднение. Этот процесс шел за счет постоянной гонки за результатами, идеологического прессинга и полного очищения интеллигенции от «классовых врагов». А в их числе оказались ее лучшие представители. Все это в конечном счете приводило к примитивизации литературы, искусства, образования и естественно содержания периодической печати. Сильно пострадали философская и в целом гуманитарная наука, изучавшие жизнь общества односторонне, поверхностно и в радужных красках. Мы не склонны отрицать те позитивные изменения, которые имели место в рассматриваемый период в Узбекистане. Однако только по анализированным публикациям (без архивных материалов) уже можно судить о той степени ущерба, нанесенного национальной культуре и ее кадрам репрессиями 30-х годов. Несмотря на то, что изучение проблемы в эти годы шло по нисходящей линии, все же публикации этого времени имеют определенную ценность, являясь отражением общественно-политической атмосферы эпохи.

---

¹ См.: *Письменный С.* О некоторых основных моментах в работе школы в наступающем учебном году // За партию. 1928. № 8 (42). С. 7.

² *Культурная революция на новом этапе.* — Ташкент: Узгиз, 1931. 20 с.; *Лисин С.* Боевые вопросы агитпропработы во втором году пятилетки. Москва—Ташкент: Госиздат, 1930. 158 с.; *Штерн И.* Социалистическая культура узбекского народа. — Ташкент: Партиздат, 1939. С. 68.

ИЗУЧЕНИЕ ИСЛАМА И СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ «ВОИНСТВУЮЩЕГО» АТЕИЗМА В УЗБЕКИСТАНЕ

(на материалах 20—30-х годов)*

Ислам всегда был в центре внимания мировой историографии, он и сейчас является предметом исследований в различных его гранях во многих странах. Богатейшая литература как непосредственно религиозного, апологетического, так и научного, теологического, философского характера издана на многих языках мира. В бывшем Союзе за многие десятилетия скопился обширный массив литературы по данной проблеме, однако, ее содержание в корне отличалось от зарубежных исследовательских концепций. Нет смысла пояснять причину отрицания в бывшем Союзе роли ислама, как высшей культурной ценности и отношения к нему, как к консервативной, реакционной надстройке, «не совместимой с социалистическим образом жизни». Сейчас уже отчетливо осознается все несоответствие выводов советских исследователей об исламе, как отмирающей религии с реальным положением дел в этой сфере.

Известно, однако, что до октябрьского переворота и в первые годы после него ряд ученых-востоковедов, обращавшихся к истории ислама, своими трудами внесли существенный вклад в историографию исламоведения. К ним, прежде всего, следует отнести В.В. Бартольда, работы которого по истории ислама и Арабского халифата общепризнаны и отличаются «пониманием ислама через призму понимания» мусульманской культуры как явления всемирной истории со всеми его светлыми и темными сторонами¹. Известным исламоведом был А.Э. Шмидт, непосредственно работавший на восточном факультете САГУ, где особое признание получили его лекции по исламоведению. Среди других его работ следует отметить труды, посвященные современному состоянию ислама, в частности, «Шариат и право водопользования в Средней Азии» (1927 г.) и др. Не останавливаясь на анализе творчества этих ученых, заметим, что существовало и небеспристрастное отношение к исламу и его исто-

---

* 2004 год.

¹ Лукин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане: Библиографические очерки. — Ташкент: Фан, 1974. С. 264.

рии. Ярким примером тому служат работы Н.П. Остроумова, специализировавшегося, по словам Б.В. Лунина, на «изобличении ислама», что в свое время получило критическую оценку В.В. Бартольда¹. Такая тенденция особенно проявилась в 20-е годы, хотя после октябрьского переворота вопросы религии, в частности ислама, как практические, так и теоретические, еще находили свое объективное освещение, например, в журналах «Ҳақиқат», («Правда»), «Диний журнал», («Религиозный журнал») и др. Однако, запланированные как ежемесячные, после выхода одного-двух номеров они прекратили свое существование, хотя в целом поддерживали советскую власть и пропагандировали ее реформы. Причины их закрытия так и остались невыясненными. Публикации этих изданий не выходили за рамки политической канвы, а наоборот, призывали верующих быть патриотами своей страны, поддерживать реформы и с уважением относиться к людям иной веры². В большинстве статей не только говорилось о состоянии религиозных дел, деятельности духовного управления, но и о культурных ценностях ислама, в частности о значении хадисов и их правильном толковании. Это было весьма важно в условиях извращения мусульманских законов бытия консервативным духовенством и насаждения понятий, например, о приниженном положении женщины.

Автор одной из статей, основываясь на хадисах и Коране, доказывал необходимость получения женщинами образования. Он подверг критике европейских миссионеров, рассматривавших положение мусульманской женщины, как изначально закрепощенное и утвержденное Мухаммедом³. Другой автор — Х. Хотунзода (возможно, это псевдоним и можно даже предположить, что автор — женщина) с большой озабоченностью писал о плачевном состоянии исламской культуры в Туркестане, в частности, древних архитектурных памятников, учебных заведений, в том числе и медресе. Причины упадка в этой сфере он

¹ См.: *Лунин Б.В.* Историография общественных наук в Узбекистане: Библиографические очерки. С. 264.

² См.: Ватан олдида рухонийларимиз вазибалари // Ўрта Осиё ва Қозон мусулмонларининг диний назорати. 1926, 3—4-сонлар. Б. 16; Зоҳир Аълам. Ислоҳ асослари // Ҳақиқат. 1922. 1-сон. Б. 15—16.

³ См.: Хотин-қизлар ўқиши // Ҳақиқат. 1922. 1-сон. Б. 6—7.

усматривал, как в невнимании царского правительства, так и в равнодушном отношении к исламской религии и культуре со стороны новой власти¹. Автор, подписавшийся «Талаба», резонно интересовался, «куда уходят вакуфные деньги, предназначенные для медресе». В своем открытом письме («Очиқ хат») он высказывался за усовершенствование учебной программы в медресе и критиковал Махкамаи шариа (Духовное управление) за равнодушие к этому вопросу².

В рассматриваемый нами период поначалу изучение этой проблемы велось в двух направлениях — теологическом и атеистическом, однако с упрочением советской власти и распространением большевистской идеологии стало утверждаться целевое изучение ислама исключительно с точки зрения атеизма. Авторы пытались раскрыть социальные истоки возникновения ислама, и представляли его как собрание догматических и морально-правовых предписаний, сакральной обрядности. Изучение социальной доктрины ислама ограничивалось рамками марксистско-ленинских теорий о роли религии в жизни общества и борьбы с ней.

Статья И. Хансуварова «Мусдуховенство» — одна из редких теоретических статей того времени, посвященных проблемам религии. Ее автор продемонстрировал глубокие знания истории ислама, мусульманского духовенства в Средней Азии и сопредельных странах, но сумел подчинить их господствовавшей тогда идеологии негативного отношения к религии. Привлекают внимание его рассуждения о смене идейных течений в исламе от «панисламизма» к «пантюркизму». И. Хансуваров объяснял этот процесс появлением прогрессивного духовенства, которое положило начало зарождению прогрессивной интеллигенции, например в Бухаре, и связывал это с событиями в Турции, бывшей, по его мнению, центром «панисламизма», сокрушенного младотурецким движением. «Пантюркизм» он рассматривал в неразрывной связи с национализмом, однако когда речь шла о Турции, национализм трактовался в положительном смысле — как кризис панисламистских идей³.

---

¹ См.: Хотунзода Х. Узбекистонда ислом дини ва маданияти // Ҳақиқат. 1922. 1-сон. Б. 15—16.

² См.: Талаба. Очиқ хат // Ҳақиқат. 1922. 1-сон.

³ См.: Хансуваров И. Мусдуховенство. Кн. 5. — Ташкент, 1927. С. 60—102.

Изучение истории национально-освободительного движения в Туркестане позволило И. Хансуварову сделать смелый по тем временам вывод о том, что религия была «одной из форм защиты коренных национальностей Средней Азии от русификации и колониального гнета»¹.

Автор делил духовенство на три ветви: представителей родового и феодального строя, торговых слоев населения и прогрессивное духовенство. Если первое определение представляется правильным при учете существования кочевого населения в Туркмении и других регионах Средней Азии, то духовенство от торговых слоев общества трудно отделить от прогрессивного, поскольку представители торговой части населения также были заинтересованы в модернизации ислама, обеспечивавшей им свободу развития торговых дел.

Рассуждая о прогрессивном духовенстве и признавая величайшую роль в модернизации ислама Махмудходжа Бехбуди, И. Хансуваров в то же время причисляет его к ратовавшим за интересы «торговца-скупщика». Справедливо анализируя прогрессивное течение в культуре и исламе, автор не проводит грани между прогрессивным духовенством и джадидами. По мнению И. Хансуварова, которое представляется нам отнюдь не бесспорным, трения и борьба между консервативной и прогрессивной частями духовенства до октябрьского поворота были не столь сильны и сопровождались со стороны последней уступками в целях защиты основ ислама от русификаторской политики царизма. Духовенство после 1917 г. исследователь характеризует, наряду с нэповской буржуазией, как совершенно новое явление, считая его представителем последней. Несмотря на то, что прогрессивное духовенство одобряло политику советской власти в таких направлениях, как раскрепощение женщин, национальное размежевание, земельно-водная реформа, в постановке вопросов народного образования и др. И. Хансуваров дал ему негативную оценку, считая что происходит процесс сращивания старой национальной интеллигенции с новой группой духовенства. С позиции ярого большевизма он причисляет к «загнивающему консервативному слою интеллигенции»

---

¹ Хансуваров И. Мусдуховенство. Кн. 5. С. 69.

Мунаввара кары, успешно работавшего в то время в органах просвещения¹.

Несмотря на хорошую осведомленность о положении дел в этой сфере, И. Хансуваров называл деятельность прогрессивного духовенства приспособленчеством и, как многие авторы того времени, считал ее чрезвычайно опасным «идейным и организационным перевооружением». Однако, в отличие от других, он не призывал к борьбе с ним, а считал «возможным и целесообразным использование этого крыла духовенства во время проведения тех или иных мероприятий»². Эту идею поддерживали многие представители женотделов, считаясь с огромным влиянием духовенства на население и его чрезвычайной религиозностью. Известны факты, особенно относящиеся к началу 20-х годов, о собраниях, проводившихся женотделами среди женщин, где представители прогрессивного духовенства разъясняли, что Коран и ислам не запрещают женщинам учиться и предписывают справедливое отношение к ним со стороны мужчин, не обязывая их к многоженству³. Высказывание заведующей женотделом Средазбюро С.Т. Любимовой: «нашим помощником в деле раскрепощения женщин духовенство не будет, как бы оно ни толковало Коран и шариат»⁴, выражало партийную установку по этому и другим вопросам, которая неукоснительно выполнялась.

Две статьи конца 20-годов иллюстрируют эту четкую позицию в отношении религии⁵. Их авторы С. Диманштейн и М. Кобецкий, рассуждая о состоянии религиозных дел в Средней Азии, выдвигали вопросы антирелигиозной пропаганды и открытой борьбы с прогрессивным духовенством, призывая «разоблачать» его попытки «приспособиться к левым настроениям масс». Джадидизм ими уже рассматривался как явление, неотделимое от религии, а мнение о необходимости реформирования старометодных школ расценивалось как контрреволюционное выступ-

---

¹ См.: *Хансуваров И.* Мусдуховенство. С. 93.

² Там же. С. 101.

³ См.: *Каррыева Р.М.* Работа партийных организаций Закаспия женщин // Известия АН Туркмении. Серия общ.наук. 1975. № 2. С. 24.

⁴ *Любимова С.Т.* За новый быт. — Ташкент: Сред. аз. книга, 1926. С. 38.

⁵ См.: *Диманштейн С.* Антирелигиозная работа на Востоке // Революции и на культурах. 1929. № 9—10. С. 71, Кобецкий М. С. 239.

ление. В частности, Первый секретарь ЦК КПУз А. Икрамов в своих выступлениях и речах неоднократно останавливался на этом вопросе. 24 января 1927 г., выступая на XII пленуме Средзбюро ЦК ВКП(б), он говорил о том, что в Узбекистане сложилось ложное представление о том, что прогрессивное духовенство реформирует свои школы и выступает за поддержку земельно-водной реформы и других мероприятий власти¹. Однако, несколько месяцев спустя в докладе на пленуме ЦК ВКП(б) Уз (14 июня 1927) он дал подробную оценку деятельности духовенства, подразделяя его на три группы: ишаны, консервативное и прогрессивное или реформаторское духовенство. Отмечая умелую постановку ими работы среди населения, организацию широкой сети реформированных школ², А. Икрамов считал необходимым усилить борьбу именно с прогрессивным духовенством, наиболее опасным, по его мнению, своим влиянием на население. Он считал, что уступки советской власти духовенству, в частности, создание в 1921 г. Махкамаи-шариа — Духовного управления мусульман значительно активизировали духовенство.

Реальные пути снижения религиозности женщин виделись атеистам в систематическом и правильном проведении антирелигиозной пропаганды общественными организациями и вместе с этим в расширении сети медицинских и юридических консультаций, детских учреждений, ликвидации безграмотности³.

Уместно отметить, что при всем негативном отношении к религии, авторы 20-х годов были единодушны в мнении о необходимости гибкости и осторожности в методах проведения антирелигиозной пропаганды. Выдвигалась мысль о необходимости глубокого, вдумчивого изучения исламской идеологии, в частности Корана, широкого выпуска популярной литературы, даже

¹ См.: *Икрамов А.* Об идеологической работе // Избр. тр. В 3-х т. Т. I. — Ташкент: Узбекистан, 1972. С. 246—247.

² См.: *Икрамов А.* О духовенстве и школе // Там же. С. 280—297.

³ См.: *Затуранская Я.* Женщина и церковь в Узбекистане // Атеист. 1927. № 17. С. 71—73; *Диманштейн С.* Против мулл и ишанов // Коммунистка. 1929. № 5—6. С. 46—51; *Смирнов А.* Почин по борьбе с религией на Востоке // Коммунистка. 1929. № 8. С. 27; *Турсунов П.* Иқбол. Меҳнаткаш хотин-кизлар дин билан курашда // Янги йул. 1931. 2-сон. Б. 16.

издания Корана, с научными к нему комментариями¹. Однако на практике не все было гладко. Работники женотделов, например, нередко вступали в конфронтацию с духовенством и применяли по отношению к нему административные меры. Так, известны факты требования расписок с мулл, о том, что они «откроют» (*т.е. снимут паранджу — Д.А.*) своих жен и прочие. Но в литературе того времени это не нашло достаточного отражения. Единственным критиком чрезмерно «прямолинейной тактики» женотделов в антирелигиозной пропаганде была В. Каспарова. Еще в 1925 г. она отмечала склонность некоторых работников к администрированию в борьбе с религиозными предрассудками². К сожалению, эта тенденция получила развитие в деятельности специальной организации СВБ (Союза воинствующих безбожников).

Вместе с тем, по данным тех же авторов, значительная часть партийных работников на селе находилась под влиянием духовенства, не говоря уже о рядовых членах общества. М. Кобецкий, например, упоминает о том, что «дехканин, избранный на должность предсельсовета, мираба, секретаря партийной ячейки и т.д., входящий в круг людей, несущих общественную обязанность, начинает играть определенную роль в жизни кишлака и считает себя обязанным установить контакт с такими влиятельными лицами, как мулла и имам»³.

Объем литературы по данной тематике значительно возрос в конце 20-х — начале 30-х годов. Помимо журналов, значительное внимание критике пережитков, связанных с шариатом, уделяли республиканские газеты. Например, только в течение 1929—1931 гг. «Тожикистони сурх» поместила на своих страницах около 60 статей по этим вопросам. Особой непримиримостью отличались статьи, где говорилось о тогдашних комсомольцах и коммунистах, как носителях старых, религиозно-феодаль-

---

¹ См.: *Мокеев В.* Наши задачи в деле антирелигиозной пропаганды // За партию. 1929. № 2. С. 78.

² См.: *Каспарова В.* Задачи партии в области работы среди женщин восточных народностей // Коммунистка. 1925. № 7. С. 90.

³ *Кобецкий М.* Ислам в Средней Азии // Революция и культура. 1929. № 9—10. С. 74.

ных взглядов и традиций. Издавались и популярные брошюры на русском и местных языках¹.

Но уже в 1931 г. в отчетном докладе о деятельности Узбекского республиканского союза «Курашчан худосизлар» (СВБ) его председатель К. Макаров прямо сказал, что теперь осторожность ни к чему². В 30-е годы вопрос уже стоял не об атеистической пропаганде, а о борьбе с религией. Журнал «Атеист» был переименован в «Антирелигиозник». СВБ стал подспорьем в искусственном нагнетании обстановки всеобщей подозрительности. Нельзя не сказать о том, что деятельность «Курашчан худосизлар» в вопросах выявления случаев выдачи замуж малолетних, дачи калыма и других фактов дискриминации женщин была действенной, но по отношению к духовенству и верующим союз был поистине воинствующим. Все без исключения представители духовенства считались классовыми врагами. Их требования вернуть верующим мечети представлялись как проявление классовой «ненависти к комсомолу и клубам». В этих условиях, конечно, отвергались все предложения прогрессивного духовенства о сотрудничестве с общественными организациями в области культуры, образования и раскрепощения женщин.

К концу 30-х годов, с провозглашением «победы социализма» утвердилось ошибочное мнение о якобы полном исчезновении социальных, классовых корней религии. Причина высокой религиозности усматривалась только во «вредном самоуспокоении местных работников Средней Азии, допустивших свертывание антирелигиозной работы»³. Некто Ф. Попов связывал ее с «контрреволюционным» руководством первого секретаря ЦК КП(б) Уз А. Икрамова⁴, незаконно репрессированного незадолго до выхода статьи.

---

¹ См.: *Габидов Х.* Религия и раскрепощение женщин. Самарканд—Ташкент, 1929. С. 60; *Галлиулин.* Хотин-қизлар орасида динга қарши ташвиқот. — Тошкент—Самарканд, 1929. Б. 147.

² См.: *Макаров К.* Отчетный доклад о деятельности республиканской организации Союза Узбекистана (СВБ Уз) за 1930—1931 гг. — Ташкент: Узгиз, 1931. С. 90.

³ *Попов Ф.* О работе среди женщин в Узбекистане // *Антирелигиозник.* 1938. № 12. С. 13—15.

⁴ Там же.

Наряду с подобными трактовками продолжалось и теоретическое осмысление вопроса. Историки и востоковеды печатали в журналах статьи о культе святых и мазаров, религиозных обрядах и т.д., но обращение к истории ислама подчас носило односторонний характер. И естественно, этим работам были присущи негативное отношение к исламу, резкость в суждениях при постановке вопросов атеизма.

Политика атеизма продолжалась и в последующем, вплоть до конца 80-х годов. Однако вопреки всему этому незабываемыми остались религиозные и духовные ценности, сохраненные народом Узбекистана.

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ УЗБЕКИСТАНА

(На примере ислама)

Особое внимание в последнее время в литературе, в том числе исследовательской, уделяется исламу, который в отличие от других религий связан с понятиями «экстремизм» и «терроризм». Причем немалая их часть посвящена «исламизму», по определению французского политолога Тьерри Вольтана «исключительно политической интерпретации мусульманской религии»¹. Такой подход не совсем оправдан. Нельзя ставить знак равенства между целой религией и экстремистской частью ее приверженцев. Особенно такие ассоциации вызываются применительно к Центральной Азии. Статьи на эту тему превалируют, а собственно религиозные проблемы еще изучаются мало.

Дистанцируясь от современных политических мотивов попытаемся рассмотреть вопросы: чем определяется религиозный уровень населения и каково отношение населения к религии, в данном случае к исламу? Большое значение для выяснения этого вопроса имеет обращение к историческим предпосылкам и в первую очередь, к предыдущему периоду. Хотя многовековая история религиозного сознания имеет тоже немаловажное значение.

---

¹ Тьерри Вольтан. Исламизм — это вырождение ислама // Россия и мусульманский мир. 2006. № 3. С. 114.

Обычно исследователи Центральной Азии, профилирующиеся на изучении ислама и его особенностей в этом регионе начинают с анализа исторических корней возникновения религий вообще на этой территории. Большинство из них акцентирует внимание на традиционном тезисе о мирном сосуществовании религий, культур и укладов жизни на этой территории. Считается и правомерно, что этнорелигиозная терпимость и открытость, так называемая толерантность были характерными чертами и даже «естественными нормами, необходимыми для социального развития»¹.

Соглашаясь с этим, следует подчеркнуть и то, что возможно именно эти факторы способствовали советской власти относительно мирным путем внедрить атеизм в сознание среднеазиатского общества. Хотя здесь он приобрел формы религиозного атеизма, т.е. сочетания модернизации религиозного мышления с атеистическими элементами. Объяснить эти парадоксальные явления попыталась профессор К. Пужоль в своей статье «Ислам между пассивным сопротивлением и активной аккультурацией»². Речь идет о механизме сохранения центральноазиатским исламом своих ценностных ориентаций в контексте глубоких трансформаций, коснувшихся не только социально-политической, но и прежде всего, духовной жизни народов региона. Говоря о трех периодах новейшей истории: колониальном, советском и постсоветском, она абсолютно права, экстраполируя эволюцию «отношений между системой верований, системой ценностей» с политической конъюнктурой и глобальными изменениями в мире на современность³. Это многое объясняет и, в частности, современное отношение к религии населения региона и признаки уровня его религиозного сознания. Несогласиться с ней можно лишь в том, что происходило вторжение «старого времени» в «новое время». Скорее всего это

---

¹ Нуруллаева Ш. Развитие религиозной ситуации в Центральной Азии: обуславливающие причины, фактор и принципы борьбы с религиозным экстремизмом // Исламские ценности и центральноазиатские реалии. — Ташкент, 2004. IFEAC. С. 45.

² См.: Пужоль К. Ислам между пассивным сопротивлением и активной аккультурацией // Исламские ценности и центральноазиатские реалии. — Ташкент, 2004. IFEAC. С. 55—65.

³ Там же. С. 57.

было неистребимое присутствие «старого» в «новом», присутствии ментальности, в данном случае религиозной в современном изменяющемся мире.

Определенная часть узбекистанских историков склонны отождествлять политику в области культуры, и в частности, религиозную политику царской колониальной администрации в Туркестане и советской власти в Узбекистане. Конечно и та и другая власти нанесли глубокие травмы духовности народа.

Но перед колониальным правительством стояла задача русификации местной культуры, ограничения ислама и его функций. Оно прекрасно осознавало, что невозможно крушить религиозные устои. И это не адекватно задачам, которые ставили перед собой большевики, пытавшиеся кардинально изменить исламский мир в Средней Азии.

Советская власть, совершившая при колоссальном давлении коренную трансформацию экономических основ, общественных отношений, гендерных взаимоотношений, не признавала гибкости и в отношении религии, хотя законодательно была декларирована свобода вероисповедания. И правильно ставит вопрос К. Пужоль «тогда... каким образом в таком разрушительном контексте держалась, сохранялась, центральноазиатская мусульманская ментальность, пусть даже в остаточной форме, замкнутая в своем... идентитарном пассивном сопротивлении?»¹. По видимому историческая религиозная ментальность, несмотря на запреты, а может быть и «благодаря» им жила, как один из самых важных атрибутов духовной жизни.

Хотим мы этого или не хотим, но пресловутый атеизм, пропагандируемый в течении 70 лет вошел в жизнь людей. Не выполняя всех предписаний ислама, борясь с «пережитками прошлого» они все же считали себя мусульманами. Как считает О. Кориев, все «хорошо известные мероприятия официальных властей советского времени не уничтожили окончательно приверженности основной части местных народов к исламу, не только в смысле самосознания, но и в стремлении хотя бы отчасти следовать упомянутым и другим ритуальным предписаниям,

---

¹ Пужоль К. Ислам между пассивным сопротивлением и активной аккультурацией // Исламские ценности и центральноазиатские реалии. С. 65.

которые воспринимались как истинно исламские»¹. Одним словом ислам здесь в Центральной Азии в течении многих веков врос корнями, и несмотря на запреты на определенных этапах истории, трансформировался и приобрел свойственное только этому региону формы.

Эти выводы подтверждают исследования современных религиозных процессов, в частности, социологические. Определенную ценность в этом отношении представляют мониторинговые рабочие опросы республиканского Центра «Ижтимоий фикр». В частности, любезно представленные заместителем директора этого Центра О.Б. Ата-Мирзаевым материалы о результатах социологического опроса, проведенного в ноябре-декабре 2005 г., дают представление о многих деталях уровня религиозности населения. Мы воспользовались лишь определенной частью материалов, чтобы определить основные принципы отношения населения к религии и выявить *степень и уровень религиозного сознания* населения². Выборочный массив опрошенных составлял 1789 человек, 1097 — сельчан (61,3%) и 692 горожанина (38,7%). Опрошенные различных возрастов и национальностей (узбеки 83,1%) были представителями г. Ташкента и всех областей Узбекистана. Из этого числа 99% оказались верующими, (в Андижанской области — 100%). По данным, опубликованным в журнале «Россия и мусульманский мир» в Узбекистане 88% населения исповедуют ислам, 9% — православие и 3% — остальные религии³.

Следует отметить, что проявление исламских традиций в быту присутствовало всегда и ни один этнический мусульманин и даже узбек-атеист не обходит таких ритуальных мероприятий, как «никох» (исламский обряд венчания), «хатна» (обрезание), «джаназа» (обряд захоронения) и др. и даже в 80-х годах, когда был наложен запрет на эти ритуалы, люди, особенно пред-

---

¹ Кориев О. Ферганская долина в 70—80-е годы XX века: экономические аспекты появления исламистского движения // Исламские ценности и центральноазиатские реалии. — Ташкент, 2004. IFEAC. С. 23.

² См.: Центр изучения объективного мнения «Ижтимоий фикр» РУз. Информационно аналитический доклад. Рукопись. 2006. 43 с. (Далее статистические данные взяты из этого источника).

³ См.: Россия и мусульманский мир. 2006. № 7. С. 125.

ставители интеллигенции и партийной номенклатуры выполняли их при закрытых дверях. Сейчас, конечно, эти обряды выполняются открыто. В настоящее время наблюдается рост числа людей, считающих себя религиозными и активно ведущих религиозный образ жизни. По данным центра «Ижтимоий фикр» в 2001 г. таковых было 10,7%, в 2002 — 11,9%, в 2004 — 13,4% опрошенных, в Андижанской области в 2004 г. — 17,7%, в Ферганской области — 16,7%.

Опрос, проведенный центром свидетельствует, что *показатели религиозного самосознания выше, чем показатели этнического самосознания.* (47,5% и 27%) 24,6% опрошенных проявили неделимость чувств этнической и религиозной принадлежности. Данная позиция чаще наблюдалась у жителей Наманганской (46,2%) и Андижанской (43%) областей. У молодежи до 29 лет чувство этнической принадлежности доминирует над религиозной, (у других социально-возрастных групп — 19—28%).

Однако, это возрастная группа (25—29 лет) остаются потенциально уязвимой демографической частью населения в плане религиозного влияния. Для 40% респондентов этой группы более важное значение имеет религиозная самоидентификация. Но результаты ответов на вопрос: «Кем вы себя, прежде всего, ощущаете: мусульманином или представителем своей нации?» выявили тенденцию *роста показателей этнической самоидентификации* представителей узбекской национальности.

Варианты ответов	1998 г.	2005 г.
Мусульманином	64,8	47,5
Представителем своей нации	16,9	27,0
Это неразделимые для меня понятия	16,8	24,6

Из опрошенного состава религиозный образ жизни ведут респонденты старше 50 лет (25,5%), среди молодежи таковых 11,2%, среди женщин — 16%. Однако, в мечети ежедневно ходят лишь 12,2% всех опрошенных, хотя в 2003 г. было 5,6% и этот показатель вырос почти вдвое. Однако, повседневная жизнь и *быт большинства населения не имеет ярко выра-*

женного религиозного характера. Это касается 84% абсолютного большинства мусульман страны¹. Каждый пятый респондент считает себя «не совсем религиозным человеком» и относится пассивно к религиозным традициям. Более трети респондентов считают не обязательным их выполнение, считая, что необходимо душой быть преданным Богу, т.е. вера не мешает быть им светскими людьми. Это характерно для жителей г. Ташкента (52% опрошенных), г. Навои (54%), Хорезма (74%), Бухарской, Кашкадарьинской (42%) и Джизакской областей (42%).

Понятие мусульманин не имеет точного определения. Одни полагают, что мусульманином можно назвать выполняющего пятикратный намаз, и все обряды, другие — рожденных в исламе и соблюдающих порядочный образ жизни, третьи — человека этноконфессиональной идентичности. И хотя налицо рост религиозного самосознания, все же большинство в данном случае половина опрошенных, считают себя светскими людьми, хотя редко кто называет себя неверующим. Таким образом, в Узбекистане сложилось уникальное в своем роде проявление религиозной духовности, которое можно было бы обозначить светской религиозностью. Причин этому несколько: во-первых, все еще сильно влияние особенно на людей старшего поколения, интеллигенции недавнего идеологического прошлого, когда религия была в загоне и внешне отрицая ее, люди все же сохраняли веру в бога, во-вторых, большое значение в формировании такого образа жизни имеет *образовательный уровень*. Чем выше он, тем ниже уровень проявления религиозности. В третьих, не остается эта проблема вне поля глобализации, вторжения новых технологий во все сферы жизни населения.

Мониторинговая группа центра «Ижтимоий фикр» сделала заключение, что рост или снижение уровня религиозности не обуславливается материальным положением. Позволим себе не согласиться с этим. Общеизвестно, что крайне плохое материальное положение семьи повышает потребность обращения к религии. Стремление же заработать любым путем может грозить людям, особенно молодежи попаданием под влияние религиоз-

---

¹ См.: Центр изучения объективного мнения «Ижтимоий фикр» РУз. Указ. рукопись. 2006.

но-деструктивных сил. Об этом свидетельствуют и сами респонденты. По данным самого центра 48% опрошенных в возрасте 20—29 лет придерживаются этого мнения. В качестве контрмер предлагается улучшение духовно-нравственного воспитания. По результатам опроса 47% респондентов считают, что для нейтрализации подобных явлений необходимо улучшить материальное положение населения, особенно молодежи. В Наманганской и Ферганской областях этот ответ дали 54% и 50% опрошенных. В отличие от сотрудников мониторинговой группы, мы считаем, что это довольно высокий показатель.

Что касается *религиозных знаний*, то здесь имеется устойчивый рост религиозных знаний у узбекского населения, исповедующего ислам (более 71%). В обществе сохраняются и растут потребности в их получении, что конечно же говорит о необходимости пополнения рынка религиозной литературой. Стремление к овладению информацией не всегда может приводить к его правильному восприятию. Поэтому очень важно, чтобы спрос был адекватен качественному и правильному его удовлетворению. Бывают случаи, когда информация основана на устном «просвещении». Так одна доморощенная отин, проводя «мавлюд» (религиозное мероприятие, связанное со смертью человека) среди женщин объявила, что брать в руки библию или толмут — это величайший грех для мусульманина. Часто случается, что на амри-маъруф, муллы говорят вещи противоречащие логике. Такое бытовое получение информации от соседей, друзей, неквалифицированных религиозных деятелей ведет к неправильному формированию религиозного мышления, и в целом восприятию религии, 19% опрошенных сами считают религиозную просвещенность населения низкой. Причина этого, очевидно, тоже кроется в советском прошлом. Политолог М. Филь считает, что «официальное игнорирование религиозной сферы жизни общества в период существования СССР привело к тому, что уровень «религиозного образования» большинства населения (даже среди тех, кто считает себя приверженцем определенной конфессии) был и остается чрезвычайно низким»¹.

---

¹ Власть. — Москва, 2005. № 9. С. 44—50.

Другая форма информации — это семейная. В большинстве случаев определенные религиозные знания приобретаются в семье от родителей, бабушек и дедушек и близких родственников. Меньшая часть людей занимается самообразованием, изучая соответствующую литературу. Конечно в республике сейчас ведется большая работа по изданию религиозной литературы, комментариев к богословским книгам. Много в этом отношении делается Ташкентским исламским университетом и другими ведомствами. Но в данном случае речь идет о получении первичной и самой доступной информации.

Отношение населения к религиозному возрождению однозначно положительное. В годы независимости процессы осознания культурных и религиозных ценностей в обществе идут достаточно активно. Торжествами общенационального масштаба стали исламские и национальные праздники. Это и усилия правительства по увековечиванию имен многих исламских просветителей и ученых, возможность свободно выполнять мусульманские обычаи, традиции и ритуалы оказали благотворное влияние на формирование общественного мнения. По данным Центра «Ижтимоий фикр» большинство положительно оценивают обеспечение прав верующих граждан со стороны государства — 82% респондента и лишь 4% опрошенных считают, что имеет место ущемление прав верующих. Отношение населения (в ракурсе опроса) к деятельности Управления мусульман Узбекистана (ИМРУ), в основном, положительное.

Популярность мусульманского поста рамазан в стране достаточно высока. В этом вопросе проблема не связана с образовательным уровнем. Все чаще и среди интеллигенции и элитарной части общества наблюдаются хоть и не полное, но соблюдение поста. На вопрос: «Почему Вы это делаете?» Отвечают: «Не выполняю никаких предписаний ислама, хотя бы так я могу показать свою преданность Богу». Среди опрошенных соблюдающих пост с той или иной степенью регулярности — 75%. Из них 40% соблюдают регулярно. Совершенно не соблюдают — 25%. Причем этот показатель значительно упал по сравнению с 2003 г., когда он составлял 35%¹.

---

¹ См.: Центр изучения объективного мнения «Ижтимоий фикр» РУз. 2006.

В 2005 г. хадж совершили 5% опрошенных, но большая часть респондентов побывали в местах паломничества Узбекистана. Наблюдается характерное для жителей коренного населения Узбекистана уважительное отношение к местным святыням, особенно комплексу имама Аль Бухари, Бахауддина Накшбанди и др.; 9% опрошенных не посещали святые места и не собираются этого делать, 15% их было в 2005 г.¹

Проанализированные данные свидетельствуют о том, что Узбекистан нельзя назвать страной с явно выраженной «исламофобией». Оставаясь в ряду государств с полиэтническим и поликонфессиональным составом населения, страна представляет уникальную разновидность светского государства, население которого сохраняет в качестве приоритетов религиозное сознание. Испытав на себе в разные периоды истории влияние других мировых религий, мирно сосуществовавших с исламом, оно впоследствии оказалось носителем особенного сочетания доисламских и исламских традиций и культов. Наибольшую трансформацию религиозное сознание населения получило в советский период. Говоря об отношении к религии и религиозном сознании населения надо учитывать несколько факторов.

1) Историческое сочетание в данном регионе многих конфессий и их взаимовлияние. И сейчас, например в ритуалах и обычаях узбекского народа, в частности, мусульман присутствуют элементы зороастризма (зажигание свечей, несмотря на запреты духовных сановников на кладбищах и святых местах, обход вокруг огня новобрачных и т.д.).

2) В советский период, характеризующийся нигилистическим отношением к исламу и ко всем религиям, насильственное их искоренение и мощная пропаганда атеизма, с одной стороны, не могли не влиять на образ жизни, с другой, среднеазиатские исламские школы, в частности, суфийская в соприкосновении с натиском коммунистической идеологии уменьшалась, уходила в подполье, но не была размыта и не исчезла. Даже в 1988 г. в учебнике для ВУЗов известные специалисты по научному атеизму М.В. Вагабов и Н.М. Вагабов писали: «Вопрос о пре-

---

¹ См.: Центр изучения объективного мнения «Ижтимоий фикр» РУз. 2006.

одолении пережитков в сознании и быту части населения в нашей стране пока еще не решен. Некоторые советские люди, в том числе и в регионах традиционного распространения ислама в СССР, находятся под влиянием этого религиозного мировоззрения. Пережитки ислама здесь проявляются в обыденном сознании, в традициях и обрядах»¹.

Думается, что если бы СССР продолжал существовать, то все равно этот вопрос не был бы решен. С другой стороны, негативное отношение к религии советской власти, при которой выросло целое поколение тоже играет свою роль и в современном формировании религиозного мышления их детей и внуков.

3) Необходимо при анализе религиозного сознания применительно к Узбекистану и в целом Центральной Азии учитывать фактор политических перемен, касающихся непосредственно региона и в целом мира. Рост общественной роли религии, но не политической имеет место. Это, в свою очередь, может вызвать и политические претензии отдельных деструктивных религиозных группировок (в чем мы убедились на примерах Узбекистана, США и России), но в данном случае речь не о них, а о регламентированных государством религиозных структурах, которые имеют определенное влияние на общество. Изменения касаются не только центральноазиатской территории. Происходящие террористические акты со стороны ультрарадикальных исламских группировок заставляют руководство крупнейших государств быть более внимательным к мусульманам, демонстрировать свою лояльность к исламу, это, в свою очередь, влияет на общественное мнение.

Позволю себе не согласиться с мнением О. Кориева о том, что «для истинного мусульманина политическое устройство того региона, в котором он проживает не имеет первостепенного значения»².

---

¹ Вагабов М.В., Вагабов Н.М. Ислам и вопросы атеистического воспитания. — Москва: Высшая школа, 1988. С. 4.

² Кориев О. Ферганская долина в 70—80-е годы XX века: экономические аспекты появления исламистского движения // Исламские ценности и центральноазиатские реалии. — Ташкент: IFEAC, 2004. С. 28.

Возможно те мусульмане «новой волны», о которых он пишет и не появились, если бы советская власть не контролировала религию и не проводила политику атеизма. Новая религиозная политика, новое отношение к исламу, имеется в виду официальных властей, способствовала непосредственному совершенствованию религиозного сознания в ракурсе правильного понимания ислама и созданию общественного мнения вокруг этого вопроса.

Для полного изучения этих сложных и неоднозначных процессов необходимо исследовать проблему религиозного сознания и религиозного уровня населения вкупе с данными о состоянии других религий и межконфессиональных отношений. Важную задачу представляет выявление и определение типологии социального самочувствия отдельных конфессиональных групп, сочетания этнической и религиозной идентичности. Такое широкомасштабное исследование должно опираться на историческую ретроспективу, без знания которой невозможно объяснить современные события и явления, касающиеся религиозной проблемы.

ВЗГЛЯД ИСТОРИКА НА ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XX ВЕКЕ*

XX век характерен огромными изменениями в жизни женщин — социально-экономического, культурного и духовного характера. В этом столетии ими пережито три формы политического и социального устройства. Известно, что специфика положения женщин Центральной Азии, бывшей колониальной окраины царской России, во многом определялась строгими традициями и канонами мусульманства, обуславливавшими затворнический образ жизни.

В советской историографии было принято считать, что только октябрьская революция дала свободу женщине и уравнила ее в правах с мужчиной и соответственно осуществила свою программу по обеспечению этих прав в жизни. На самом деле еще задолго до большевистского переворота в Туркестане в конце XIX — начале XX вв. прогрессивное движение национальной интеллигенции, называемое джадидизмом в своей программе обновления и переустройства общества, поставило вопросы вовлечения женщин в общественную и культурную жизнь. Организация джадидов «Шурои-исломия» первой включила в свою программу вопросы участия женщин в выборах. Известные участники этого движения Махмудходжа Бехбуди, Абдурауф Фитрат, Абдулла Авлони, Абдулхамид Чулпан и другие считали, что интеллектуальный уровень общества во многом зависит от того, в каком положении находится женщина. Они считали, что трансформацию общества, надо начинать в первую очередь, с реформ в духовно-культурной и бытовой сферах, что включало в себя и изменения взглядов на место и

---

* Статистические данные по республикам Центральной Азии даны по сведениям начала 2002 г.

роль женщины в жизни мусульманина. По их взглядам мировоззрение молодого поколения во многом зависит от уровня образования матерей, от принципов взаимоотношений в семье, и без правильного построения основ семьи, без полноценного воспитания молодежи невозможно реформировать общество и направить его развитие по пути прогресса¹. Женский вопрос они рассматривали сквозь призму семьи, где главным вопросом было правильное воспитание детей. Более того, эту задачу джандиды считали настолько ответственной, что проводили параллели между любовью к детям и любовью к Родине. Таким высокопатриотичным содержанием отличается произведение А. Авлони, где он рассматривает женский вопрос в неразрывной связи с судьбой Родины и пишет: «Что заставляет человека работать день и ночь, разве не любовь к Родине и своим детям? Известно, что нет семьи без Родины, и нет Родины без семьи. Эти два понятия, существующие в обществе взаимосвязаны и дополняют друг друга...»².

А. Авлони, А. Фитрат и М. Бехбуди неоднократно повторяли ставшую тезисом мысль о необходимости равного участия в воспитании детей, как матерей, так и отцов. О чем бы ни шла речь в их выступлениях и сочинениях, они скрепляли свои идеи и соображения Кораном и хадисами, пытаясь подробно разъяснить позицию исламского вероучения в этом вопросе. А. Авлони, например, утверждал, что по исламским нормам поведения, закрепленным в шариате есть понятие «ахлоки хасана» — образцовое поведение (этикет поведения), которое молодой человек должен перенимать у хороших людей³. Он считал самым важным привитие детям таких качеств, как «фатонат» (быть умным), «гайрат» (энергичным), «риёзат» (милосердным), «қаноат» (терпеливым), «интизом» (дисциплинированным), «виждон» (совестливым), «Ватанни суймоқ» (любить Родину), «хаққоният» (честным, праведным), «хаё» (высоконравственным) и др. Соответ-

---

¹ См.: *Бехбудий М.* Хифзи сихати оила // Ойна. 1914..№ 48, 49, 50; *Фитрат А.* Оила ёки оила бошқариш тартиблари. Баку. 1915 й. — Тошкент: Маънавият, 1998; *Авлоний А.* Туркий гулистон ёхуд ахлоқ. — Тошкент: Ўқитувчи, 1992.

² *Авлоний А.* Туркий Гулистон ёки ахлоқ. — Тошкент: Ўқитувчи, 1992. Б. 10.

³ Там же. Б. 16.

ственно прививать это ребенку могут только те родители, которые сами обладают этими качествами.

А. Фитрат же считал, что полноценное воспитание детей включает в себе несколько компонентов, от физического воспитания до духовного. В данном вопросе он проявил себя в качестве довольно компетентного психолога, рассуждая о том, что получить позитивный эффект возможно тогда, когда между детьми и родителями будет существовать некая духовная близость, приносящая им радость. «Чтобы достичь определенной позитивной формы характера и действий человека, необходимо воспитывать его душу», — писал он¹. Чтобы ребенок был уверен в себе, в своих силах, был сильным, находчивым, быстрым и умным, необходимо научить его уважать самого себя, т.е. воспитать в нем чувство собственного достоинства и в то же время умение уважать и считаться с окружающими людьми.

А. Фитрат утверждал, что «необходимо так воспитать детей, чтобы не загасить в них стремление к счастью. Родители не должны запрещать им выражать удовольствие и радость, и обязаны поддерживать их начинания, не противоречащие нормам поведения»². Особое внимание он уделял вопросу о привитии трудолюбия и знаний. Дети должны понимать, что сегодняшнее терпение и храбрость обернется завтра счастьем, т.е. надо им объяснить, что достигнутое — это результат упорного труда и терпения.

О том, что женщине знания очень важны говорили многие представители интеллигенции Туркестана. В газете «Садои Туркистон» в 1914 г. появилась статья М. Бехбуди, в которой выражалось мнение о том, что для девушек образование важнее, чем для мальчиков и ее автор призывал средства затрачиваемые на различные украшения и излишества тратить на образование девочек, готовить из них учителей, так необходимых для школ³.

А. Фитрат и М. Бехбуди считали, что в семье должно главенствовать не только духовное, но и физическое здоровье. Человеку необходимо знать, что самое главное для него это «илми

---

¹ *Фитрат А.* Оила ёки оила бошқаруви тартиблари. Баку, 1915 й. — Тошкент: Маънавият, 1998. Б. 15.

² Там же.

³ См.: *Бехбудий М.* Тошкандлик бир муаллима. На учун ибрат олмаймиз // Садои Туркистон. 1914. № 11.

бадан ва хифзи сифат» — знания об организме и качестве здоровья, — писал М. Бехбуди¹. Он также как и А. Фитрат, основываясь на Коране и хадисах, а также на исследованиях голландских, английских и французских ученых в статье «Хивзи сихати оила» писал о вреде не только ранней женитьбы и замужества, но и внебрачия, многоженства.

А. Фитрат взял на себя смелость утверждать, что хадисы советуют брачующимся видеть и знакомиться друг с другом до свадьбы. Главным условием в этом вопросе А. Фитрат считал взаимные чувства, если их нет, то семья будет несчастна. Еще более несчастна, по его мнению, будет та женщина, которую выдают замуж без ее согласия, что было распространено в Туркестане². Таким образом, он поднимал статус мусульманской женщины очень высоко.

М. Бехбуди был еще смелее, когда впервые в Средней Азии поднял вопросы сексуального воспитания. Учитывая время написания статьи, можно сказать, что свободно рассуждать на подобные темы мог только очень решительный человек с широким кругозором и высокой степенью культуры.

Джадиды постоянно критиковали никому ненужные традиции, которые требовали больших затрат и ложились тяжелым бременем на плечи женщин. Они постоянно призывали мусульман вместо пышных свадеб и похорон, на эти средства отправлять своих детей учиться зарубеж³.

Примечательно, что на страницах джадидской прессы в обсуждении женских проблем проявили себя и представительницы этого пола. Сора Музаффария написала статью «Вина в нас самих», где писала: «У нас есть талант и способности. Сознание и мысль. В нас есть сила, способная управлять не то что домом, но и страной... Кто запретит нам проявлять это»⁴.

Это не по времени смелое заявление очень важный факт, опровергающий мнение о загнанности и невежестве восточной

---

¹ Бехбудий М. Хифзи сихати оила // Ойна. 1914. № 48. Б. 11, 48.

² См.: Фитрат А. Оила ёки оила бошқаруви тартиблари. Баку, 1915. — Тошкент: Маънавият, 1998. Б. 25—26.

³ См.: Бехбудий М. Ёшларга мурожаат // Ойна. 1914. № 12. 10 марта; Его же. Бизга ислоҳ керак // Нажот. 1917, 7 ноябрь; Его же. Бизнинг кемирувчи иллатлар // Ойна. 1914. № 23 и др.

⁴ Садои Туркистон. 1914. № 36.

женщины в колониальный период, бытовавший в советской историографии. Эту мысль о необходимости каждой женщине осознать свою значимость поддержал И. Хаккий, который считал, что женщина, «породившая человечество и воспитавшая его» должна верить, что она способна на великие дела¹.

Одним из основных условий прогресса джаиды считали равенство мужчин и женщин, более того они считали, что женщина должна сама решать свою судьбу.

Конечно же джаиды не предпринимали никаких экстраординарных и революционных мер для осуществления своих идей, зная, что религиозное общество, где тон задавало, в основном, консервативное духовенство, не будет восприимчивым к резким переменам. И тем не менее «теоретическое» осознание этих проблем было уже большим продвижением.

Наступление советской эпохи конечно кардинально изменило ситуацию. Советской властью был осуществлен политический и социальный эксперимент по созданию совершенно нового образа женщины в Центральной Азии. Он сопровождался насильственными методами, которые проводились, в основном, компартией и сопровождалась открытой враждебной борьбой с исламом. Учитывая более закрепощенное положение женщин в Средней Азии, коммунисты форсировали темпы борьбы и она была более масштабной, чем в европейской части СССР. Надо признать, что в результате крайне сложной работы были достигнуты определенные успехи в обеспечении юридических прав женщин, вхождении их в производственную сферу. В первые же годы Советской власти в Казахстане и Туркестанской АССР были изданы законы об отмене калыма (выкупа за невесту), установлении брачного возраста (для девушек — 16, для юношей — 18 лет), о запрете выдачи замуж малолетних и многоженства. В Конституции всех пяти среднеазиатских республик были внесены специальные пункты о защите прав женщин.

В 20-х годах при проведении этих мер еще учитывался национальный менталитет, необходимость осторожного подхода, учитывались традиции, особенности жизнеуклада женщин. Женотделы (отделы по работе среди женщин были во всех звеньях

---

¹ *Хаккий Исмоил*. Туркистон хотинлари нега ўқимайдилар? // Иштироки-юн. 1919. № 134.

структуры органов компартии) организовывали хождение активисток по домам, открытие женских клубов, артелей, магазинов, специальных точек, где без столкновения с мужчинами женщины учились шить, читать, писать¹. В работе женотделов преимущественное место занимал метод убеждения. Заработок работающих в артелях стал существенным подспорьем в бюджете семьи. Дехканин был доволен, что жена зарабатывает, не нарушая при этом принятых моральных норм. Однако, кардинальных изменений в образе жизни большинства женщин не произошло. Кроме того темпы раскрепощения женщин не удовлетворяли, набиравший уже силу, тоталитарный режим. Для его ускорения была предпринята мера, которая называлась «Худжум» — наступление. Это было по определению коммунистов «качественно новым этапом» в решении женского вопроса в республиках Средней Азии. Это решение было принято Среднеазиатским бюро ЦК ВКП(б) в 1926 г. Партия переходила от разъяснительных методов к обязательному выполнению всех законов советской власти и декретов партии². В каждой из республик Средней Азии была создана комиссия по проведению кампании, которую возглавлял первый секретарь ЦК Компартии. «Худжум» официально начался 8 марта 1927 г. с демонстраций женщин, которые собирались на площади и бросали свое покрывало в костер. Но худжум не означал только борьбу с затворничеством. Для женщин открывались школы, клубы, где они учились грамоте, общественному труду. В начале это происходило с большим усилием работников женотделов. Но активность самих женщин была тоже очень высокой.

Несмотря на то, что женщин за это наказывали члены семьи — братья, отцы и мужья, они очень хотели учиться, работать, зарабатывать деньги и быть независимыми. Они уже вку-

---

¹ См.: *Шукурова Х.С.* Социализм и женщина Узбекистана. Исторический опыт КПСС в раскрепощении женщин Советского Востока на примере Узбекистана. 1917—1937. — Ташкент, 1970; *Набиева Р.* Женщины Таджикистана в борьбе за социализм. — Душанбе, 1973; *Аминова Р.Х.* Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. — Ташкент, 1975; *Пальванова Б.* Эмансипация мусульманки. Опыт раскрепощения женщин Советского Востока. — Москва, 1982.

² См.: *Аминова Р.Х.* Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. — Ташкент, 1975. С. 136.

силы сладость свободы и равноправия и их нельзя было повернуть назад. Но стремление руководства страны и коммунистов искусственно ускорить «Худжум» придало ему характер ударной кампании. При этом не учитывался наиважнейший в этом деле психологический фактор. Ни партийные и советские работники, независимо от рангов и должностей, ни тем более простые люди не были готовы к тому, чтобы понять и принять хождения женщин без паранджы (покрывало, закрывающее женщину с головы до ног). Об этом свидетельствует масса примеров из истории. Например, член ЦИК УзССР Каримов арестовал рабочего Таштрама за то, что его жена сняла паранджу. В кишлаке Яллама Ташкентской области ответственные работники запретили батракам «открывать» своих жен и не позволили им выходить на улицу¹. Скрытое и явное противостояние очень тревожило партийные органы. Поэтому была предпринята система наказаний партийцев, которые не стали «застрельщиками» в этом деле. Причем о мерах воспитательного характера не было и речи. К тому времени (1927 г.) компартии республик Средней Азии состояли из 40 тыс. членов и кандидатов, из которых 25 тыс. были представителями местных национальностей².

Предполагалось, что эти коммунисты и должны быть в авангарде «Худжума» и подавать пример людям прогрессивным мышлением. На деле же приводя своих жен на площади, где на кострах сжигались паранджи, на следующий день они заставляли надевать их вновь. Так, в Ошской области Киргизской АССР 8 марта 1929 г. сняли паранджу около 9 тыс. женщин, но на следующий день многие ее вновь надели³. А административные меры следовали одна за другой. Так XIV Пленум Средазбюро ЦК ВКП(б) (октябрь 1927 г.) принял решение о строгом наказании партийцев за «бытовые преступления», вплоть до исключения из партии⁴.

Какие-либо другие методы пресечения сопротивления по раскрепощению женщины не рассматривались. Проверка выпол-

¹ См.: Коммунистка. 1927. № 8. С. 52—53.

² См.: Худжум — значит наступление. — Ташкент: Узбекистан, 1989. С. 10.

³ См.: Табышалиева А. Культурно-религиозные традиции и положение женщин. — Бишкек, 1995. С. 14.

⁴ См.: За партию. 1927. № 3. Приложение.

нения директив партии по этому вопросу, проще говоря, «чистка» давала иногда абсурдные результаты. Так, по свидетельству одного из авторов того времени, из проверенных 258 ответственных работников Киргизии 18 человек женились, уплатив калым после установления Советской власти, трое — получили жен по наследству и двое — были двоеженцы. Все были наказаны по партийной линии, в том числе и 7 человек, заплатившие калым до октябрьской революции, то есть до отмены его Советской властью. В Каракольском районе же комиссия постановила коммунисту Ульмаскулову ликвидировать не азбучную неграмотность, а религиозные предрассудки. В одной из партийных организаций после подобной проверки посыпались заявления жен ответственных работников о приеме в партию.

Методы устрашения, угроз и наказаний заменяли методы убеждения и просвещения. Не было учтено то обстоятельство, что на Востоке судьба женщины находится в полной зависимости от мужчины, отца и мужа, которые не были морально подготовлены к «Худжуму».

«Худжум» принял до такой степени «кампанейский», заорганизованный характер, что даже было заключено социалистическое соревнование между Узбекской и Туркменской республиками по вопросам раскрепощения женщин. Он известен под названием «Договор миллионов». Эта аббревиатура означала договор народов, то есть миллионов людей.

Насильственные действия властей привели к трагическим последствиям. По архивным данным только в Узбекистане за два года 1926—1928 гг. от рук мужчин погибло более 2,5 тыс. женщин активисток, членов сельских, районных Советов, заведующих женскими клубами и библиотеками¹. Преступниками были мусульмане-фанаты, считавшие, что место женщины — это дом, ограниченный четырьмя стенами. Они считали позором, если она открывала лицо и выходила на улицу, считали, что вступая в общественную жизнь женщина становится безнравственной. И очень много погибших и искалеченных было среди рядовых участниц женского движения. Партийные органы уви-

---

¹ См.: Пальванова Б.П. Эмансипация мусульманки. — Москва: Наука, 1982. С. 197.

дели плоды своей поспешности — разразившийся мужской террор против женщин имел угрожающие размеры. Однако, нельзя отрицать тот факт, что стремление к свободе самих женщин было очень высоким. Благодаря их поддержке, активность «Худжум» первоначально имел огромный успех. В Узбекистане весной 1927 г. 100 тыс. женщин сняли паранджу, 5 тыс. женщин учились в ликбесе, 5202 женщины были избраны народными заседателями¹. Если учесть, какое место женщины-мусульманки занимали в общественной жизни республик до этого, это впечатляющая цифра.

Однако, партийные руководящие органы, опьяненные успехом процесса раскрепощения женщин совершенно забыли, а вернее, преднамеренно игнорировали исламский фактор, взяв курс на его низложение, открытое отрицание и борьбу с ним. И эти два фактора: психологический и религиозный, их исключение, было причиной того, что сопротивление раскрепощению женщин продолжалось еще долго.

Кроме того существовал и социальный фактор, который не был учтен. Значительная часть населения старых городов были кустари, мелкие торговцы, ремесленники, которые вследствие развития промышленности разорялись и естественные процессы их экономической дезинтеграции усиливали их враждебное отношение к принимаемым решениям правительства. Соответственно этому и «открытие» женщин не сулило им экономических выгод (в отличие от дехкан, использовавших женский труд в различных отраслях сельского хозяйства и наименее беднейшей части городского населения). И они открыто выступали против раскрепощения женщин. И тогда, и в более позднее время было принято считать, что на преступления против женщин, снявших паранджу, провоцировало духовенство и оно было главным виновником террористических актов. Однако, существовало и прогрессивное духовенство, стремившееся удержать под своим влиянием широкие слои мусульманства, и понимавшее к чему приведет противостояние процессу освобождения женщин, сторонников которого было не мало. По-новому ин-

---

¹ См.: Правда Востока. 1927, 7 октября.

терперируя Коран оно высказывало мнение о том, что он не содержит запрета на участие женщин в общественной и производственной жизни и не обязывает носить паранджу. По данным официальных работников оно даже пыталось организовать свои «женотделы». Так, заведующая женотделом ЦК Компартии Узбекистана Серафима Любимова в 1926 г. сообщала, что в кишлаках Ферганской долины было распространено воззвание, подписанное — «Зав. женотделом духовного управления Мурсали-биби», в котором призывалось не препятствовать раскрепощению женщин, но и не забывать об их религиозном воспитании. Однако такие попытки были отвергнуты официальными органами¹. Открытая борьба с религией и духовенством ярко выразилась в деятельности повсеместно организованного, так называемого, Союза «Курашчан худосизлар» («Воинствующие безбожники»). Если еще в начале 20-х годов женотделы предпочитали осторожность в антирелигиозной пропаганде, то уже к началу 30-х годов об этом не было и речи.

Война за женщину была войной не классов, а мировоззрений. Она не зависела от социальной принадлежности ее участников, которым трудно было отказаться от веками утверждавшегося в сознании представлений о женщине. Подтверждением этому может служить тот факт, что трагические события происходили нередко и в семьях бедняков.

Провоцировали эту войну грубые, неправильные методы работы партийный комитетов. Так, для агитации в пользу «Худжума» использовались сборы жителей на молитву в мечетях, организовывались «тройки» по снятию паранджи, в состав которой входил и начальник милиции, а с мужей брались расписки, что они «откроют» своих жен. Подобные насильственные методы отрицательно повлияли и на само женское движение, которое пошло на спад.

К концу 30-х годов с провозглашением «победы социализма», естественно утвердилось ошибочное мнение о якобы полном исчезновении социальных корней религий. Причина высо-

---

¹ См.: Любимова С.Т. За новый быт. — Ташкент: Средазкнига. 1926. С.38; Диманштейн С. Против мулл и ишанов // Коммунистка. 1929. № 5—6. С. 49—51.

кой религиозности женщин виделась только «во вредном самоуспокоении местных работников Средней Азии, допустивших свертывание антирелигиозной работы среди женщин».

Одной из проблем Советской власти было привлечение в народное хозяйство женского труда. Обсуждение вопроса об участии женщин в промышленном производстве шло вокруг тех его отраслей, где была наиболее вероятна возможность применения женского труда, выдвигалась мысль о возможности использования женщин только на таких работах, которые не были связаны с поднятием тяжестей и со сложными и вредными физическими нагрузками.

Однако, уже в конце 20-х годов такая позиция стала подвергаться деформации. Установилась тенденция уравнивания женского и мужского труда. Равноправие понималось буквально.

Начинался процесс активного внедрения женского труда во все виды производства. Исходя из большой недостаточности рабочей силы в Средней Азии, многие партийные, советские работники предлагали восполнять ее за счет женщин. Такая политика исходила из Центра и осуществлялась во всех республиках Советского Союза. Например, Я. Гальперштейн считал, что строительство должно вестись руками женщин, что надо их применять на столярных работах, в подноске кирпича, каменной кладке¹. А. Вольный, занимавший должность Председателя Комитета по улучшению труда и быта при ЦИК Узбекистана убеждал, что женщины в Средней Азии могут успешно работать в металлообрабатывающей и деревообрабатывающей промышленности².

В результате такого насильственного «равноправия» к 1939 г. женщины овладели 50 процентов мужских профессий. Забвение принципов природного предназначения женщины, особенностей женского организма ярко проявилось и в использовании их в сельском хозяйстве. И здесь тезис о равноценности женского и мужского труда превратился в никем не опровер-

---

¹ См.: Гальперштейн Я. Женщины и кадры // Народное хозяйство Средней Азии. 1930. № 9—10. С. 28.

² См.: Вольный А. Женский труд в промышленности // Чачваны горят. — Москва—Ташкент: Саоғиз, 1931. С. 25.

гаемую догму. В 1930 г. женщины в хлопкосеющих районах Узбекистана и Туркмении составляли 80 процентов рабочей силы. Они использовались в 15 видах сельхозработ, начиная от прочистки семян, кончая пахотой. В одном из журналов в 1932 г. писалось, что женский труд надо использовать исключительно в выращивании трудоемких технических культур¹. Повальное и насильственное вовлечение женщин в колхозы при отсутствии бытовых условий, особенно детских садов, привело к тому, что женщины работали под солнцепеком с детьми на руках и на спине. И это называлось высокой сознательностью колхозниц.

Погоня за успехами в социалистическом строительстве скалзась и на женском вопросе. Был получен приказ от руководства страны считать его решенным. В срочном порядке в 1930 г. были ликвидированы женотделы, а в 1932 г. — КУБТ (Комиссии по улучшению труда и быта женщин), закрылись женские журналы, в том числе и узбекский «Янги-Юль». Благодаря идейно-политической обстановке, сложившейся в эти годы, женский вопрос постигла участь многих других важнейших социальных проблем — он был закрыт для обсуждения в плане, не подходящем риторике «величайших достижений»².

Однако, в годы Второй мировой войны руководящие органы советского государства были вынуждены вновь возродить женотделы, поскольку вся тяжесть труда в народном хозяйстве легла на плечи женщин, и оставлять это вне идеологии было нельзя. Но они не имели той популярности и влияния как в 20-х годах.

Как ни парадоксально, экстремальные условия войны утвердили авторитет женщины как человека, работника, руководителя. Особенно большое значение это имело для республик Средней Азии. В эти годы позитивные изменения произошли в общественной психологии, люди убедились, что женщины могут заменить мужчин, воевавших на фронте, на всех участках народного хозяйства, в государственном управлении, общественно-

---

¹ См.: Ризель Ф. Женщина-националка в борьбе за хлопкоуборочную // Революция и национальности. 1932. № 9. С. 31.

² См.: Партработник. 1934. № 3—4. С. 33.

политической жизни, в сфере культуры. Именно в эти годы значительно выросли кадры женщин коренных национальностей¹.

За этот период численность рабочих-женщин увеличилась вдвое, а удельный вес вырос с 29% в 1940 г. до 54,4% в 1945 г. А в 50-х годах численность женщин, занятых в образовании, науке, здравоохранении превышала численность мужчин².

Было бы неправильным отрицать тот факт, что прогресс, вошедший в жизнь женщины советского Востока, в частности, достижение всеобщей грамотности, большие успехи в области технологий, здравоохранения, образования и науки, которые были бесплатны и доступны, трансформировал ее статус. К примеру, за короткий срок с 1926 по 1939 год число грамотных женщин Таджикистана в возрасте с 9 до 49 лет увеличилось с 0,9 до 77,5%³. В 60-х годах женщины-врачи составляли в Узбекистане — 60%, в Казахстане — 70%, в Киргизии — 66%, в Таджикистане и Туркмении — по 58%⁴. Но вместе с тем это сопровождалось идеологической обработкой, официальная коммунистическая идеология держала женское движение под жестким контролем, определяя место женщин в общепартийной системе. Для женщин существовала определенная квота, согласно которой, они составляли небольшой процент среди руководящего состава страны. Особенное внимание уделялось выполнению этой установки в республиках Средней Азии. На самом же деле женские кадры не допускались к принятию важнейших решений.

В 60—80-е годы участие женщин в политической жизни носило декларативный характер и приобретало актуальность в

---

¹ См.: *Давлетова Ф.* Женщины-туркменки в годы Великой Отечественной войны. — Ашхабад, 1949; *Животовская Н.П.* Трудовые подвиги женщин Киргизии в годы Великой Отечественной войны. — Фрунзе, 1963; *Ибрагимова А.Ю.* Женщины Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. — Ташкент, 1987.

² См.: *Табышалиева А.* Обращение во времени. — Бишкек, 1998. С. 69.

³ *Маджидов Р.М.* Особенности формирования атеистического мировоззрения женщины: на материалах Таджикской ССР. — Душанбе, 1977. С. 20.

⁴ См.: *Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917—1936 гг.)* / Сборник документов и материалов. — Москва, 1971. С. 15.

дни празднования женского дня — 8 Марта. На это время приходится разрастание социально-экономического кризиса, который лег тяжелым бременем прежде всего на женщин. Показатели по женскому труду в это время были низкими, хотя на партийных форумах выпячивались достижения. В Туркменистане, например, при общем медленном росте численности женщин-работниц еще медленнее росло среди них количество представительниц местных национальностей¹. Удельный вес женщин в составе всего занятого в промышленности Узбекистана населения за 15 лет (1950—1965 гг.) несколько не вырос², в Таджикистане же за 27 лет (с 1950 по 1977 г.) доля женщин в общей численности рабочих и служащих тоже не изменилась³. Это, по-видимому, определялось живучестью консервативного мышления у мужчин, считавших уделом женщин дом, семью, и препятствовавших вовлечению женщин в производство.

Намного болезненнее и острее стояла проблема занятости женщин в сельском хозяйстве. Роль женского труда в хлопководстве оценивалась безоговорочно высоко, а трудности и недостатки скрывались. Ни в один из периодов времени в таких масштабах не эксплуатировался женский и детский труд на хлопковых полях. Это сопровождалось отсутствием нормальных социально-бытовых условий жизни, ненормированным ручным трудом в хлопковый сезон. В целом 90,6 процентов занятых физическим трудом (1970 г.) были женщины⁴. Появление же в 50—60-х годах большого количества женщин-механизаторов было вызвано стремлением самих женщин избавиться от тяжелого ручного труда. Однако уже с 1961 г. их

---

¹ См.: *Языкова М.* Подготовка женских рабочих кадров в Туркменистане (1959—1965 гг.) // Освобожденная женщина Советского Востока. — Ашхабад: Туркменистан, 1972. С. 71.

² См.: *Убайдуллаева Р.* Женский труд в сельском хозяйстве Узбекистана. — Ташкент: Фан, 1965. С. 46.

³ См.: *Чорубкашов С.М.* Социальные проблемы привлечения женщины в общественное производство в условиях Таджикской ССР // Социальные проблемы рационального соотношения профессиональных и семейно-бытовых функций женщин. — Москва, 1980. С. 70.

⁴ См.: *Убайдуллаева Р.К.* К проблеме повышения эффективности использования женского труда в УзССР // Общественные науки в Узбекистане. 1980. № 10. С. 48.

число заметно снижается (в Туркмении в 6 раз, в Таджикистане в 3 раза)¹, а к концу 60-х годов движение за овладение женщинами специальности механизатора и вовсе угасает. Партийные органы объясняли это пренебрежительным отношением мужчин-руководителей к этой проблеме. На самом же деле большинству женщин была не под силу работа на несовершенных хлопкоуборочных машинах марки «СХМ-48» и «ХВС-12», сопряженная с их техническим обслуживанием, которое было далеко не на высоком уровне. Кроме того подобная работа, связанная с перегрузками и вредным воздействием дефолиантов приводила к печальным последствиям. Тенденции уравнивания мужского и женского труда, забвения того, что не может быть равенства в трудовых и физических нагрузках у мужчин и женщин существовала и в эти годы. Женщины работали на шахтах, строительстве железных дорог и на самых тяжелых производствах. А это не было совместимо с биологией женщин и имело трагические последствия.

Как правильно отмечает А. Табышалиева «особенно удручающая ситуация сложилась в Узбекистане. Советская власть превратив эту республику в машину по производству хлопка, добилась не только экологического кризиса, но и принесла в жертву здоровье и достоинство миллионов девочек и женщин»².

Монокультура хлопка, бездумно культивировавшаяся Советской властью привела к трагедии Арала, отозвавшейся тысячами трагедий в семьях. Усыхание и засоление моря и чрезмерное употребление ядохимикатов для обработки хлопчатника привела к тому, что материнская и младенческая смертность была здесь самой высокой в СССР. Тенденция восхваления достижений советской женщины, особенно женщины советского Востока никак не включала в себя паритет домашнего труда. В СССР совершенно не была развита бытовая технология.

Не принесла облегчения, а усугубила имеющиеся проблемы и политика перестройки середины 80-х годов. Вопрос конфликт-

---

¹ См.: Поладова О. Подготовка кадров женщин-механизаторов в Туркмении (1959—1965 гг.) // Освобожденная женщина Советского Востока. — Ашхабад: Туркменистан, 1972. С. 72; Каримова С. Подготовка кадров женщин-механизаторов в Таджикистане (1959—1965) // Известия АН ТаджССР. — Душанбе, 1976. № 3. С. 73.

² Табышалиева А. Отражение во времени. — Бишкек, 1998. С. 71.

ного состояния домашнего и общественного труда почти не решался. Все это не только не привело к преодолению патриархальных отношений, но и в определенной степени даже усилило их, оставив за женщиной старый круг ее обязанностей в семье и возложив на нее при этом статус работника общественного производства. Выделенные правительством материальные средства на определенные аспекты решения женской проблемы были крайне недостаточными для успешного решения женского вопроса. Перестройка М. Горбачева не решила проблем женщин, особенно в Средней Азии, но позволила говорить о нерешенных проблемах и недостатках: наличии бедственного положения женщин в сельских районах, выражавшегося в их частой заболеваемости, высокой смертности детей, отсутствии сносного домашнего быта, нехватке детских дошкольных учреждений. Все это сочеталось с ненормированным рабочим днем, особенно в сезон обработки и сбора хлопка, низкой оплачиваемостью труда, плохим его условием, недостатком питьевой воды, неполноценным питанием и др. Далеки были от совершенства условия труда и быта женщин, работающих в промышленности. Многие предприятия с преимущественным использованием женского труда были построены без учета условий жаркого климата Средней Азии. В 80-е годы по-прежнему остро стоял вопрос об освобождении женщин от тяжелого физического труда. По данным экспертов к началу 80-х годов самый большой удельный вес женщин, занятых физическим трудом в промышленности был в 11 республиках СССР, в том числе Узбекистане, Киргизии, Туркмении и Казахстане¹.

Все это сказывалось на морально-психическом состоянии женщин. По данным периодической печати в 1986—1987 гг. в Узбекистане произошло 270 случаев саможжения женщин², причиной которых было придавленность домашним трудом, невозможность реализовать свои способности и потребности, трудное экономическое положение, отсутствие поддержки и взаимопонимания в семье.

Все эти недостатки не исчезли, а остались, и к ним добавились новые, обусловленные крутыми политическими перемена-

---

¹ См.: Правда. 1990, 8 марта.

² См.: Ташкентская правда. 1988, 24 декабря.

ми. Колоссальные изменения в государственных устройствах республик Средней Азии, приобретение независимости, высвобождение от диктата другого государства, осуществление многовековых надежд народов Центральной Азии, поставило и проблему решения женского вопроса в иную плоскость. В переходный период все эти новые государства столкнулись с социально-экономическим кризисом, который ощущала на себе, прежде всего, женская часть населения. Поэтому в Казахстане, Узбекистане, Киргизии и Таджикистане были приняты меры по организации структуры, непосредственно влияющей на решение женских проблем. Говоря другими словами каждая из республик пыталась сформулировать политику в этой области и выработать законодательство, направленное на социальную защиту женщины и семьи, а также программу действий по улучшению положения женщин. Во всех республиках учреждены Комитеты женщин, сеть которых распространена повсеместно, включая дальние провинции, они имеют опыт работы в женских массах, доступ к властным структурам.

В Узбекистане Указом Президента в 1995 г. введена новая должность заместителя Премьер-министра, которая совмещается с должностью председателя Комитета женщин. На всех уровнях властей введена должность заместителей хокимов, направленная непосредственно на решение женских проблем.

Доля женщин в парламентах Казахстана на конец 90-х годов составляла 9,6%, Узбекистана — 8%*, Кыргызстана — 4%. Эти цифры характеризуют слабую политическую активность женщин. В тоже время создание во всех республиках женских неправительственных организаций, свидетельствует о динамичности образования новых сил. В Казахстане действуют: «Феминистская лига Алматы», «Женщина и право», «Лига женщин творческой инициативы», Фонд поддержки женщин-предпринимателей «Жанар», Международная экологическая ассоциация «Женщины Востока», Благотворительная ассоциация «Женщины-предприниматели Казахстана» и др. В Узбекистане созданы:

---

* На начало 2005 г. в высших органах государственной власти женщины составляли — 16%, 21 женщина (18%) была избрана в Законодательную палату. Впервые в республике сформировался Сенат — верхняя палата Олий Мажлиса, где женщины составляют 15% от 100 сенаторов.

«Женский ресурсный центр», Ассоциация деловых женщин «Тадбиркор аёл», Ассоциация женщин-ученых «Олима» и др., всего около 100 женских организаций.

В Кыргызстане насчитывается более 50 женских неправительственных организаций: «Диамонд», «Конгресс женщин Кыргызстана», «Женщина в развитии», «Независимый союз женщин», «Энэ» и др. В Таджикистане организовали «Национальный Союз женщин», Ассоциация женщин Таджикистана «СИМО», Ассоциация деловых женщин «Ганзина» и др.

В Туркменистане, властями разрешена одна женская организация, названная в честь матери президента С. Ниязова (2002 г.).

В Узбекистане Президентом республики И.А. Каримовым ежегодно объявляются программы социального развития, которые направлены, в свою очередь, на улучшение положения женщин и детей, как и остальной части населения. К примеру, 1998 г. был объявлен — «Годом семьи», 1999 г. — «Годом женщин», 2000 г. — «Год здорового поколения», 2001 г. — «Годом защиты матери и ребенка».

В целом, эти явления свидетельствуют об открывшейся новой перспективе для проявления женщинами Центральной Азии активности и своих способностей.

Однако, трудности переходного периода, резкое социальное расслоение общества, углубление кризиса в экономике, спад производства, рост безработицы, характерные для всего региона, ставят женщин в особенно трудное положение. В Узбекистане при ликвидации монокультуры хлопка, все же высок удельный вес женского ручного труда в хлопководстве. Боязнь безработицы и высокая стоимость жизни заставляют женщин трудиться на рабочих местах с вредными условиями труда. В 1995 г. в легкой промышленности Кыргызстана доля женщин, работающих в таких условиях, составляла 68%¹.

В настоящее время существует новая форма малого бизнеса женщин — это перепродажа товаров, привозимых ими же из-за рубежа. К примеру, в Казахстане женщины составляют 80% занятых на оптовых рынках, 85% — на колхозных². Наряду с

---

¹ См.: *Табыйшалиева А.* Отражение во времени. — Бишкек, 1998. С. 97.

² Там же. С. 98.

этим немало женщин занято на серьезных участках малого и среднего бизнеса. В Узбекистане на конец 90-х годов зарегистрировано свыше 20 тыс. женщин-предпринимателей. К 2005 г. их насчитывалось уже 1985. Что касается сферы науки, культуры, образования, то во всем регионе по-прежнему доля женщин здесь высока, хотя в отдельных отраслях и наблюдается ее снижение. Особенно «женскими» являются такие отрасли, как образование и здравоохранение. В Узбекистане, например, в здравоохранении женщины составляют 73 процента.

Кардинальные перемены в социально-экономических сферах центральноазиатских государств сопровождались в годы независимости и изменениями в духовной жизни их народов. С первых же шагов самостоятельной жизни здесь начался процесс религиозного возрождения. Это было, в целом, закономерное явление. Однако население Средней Азии, жившее в рамках насаждаемого советской властью всеобщего атеизма и отрицания религий (особенно эта тенденция усилилась в Узбекистане в 80-е годы, когда партийным диктатом было запрещено проводить религиозные обряды) не было готово и не обладало определенными религиозными знаниями для правильного восприятия этого возрождения. Поэтому определенная часть женщин попала под влияние исламских фундаменталистов и, нередко, особенно в начале 90-х годов здесь можно было наблюдать реанимацию паранджи в форме черного покрывала, а также попыток возрождения консервативного отношения к женщине, что обуславливает ее «уход» из общества в семью, дом и этим ограничивает ее обязанности.

Однако, религиозная политика центральноазиатских государств, совместная борьба против исламского экстремизма и терроризма оказала свое воздействие на решение этого вопроса, что вызвало значительное ограничение влияния мусульманских эмиссаров из Ближнего Востока и Пакистана, навязывавших свое понимание истинной роли женщин в обществе. История религий народов Средней Азии имеет глубокие и древние корни. Здесь ислам имеет свою интерпретацию, обогащаемую веками своими особенными традициями развития. В силу ряда исторических причин по многим позициям народы региона достигли больших результатов в области эмансипации женщин.

Здесь восточная женщина — это уникальный феномен сочетания светскости и религиозности. Исторический опыт показал, что женщины могут быть глубоко верующими, но добиваться равенства полов и с большим успехом противостоять дискриминации.

Страны Центральной Азии, которые приобрели собственные пути национально-государственного, социально-экономического и духовного развития обеспечивают себе свободное самоопределение всех сфер жизни. Для полноценного их развития необходимо и полноценное участие женщин в этих процессах. Несмотря на трудности переходного периода они развиваются, т.к. здесь в наличии высокий образовательный уровень, развита сеть женского движения, принимаются государственные программы социального развития.

МЕНЯЕТСЯ ЛИ ОТНОШЕНИЕ К ЖЕНЩИНЕ НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА?*

В октябре 1996 г. нам довелось участвовать в международной конференции «Идентификация и роль женщин в процессе изменений: Центральная Азия, Восточная и Центральная Европа и Турция», проходившей в городе Анкаре. Среди докладов ученых разных стран, посвященных почти всем аспектам женского вопроса, были и выступления с попытками анализа положения женщин в Узбекистане. Нас буквально удивило и озадачило полное отсутствие у исследователей информации об истинном положении женщин в нашей стране. Естественно, что их выводы, не основанные на фактических данных, требовали, мягко говоря, корректировки. Наш доклад, называвшийся «Положение женщин Узбекистана до и после обретения независимости», вызвал шквал вопросов. И то, как они ставились, свидетельствовало о высоком научном интересе к нашим проблемам.

Колоссальные изменения во всех сферах жизни, связанные с эволюционной перестройкой экономики и духовной жизни республики, вызвали крутые перемены в положении женщины

---

* 1997 год.

и семьи в целом. Это феномен эпохи, нуждающийся в глубоком изучении и имеющий международное значение. И тут нет никакого преувеличения. Ни в одной западной развитой стране решение данного вопроса не является государственным приоритетом. Создание государственной структуры, направленной на непосредственное осуществление программы улучшения положения женщин (введение должности заместителя премьер-министра республики, создание Комитета женщин и т. д.), создание большого количества неправительственных организаций (Национальная ассоциация планирования семьи, фонд «Соғлом авлод учун», Ассоциация деловых женщин, Ассоциации женщин-экономистов и предпринимателей, женщин юристов и т. д.), поставили «женские дела» в республике совершенно в иную плоскость, чем это было доселе.

Формирование негосударственного сектора экономики привело к возникновению новых сфер в деятельности женщин, которые дают неограниченные возможности для развития их способностей. Это прежде всего касается участия женщин в частном предпринимательстве, малом и среднем бизнесе. Потенциал, существующий в женской части общества, сейчас достаточно высок за счет относительно высокого уровня образования, квалификации, социальной мобильности. Многие женщины удивительно быстро приспосабливаются к реалиям перехода к новой, рыночной экономике, причем здесь не наблюдается особого преимущества или отставания по этническому признаку.

По данным Комитета женщин республики, сегодня в Узбекистане среди 64 тыс. предпринимателей 20 тыс. женщин. Общеизвестно, как трудно женщине в таких делах. Наверное, только сильные и умные могут выдержать сложности, нередко и сопротивление окружения, особенно «сильных мира сего», властных структур. Поэтому предпринимательская деятельность женщин, несмотря на создание поддерживающих фондов со стороны государства, остается пока элитарным, а не массовым. А между тем женщины составляют 51 процент всего населения республики. И, конечно, говоря о том, каким будет наш экономический потенциал в будущем, их нельзя сбрасывать со счета.

Положение женщины в современном обществе не может быть отнесено к частным проблемам. Это проблема общества

в целом, потому что в ней неразрывно переплетены интересы и судьбы всех людей. Сейчас этот вопрос особенно актуален, потому что никогда еще не происходило столь важных и кардинальных перемен. Становление независимого государства выдвигает задачу активного участия в общественных и политических процессах всех слоев населения. Его развитие будет затруднено, если одна ее половина будет менее активна.

В то время как женская часть общества, ответственная за выполнение никем и ничем незаменимых функций, сверх того участвует почти наравне с мужчинами практически во всех сферах производительного труда, обслуживания, образования, медицины и т. д., составляет к тому же, как мы отмечали, половину населения страны, ее представительство на всех уровнях и в органах, принимающих решения, не совсем соответствует ее реальному вкладу и реальной роли в обществе. Сейчас, когда создан механизм защиты женщин во всех сферах жизни, их слабая общественно-политическая активность определяется причинами, идущими снизу. Это можно понять: сложности переходного периода, связанные с экономикой, замыкают женщину в круге ее домашних и материальных проблем. Однако повышение роли женщин, хотя бы на низших ступенях властных структур или до трети их состава, обеспечивало бы их реальное влияние на решение многих вопросов. Кроме того, действительное участие женщин в общественной и государственной жизни могло бы быть обеспечено квотами.

Порою слышим, что эмансипации мы обязаны многими негативными моментами жизни, изъянами в воспитании детей. При этом мы иногда забываем о положении женщин в недавнем прошлом. Слава Богу, что возврата к нему нет и великие завоевания в положении женщины в обществе не обратимы.

Однако общественное устройство, традиционный уклад всей жизни, выработавшийся веками, и сегодня играет немаловажную роль в ее положении и многое, по крайней мере, объясняет. Вместе с тем наблюдаются и попытки реставрировать представления о женщине как о покорной, послушной, закрытой, огражденной семейным очагом. Возобладание таких тенденций будет иметь печальные последствия для общества и войдет в полное противоречие с природой узбекской женщины.

В начале нашего века известный востоковед В. Москалев, запланировав написать историко-этнографический очерк о женщинах-узбечках, в результате своих исследований сделал вывод: в узбекской женщине природой заложены активность и действенность, любознательность и ум. Подтверждений этому в истории немало. Всем известны имена Нодиры-бегим, Увайси, Зебинисо и других. А известная в Кокандском ханстве в XIX в. Курманджандадхо (женщина-генерал), «алайская царица» управляла важной стратегической областью и получила признание не только хана, но и генерала-губернатора и царя.

Характерное для наших дней возрождение религиозности, конечно, имеет свои позитивные стороны. Но многое зависит от правильного понимания сущности религии, в частности, ислама. Неправильное толкование ведет к еще большей дискриминации женщин. Подражание религиозным традициям некоторых стран, в частности, ношение черных покрывал и хиджабов, что встречается в старых частях городов — нонсенс в нашем обществе. Позволить себе опять же исторический пример. В XIV в. при Темуре, на пирах царицы и царевны веселились наравне с мужчинами. В XI в. мужчины и женщины вместе посещали мечети.

Извращенное толкование традиционного положения женщин в семье прямым образом попустительствует совершению насилия над ней. Сейчас как-то перестали об этом говорить. Насилия в семье как бы не существует. Оно считается внутренним делом семьи. Эта ханженская установка означает для многих женщин беспросветное существование, непрерывный ад и ужас издевательств и побоев. Кроме того, под видом возрождения народных традиций происходит реанимация унижительных и разорительных церемоний, связанных с браком, рождением ребенка, смертью.

Возникшее понятие обязательности их исполнения не способствует благополучию семей, нещадно отвлекая, распыляя огромные силы и средства. На различного рода свехобильные церемонии расходуется столько средств, сколько с лихвой хватило бы на многие благие дела. Нельзя не вспомнить известного просветителя Махмудходжу Бехбуди, который посвятил этому не одну статью и призывал мусульман Туркестана еще в

начале XX века тратить средства, предназначенные на пышные церемонии, на обучение детей за рубежом.

Особо хочется сказать в связи с этим и о положении в семье молодой невестки — келин. И здесь нередко присутствует определенный вид дискриминации. Границы ущемления личности келин, как правило, определяются главами патриархальных семей, и подается это, как богоугодное соблюдение обычаев предков. И в настоящее время степень дискриминации невесток в семьях усиливается по мере удаления города от села. Девушка, становясь невестой, женой, матерью, как бы заранее ни была подготовлена к дискриминации по полу, порой попадает в острое стрессовое положение. Из относительно свободного существа, опекаемого родителями, она вдруг попадает в положение существа несвободного, второстепенного, не смеющего иметь собственного голоса, обязанного всем угождать. На нее сваливается бремя забот по домашнему хозяйству, обслуживанию мужа, родни, гостей и прочее. При этом она должна придерживаться бесчисленного количества унижительных ограничений, не приемлемых в цивилизованном обществе, не совместимых с правами человека, но выдаваемых за национальные традиции и обычаи. В связи с этим удивляет, что в наших средствах массовой информации обращения идут в один адрес — в адрес келин: будь хорошей невесткой, уважай и почитай мать своего мужа. Почему бы не призвать и свекровей быть справедливыми и заботливыми, внимательными и щадящими и ратовать за обоюдное равноправие, согласие и взаимоуважение.

Еще один вопрос, который хочется предложить для обсуждения, — роль мужчины в семье и воспитании детей. Как член общества женщина постоянно находится в двояком положении. С одной стороны, на ней лежит важнейшая функция воспроизводства населения, с другой стороны, она все более вовлекается в производственные процессы, в которых трудится наравне с мужчиной, а нередко и больше мужчины. При этом исключительно на ней лежат обязанности ведения домашнего хозяйства и воспитания детей. На бытовом уровне временное исчезновение мужчин может пройти незамеченным — настолько ничтожна их роль в этой сфере. Если же мысленно допус-

тить временное исчезновение женщин, то последствия могут оказаться катастрофическими: ненакормленные дети и домашние животные, голодные и неухоженные мужчины и гости, нестиранное белье и многое другое, до чего не снисходит сильный пол, но что является повседневной жизнью. Самая главная жизненная основа семьи — быт, уют — возложена на женщину. И это считается само собой разумеющимся. Но еще более важный вопрос — воспитание детей — тоже прерогатива матерей. Часто мы жалуемся на феминизацию воспитания в школе и говорим о ее негативных последствиях для мальчиков. То же самое можно сказать и о полноценных семьях, где есть мать и отец и где воспитанием мальчиков занимается только одна женская сторона. Конечно, мать многое дает своим детям, но кто должен дать спокойную уверенность в свои силы, мужество, храбрость, умение защищать, как не отец ребенка!

Значит, на повестку дня надо опять поставить не новый, но все еще актуальный вопрос: нужна перестройка мужского сознания. Как ни парадоксально — не меньшая переориентация требуется и в женском сознании. Мы сами нередко подумаем, прежде чем попросим мужчину выполнить какую-либо работу по дому. Традиция, психология, восточный менталитет? Возможно, но создается порочный круг, разорвать который можно, лишь роя туннель с двух концов. Мы не должны быть обществом, пропитанным идеей превосходства мужчин. Я не призываю к полному равноправию — оно невозможно. У каждого пола свои биологические, психофизические особенности, и они не преваляют друг над другом, а дополняют друг друга.

Но вернемся к теме воспитания. Если уж женщина несет главное бремя по воспитанию детей, прививая им те или иные стереотипы, то скажем и об одной очень важной и болезненной теме сегодняшнего дня. Почему падает уровень детского интеллекта, почему у нас все больше нечитающих детей? Жалобы на это часто слышишь от учителей. Отчего это зависит? Да прежде всего от матери: читающая мать — читающий ребенок, женщина низкого интеллекта растит таких же детей. В одной из телевизионных передач известный американский хирург рассказал, что, если б не его мать, запиравшая его в детстве с книгой (иначе его невозможно было усадить читать), он никог-

да бы не приобрел знаний и не достиг сегодняшнего положения. Возможно, в случае строптивых мальчиков это полезный метод. Ну а в целом отчего это зависит, от занятости матери, от ее настроения, от степени ее активности или ленивости, ее интеллекта? Не грозит ли это обществу утратой достигнутого уровня?

Еще одно важное условие для осуществления равноправия женщин, на мой взгляд, — это ее юридическая осведомленность, овладение азбукой собственных прав, знание законов, которые широко предоставлены государством и защищают ее. В большинстве случаев женщины не знают основ законодательства республики, касающихся их же положения в обществе. Многие из них даже не подозревают и о существовании международных документов по правам человека, в том числе конвенции «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», которую Узбекистан ратифицировал одним из первых в Центральной Азии. Существуют и другие международные конвенции — относительно равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности, об охране материнства, о гражданстве замужней женщины, о борьбе с дискриминацией в области образования. Знание законов сделает женщину увереннее и сильнее. Это не подлежит сомнению.

В данной статье мы не рассматривали вопросы экономического характера, а остановились больше на общественно-нравственных проблемах, характерных не для всего общества, но реальных и весьма болезненных. К ним надо привлечь внимание все инстанции — от научных до общественных и государственных, потому что, формируя нравственно-этические ценности, мы не должны забывать, какую роль в этом процессе играют положение женщины и отношение к женщине.

В общественно-политической жизни республики возникла новая реальность — женское движение. Сегодня в Узбекистане существует широкая сеть женских организаций, комитетов, фондов, ассоциаций и т. д. От их активности во многом зависит совершенствование государственной концепции улучшения положения женщины в нашем демократическом обществе.

Д.А. АЛИМОВА

ИСТОРИЯ КАК ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ КАК НАУКА

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

I том

Редактор *И. Рахимова*

Художник *Ж. Адиллов*

Технический редактор *Т. Харитоновна*

Компьютерная верстка *Ф. Тугушева*

Подписано в печать 19.05.2008 г. Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Антиква».
Печать офсетная. Усл.п.л. 17,5. Уч.изд.л. 11,20. Тираж 1000.
Заказ № 08-17. Цена договорная.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом творческом доме «Узбекистан»
Узбекского агентства по печати и информации.
100129. Ташкент, ул. Навои, 30.

Алимова Д.А.

А 50 История как история, история как наука / Д.А. Алимова;
Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе; Предисл.; Ин-т истории АН РУз. —
Ташкент: «Узбекистан», 2008.

Т.І: История и историческое сознание. — 280 с.

ББК 63.3(5У)

ISBN 978-9943-01-238-7